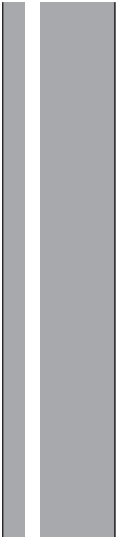

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Майкопский государственный технологический университет»

ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 15 № 3 2023

Журнал издаётся с 2009 года

Майкоп 2023

Наименование	Вестник Майкопского государственного технологического университета Том 15 № 3 2023
Периодичность: Префикс DOI: ISSN	4 выпуска в год, журнал издается с 2009 года 10.47370 ISSN 2078-1024
Свидетельство о регистрации средства массовой информации	Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-85521 от 04 июля 2023 г.
Условия распространения материалов	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
Подписка на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета»	Подписку на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета» можно оформить по индексу Э66022 на сайте Объединённого каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru , в электронном каталоге Почты России по индексу ПК399, а также по индексу 66022 в электронном каталоге УРАЛ-ПРЕСС https://www.ural-press.ru/ Стоимость подписки на полугодие – 2400 руб.
Учредитель / издатель:	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191
Редакция:	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8(8772)52 30 03 e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
Типография:	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8(8772)52 30 03 e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru
Дата публикации:	30.10.2023
Копирайт	© Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2023
Индексирование:	Российский индекс научного цитирования – библиографический и реферативный указатель, реализованный в виде базы данных, аккумулирующий информацию о публикациях российских ученых в российских и зарубежных научных изданиях.
Тираж	500 экз. Цена свободная

Federal Statebudget Educational Institution
of Higher Education «Maikop State Technological University»

**VESTNIK
MAJKOPSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
TEHNOLOGIČESKOGO
UNIVERSITETA**

Volume 15 No 3 2023

First published 2009

Maikop 2023

<i>Title:</i>	Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta Volume 15 No 3 2023
<i>Frequency:</i>	4 issues a year, the journal has been published since 2009
<i>DOI prefix:</i>	10.47370
<i>ISSN</i>	2078-1024
<i>The certificate of registration of mass media</i>	Registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate PI № FS77-85521, July 04, 2023
<i>Terms of distribution of materials</i>	The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License
<i>Subscription to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal</i>	You can subscribe to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal on the website of the «Press of Russia» United Catalog www.pressa-rf.ru under the E66022 index and in the electronic catalog of the Russian Post under the PK399 index, and in the electronic catalog of the Ural Press under the 66022 index https://www.ural-press.ru/ On the territory of Russia the cost of a six-month subscription is 2400 rubles.
<i>Founder:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str.
<i>Editorial office:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8(8772)52 30 03 e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Printing house:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8(8772)52 30 03 e-mail: mgtu_konf@mkgtu.ru
<i>Publication date:</i>	30.10.2023
<i>Copyright</i>	© Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta, 2023
<i>Indexation:</i>	The Russian Science Citation Index is a bibliographic and abstract index implemented in the form of a database that accumulates information on publications by Russian scientists in Russian and foreign scientific journals.
<i>Circulation:</i>	500 issues circulation Price free

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Тхакушинов Асланчерий Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «МГТУ»

Зам. главного редактора:

Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию ФГБОУ ВО «МГТУ»

Члены редакционной коллегии:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б.Б. Городовикова», Россия);

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «АГУ», Россия);

Азашиков Г.Х., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Хагуров А.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», Россия);

Сиюхова А.М., доктор культурологии, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Кудаева С.Г., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Сефербеков Р.И., доктор исторических наук, профессор (ФГБУН ИИАЭ ДФНЦ РАН, Россия);

Мусхаджиев С.-Х.Х., кандидат исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Поддубная Т.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУФКСТ», Россия);

Захарова Ж.А., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУ им. Н.А. Некрасова», Россия);

Алиева С.И., доктор исторических наук, профессор (Азербайджанский государственный педагогический университет, Азербайджанская Республика);

Сопов А.В., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Шувакович У.В., доктор политических наук, профессор (PhD), (Приштинский университет, Сербия);

Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Республика Беларусь);

Амирова Л.А., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмулы», Россия);

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор (РУДН, Россия);

Омер Туран, доктор исторических наук, профессор (Технический университет Ближнего Востока, Турция);

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», Россия);

Пивненко П.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «РостГМУ», Россия);

Бегидова С.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «АГУ», Россия);

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (ОУП ВО «АТиСО», Россия);

Панеш А.Д., доктор исторических наук, доцент (ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», Россия);

Чумичева Р.М., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «ЮФУ, Академия психологии и педагогики», Россия);

Лукьяненко В.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «СКФУ», Россия);

Мусханова И.В., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ЧГУ», Россия);

Гапуров Ш.А., доктор исторических наук, профессор (ГКНУ «Академия наук Чеченской республики», Россия);

Соловей Т.Д., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия);

Карлов В.В., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия);

Бенин В.Л., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», Россия)

Жаркынбаева Р.С., доктор исторических наук, профессор (Казахский национальный университет им. аль Фараби, Казахстан);

Бобкова Е.М., доктор социологических наук, доцент (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления, права и социально-гуманитарных наук, Молдова. Приднестровье)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Chief Editor:

Tkhakushinov Aslancheriy Kitovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of FSBEI HE «MSTU»

Deputy Chief Editor

Ovsyannikova Tatiana Anatoljevna, PhD, Professor, prorector for scientific work and innovative development of FSBEI HE «MSTU»

Members Editorial Board:

Badmayev V.N., Ph.D., professor (FSBEI HPE «KalmSU named after B.B. Gorodovikov», Russia);

Nekhay V.N., Doctor of Sociology, an associate professor (FSBEI HE «ASU», Russia);

Azashikov G.H., Ph.D, a professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Khagurov T.A., Doctor of Sociology, a professor (FSBEI HE «KubSU», Russia);

Siyukhova A.M., Doctor of Culturology, an associate professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Kudayeva S.G., Doctor of History, a professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Seferbekov R.I., Doctor of History, a professor (FSBIS IHAE DFSC of the RAS, Russia);

Muskhadzhiyev S.-H.H., Candidate of History, an associate professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Poddubnaya T.N., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HE «KSUPCS», Russia).

Zakharova Z.A., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HPE «KSU named after N.A. Nekrasov», Russia);

Alieva S.I., Doctor of History, a professor (Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, the Azerbaijan Republic);

Sopov A.V., Doctor of History, a professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Shuvakovich U.V., Doctor of Politics, a professor (Pristina University, Serbia);

Kechina E.A., Doctor of Sociology, a professor (Belarusian State University, the Republic of Belarus);

Amirova L.A., Doctor of Pedagogics, an associate professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Akmulla», Russia);

Narbut N.P., Doctor of Sociology, a professor (PFUR, Russia);

Omer Turan, Doctor of Historical Sciences (Prof.Dr) (Middle East Technical University, Turkey);

Khagurov A.A., Doctor of Sociology, a professor (FSBEI HE «KubSU», Russia);

Pivnenko P.P., Doctor of Pedagogic Sciences, professor (Southern Federal University, Russia)

Begidova S.N., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HE «ASU», Russia);

Volkova O.A., Doctor of Sociology, a professor (EITU HE «ALandSR», Russia);

Panesh A.D., Doctor of History, an associate professor (SBI RA «ARIHR named after T.M. Kerashev», Russia);

Chumicheva R.M., Doctor of Pedagogics, a professor (FSAEI HE «SFU, Academy of Psychology and Pedagogy», Russia);

Lukyanenko V.P., Doctor of Pedagogics, a professor (FSAEI HE «NCFU», Russia);

Muskhanova I.V., Doctor of Pedagogics, an associate professor (FSBEI HE «ChSU», Russia);

Gapurov Sh.A., Doctor of History, a professor (SOSI «The Chechen Republic Academy of Sciences», Russia);

Solovey T.D., Doctor of History, a professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Russia);

Karlov V.V., Doctor of History, a professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (MSU named after M.V. Lomonosov, Russia);

Bonin V.L., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Ak-mulla», Russia)

Zharkynbayeva R.S., Doctor of History, a professor, (Kazakh National University named after al-Farabi, Kazakhstan);

Bobkova E.M., Doctor of Sociology, an assistant professor (Trans-Dniester state university named after T.G. Shevchenko, Institute of Public Administration, Law and Social and Human sciences, Moldova, Trans-Dniester).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гайнанова М.Р. С.Н. Максуди и российские масоны в начале XX в.	11
Джабаева Т.Ч. Взаимоотношения российской администрации и высших сословий Северного Кавказа в контексте утверждения царской власти в регионе во второй половине XIX века.	20
Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. Военное строительство и воинская обязанность в Дагестане в 1928–1940 гг.: исторический и социально-культурный аспекты.	29
Тедеев Х.В. Организация истребительных батальонов и их деятельность в годы Великой Отечественной войны.	42
Халидова О.Б. Православная идентификация русского населения Республики Дагестан. 1985–1999 гг.	49

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Иващенко Т.А., Двойникова Е.С. Теоретический анализ дефиниции «креативная педагогика».	58
Паскова А.А. Практические аспекты применения chatgpt в высшем образовании.	67
Ряполова Н.В. Принципы развития российской культурной идентичности студентов вуза на занятиях иностранного языка.	75
Свечкарёв В.Г., Эбзеев М.М., Кочкаров Э.Э. Мониторинг профессиональной деятельности преподавателя высшей школы в современных условиях: зарубежный и отечественный опыт.	84
Тлевцежева М.А. Система высшего образования в России: проблемы и перспективы.	93
Чумичева Р.М., Куликовская И.Э., Поддубная Т.Н. Культура безопасности жизнедеятельности как педагогическая проблема.	99
Шатравкина А.В., Анохина Г.И. Исследование мотивации к изучению математических дисциплин у студентов медицинских направлений подготовки. ...	108

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ашинов Б.Ю., Кумпилова А.Р. К вопросу о социальной ответственности как характеристике социальных взаимодействий в различных сферах.	115
---	-----

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Gaynanova M.R. S.N. Maksudi and Russian Masons at the beginning of the XX century	12
Dzhabaeva T.Ch. Relations of the Russian administration and the highest estates of the Northern Caucasus in the context of the statement of Tsar power in the region in the second half of the XIX century	21
Kaymarazov G.Sh., Kaymarazova L.G. Military construction and military duty in Dagestan in 1928–1940: a historical and socio-cultural aspects	30
Tedeev Kh.V. Organization of fighter battalions and their activities during the Great Patriotic War	43
Khalidova O.B. Orthodox identification of the Russian population in the Republic of Dagestan. 1985–1999	50

PEDAGOGICAL SCIENCES

Ivashchenko T.A., Dvoynikova E.S. Theoretical analysis of the definition of «Creative Pedagogy»	59
Paskova A.A. Practical aspects of using <i>chatgpt</i> in higher education	68
Ryapolova N.V. Principles of developing the Russian cultural identity of university students in foreign language classes	76
Svechkarev V.G., Ebzeev M.M., Kochkarov E.E. Monitoring the professional activity of high school teachers in modern conditions: foreign and domestic experience	85
Tlevtsezheva M.A. New trends in modern education	94
Chumicheva R.M., Kulikovskaya I.E., Poddubnaya T.N. Life safety culture as a pedagogical problem	100
Shatravkina A.V., Anokhina G.I. Research of medical students' motivation for studying mathematical disciplines	109

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Ashinov B.Yu., Kumpilova A.R. Revisiting social responsibility as a characteristic feature of social interactions in various fields	116
--	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-11-19>
УДК 947.083:061.236.61

М.Р. Гайнанова

С.Н. Максуди и российские масоны в начале XX в.

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация

В статье представлено исследование о малоизвестной странице жизни известного татарского и турецкого общественного деятеля С.Н. Максуди – тюрколога, просветителя, депутата Государственной думы Российской империи и меджлиса Турецкой Республики в разные периоды жизни. В начале XX в. выпускник Сорбонского университета, молодой адвокат Садри Максуди оказался в центре политической жизни тюрко-мусульманского мира России. Проживая в Санкт-Петербурге и активно занимаясь политической деятельностью, он познакомился с российскими масонами, стал участником масонского движения.

Отношение к масонству в отечественной истории характеризуется различными оценками, например, им приписывали участие в заговорах, владениями тайными знаниями и т.д. В действительности, большинство масонов были либералами, выступающими за введение в России широкого спектра демократических свобод, в том числе расширение прав национальных меньшинств. Это и привлекло одного из лидеров российского мусульманства, активно отстаивавшего идеи равенства и просвещения своего народа.

В работе представлен анализ истории открытия масонских лож в Санкт-Петербурге после революции 1905–1907 гг. и их деятельности в межреволюционный период, в которой принял участие С.Н. Максуди.

Цель исследования: анализ взглядов татарского политического деятеля С.Н. Максуди через призму его участия в масонских организациях начала XX в. Для этого автором были использованы биографический, историко-генетический и историко-сравнительный методы исследования, а также общенаучные методы анализа и диалектический. В результате мы пришли к выводу, что несмотря на все объективные различия между общественным течением мусульман России и учением масонов, между ними были общие мировоззренческие идеи, которые и привлекли в ряды каменщиков татаро-мусульманского лидера Садри Максуди, что отразилось и на его политической жизни.

Ключевые слова: Россия, масоны, либерализм, Первая русская революция, Государственная дума, С.Н. Максуди

Для цитирования: Гайнанова М.Р. С.Н. Максуди и российские масоны в начале XX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 11-19. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-11-19>.

M.R. Gaynanova
S.N. Maksudi and Russian Masons
at the beginning of the XX century

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan,
the Russian Federation*

Abstract.

The article investigates little-known facts in the life of the famous Tatar and Turkish public figure S.N. Maksudi – a turkologist, an educator, a deputy of the State Duma of the Russian Empire and the Majlis of the Turkish Republic at different periods of his life. At the beginning of the XX century a graduate of the Sorbonne University, a young lawyer, Sadri Maksudi, found himself at the center of the political life of the Turkic-Muslim world of Russia. He lived in St. Petersburg and was actively engaged in political activities. Just then he met Russian Freemasons and became a participant in the Masonic movement.

The attitude towards Masonry in the Russian history is characterized by different assessments, for example, they were credited with participation in conspiracies, possession of secret knowledge, etc. In fact, most Masons were liberals who advocated the introduction of a wide range of democratic freedoms in Russia, including expanding the rights of national minorities. This attracted one of the leaders of Russian Islam, who actively defended the ideas of equality and enlightenment of his people.

The article presents the analysis of the history of the opening of Masonic lodges in St. Petersburg after the revolution of 1905-1907 and their activities during the inter-revolutionary period, in which S.N. Maksudi took part.

The purpose of the study was to analyze the views of the Tatar politician S.N. Maksudi through the prism of his participation in Masonic organizations of the early XX century. For this purpose the author used biographical, historical-genetic and historical-comparative research methods, as well as general scientific and dialectical methods of analysis. As a result, we came to the conclusion that despite all the objective differences between the social movement of Muslims in Russia and the teachings of the Freemasons, there were common ideological ideas between them, which attracted the Tatar-Muslim leader Sadri Maksudi to the ranks of the masons, which was reflected in his political life.

Key words: Russia, Masons, liberalism, the First Russian Revolution, the State Duma, S.N. Maksudi

For citation: Gaynanova M.R. S.N. Maksudi and Russian Masons at the beginning of the XX century // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 3. – P. 11–19. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-11-19>.

Введение. Историю масонства в Российской империи принято делить на три периода, каждый из которых соответственно приходится на XVIII, XIX и XX вв. Впервые сведения о российских масонах – «вольных каменщиках» фиксируют-

ся в документе 1731 г. Собственно тогда и начался расцвет масонства в стране и продолжился до разгрома декабристов (конец первой четверти XIX вв.). Во время царствований Екатерины II и Александра I многие известные общественные и

политические деятели, деятели культуры, конечно же, – декабристы, были членами масонских лож [1, с. 24].

Специалисты по истории вопроса в большинстве своем считают, что масонство в России массово распространяется в дворянской среде с середины XVIII в., точнее с 1747 г. Власти неоднозначно относились к этому тайному обществу, в которое входили представители знати и офицерства. Сменяя гнев на милость, правительство то разрешало и даже способствовало развитию масонства, то разгоняло ложи и полностью запрещало деятельность. Продолжалось это до 1822 г., когда Александр I, узнав о существовании декабристских организаций, издал указ «Об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ». Были запрещены вообще все тайные общества, в том числе и масонские ложи. Возвращению масонства в Россию и его легализации способствовал Николай II спустя почти столетие. В 1905 г. он сам прошёл обряд посвящения в масоны [2], [3].

Н.Н. Берберова, специалист по истории масонов в России, пишет, что возрождение масонства в России в начале XX в. было вызвано тремя важными событиями: проигрышем Россией русско-японской войны, революцией 1905–1907 гг. (и созданием Государственной Думы) и бурным ростом численности интеллигенции, приведшим к формированию политических либеральных партий. Русские либералы-буржуа отвергали революционный путь преобразований в России и настаивали на демократических преобразованиях путем проведения реформ, на становлении гражданского общества и иных прогрессивных изменениях [4, с. 17–18]. Эти чаяния российских либералов во многом соответствовали идеям масонов, которые очень быстро нашли среди них своих новых членов, в том числе и среди депутатов первого российского парламента.

Основная часть. Масонство в России. Возрождение масонства в России связано с именем русского учёного, историка, публициста, члена Государственной думы I созыва и Государственного совета М.М. Ковалевского. 11 января 1906 г. он «обратился в Совет Ордена Великого Востока Франции с просьбой делегировать представителей для открытия масонской ложи в Москве или Санкт-Петербурге [5, с. 91], [6, р. 106].

Ответ не заставил себя ждать, и 15 ноября 1906 г. в г. Москве была открыта Первая «французская» ложа «Возрождение» (тем самым было заявлено, что будут продолжены традиции прошлого) на основе Уставов Великого Востока Франции. Председателем ее стал врач-психиатр Н.Н. Баженов. Уже в декабре 1906 г. в г. Санкт-Петербурге была открыта вторая российская ложа «Полярная звезда» во главе с адвокатом Е.И. Кедриным.

Существенно, по сравнению с предыдущими столетиями, изменился сословный состав членов лож. В начале XX в. это были либералы из буржуазии, служащих, врачей, адвокатов, военных, представителей духовенства [7, с. 41]. Были среди масонов люди очень влиятельные, им оказывалась поддержка в правительственных кругах, что побуждало некоторых рядовых членов поступать в ложи не по убеждениям, а в поисках покровительства или протекции по службе для себя и своих близких. Но все же руководители лож были людьми идейными, поэтому большинство из них являлись действующими политиками того времени [8, с. 430].

В масоны вступали члены различных либерально-демократических партий и общественных движений, а также беспартийные. Больше всего среди масонов было членов кадетской (конституционно-демократической) партии – до 25% [9, с. 47]. Лидеры мусульманской партии «Иттифак-аль-Муслимин», созданной в 1905–1906 гг., также были членами этой партии.

Будучи людьми рациональными, российские масоны начала XX в. пошли по пути упрощения масонской атрибутики. Заседания не протоколировались, традиционные обряды и церемонии не практиковались, минимально использовалась символика. Из трех (ученик, мастер, подмастерье) сохранили всего две (ученик и мастер) степени посвящения, отказались от создания инфраструктуры (культовых помещений-храмов, библиотек, музеев, архивов). Периодически, по мере назревания вопросов, собирались на арендуемых частных квартирах, даты новых собраний заранее не обговаривали. Но в уставах прописали тщательное соблюдение и следование конспирации. В случае закрытия ложи ее члены обязывались «забыть» навсегда о том, что она когда-либо существовала, а они были ее участниками. Выражаясь языком самих масонов, – ложа «засыпала» [7, с. 42].

Активистка Е.В. Кускова в частном письме обратила внимание на особенности российского масонства начала XX в.: «Ничего общего это масонство с заграничным масонством не имеет. Никогда ни в какой связи не состояло на том простом основании, что это русское масонство отменило весь ритуал, всю мистику и прибавило новые параграфы». Главную идею российских масонов она отметила как «политическую». Также зафиксировала, что впервые в истории, в России, в масонские ложи принимались женщины [10, с. 109–110].

Садри Максуди. Садретдин Низаметдин оглу Максудов (1878–1957) родился в Казанской губернии в деревне Ташсу в семье муллы. Начальное образование получил у отца, затем в Казани в Апанаевском медресе, где преподавателем был его старший брат – журналист, педагог, известный общественный деятель – Ахмет-хади Максуди (1868–1941). В 1893 г. братья отправились в Крым продолжить образование в медресе «Зынджирлы». Здесь Садри Максуди познакомился с Исмаилом

Гаспринским¹, и эта встреча становится судьбоносной для молодого татарина. С. Максуди воспринял идеи Гаспринского о тюркском единстве. Вернувшись в Казань, в 1897 г. он поступил в Казанскую татарскую учительскую школу и окончил ее в 1901 г.

Садри Максуди получает высшее образование на юридическом факультете Сорбонского университета в Париже (1902–1906 гг.). Также параллельно обучается в Высшей школе социальных наук, посещает лекции правоведа Габриеля Тарда в Коллеж де Франс и лекции философов Дюркгейма и Леви-Брюля на филологическом факультете [11, с. 36]. В это же время он знакомится с идеями либеральных деятелей, интересуется идеологическими течениями разных слоев французского общества и ведет активную общественную и культурную жизнь.

В 1906 г. с дипломом юриста С. Максуди возвращается в Россию, где сразу же включается в политическую жизнь. По инициативе тюрко-мусульманских лидеров Ю. Акчуры и И. Гаспринского 16–20 августа 1906 года он участвовал в III съезде партии «Иттифак аль-Муслимин» в Нижнем Новгороде, на котором был избран в Центральный комитет партии и выдвинут от нее в депутаты Государственной думы II, а затем и III созывов.

В период работы в Государственной думе С. Максуди стал членом Мусульманской фракции и выступал от имени и в интересах поволжских татар и вообще всех мусульман Российской империи. Его речи, выступления, доклады на думской трибуне практически сразу перепечатывались в татаро-мусульманской периодической печати и вызывали неизменное одобрение у читателей, особенно в среде мусульманской интеллигенции

¹ Исмаил Гаспринский (1851–1914) – признанный лидер мусульманского мира России, крымскотатарский интеллектуал, издатель, журналист, просветитель; основоположник джадидизма.

В IV Государственную думу кандидатура Максуди не прошла из-за сфабрикованных данных об его имущественном цензе. С его уходом в Думе не осталось ни одного общенационального мусульманского лидера, объединявшего интересы российского государства и общества с интересами российских мусульман [12, с. 150]. В 1913 г. Максуди, сдав экстерном экзамены по юридическим дисциплинам в Московском университете, начал заниматься адвокатской практикой и был членом юридической комиссии Казанской городской управы [13, с. 36]. К активной политической деятельности С. Максуди вернулся после Февральской революции 1917 года. Он был избран председателем Миллэт Меджлиси (Национальное собрание), которое приняло первую Конституцию национально-культурной автономии татар. Также С. Максуди стал председателем Милли Идаре (Национальное правление). Когда в 1918 г. Миллэт Меджлиси объявил об образовании штата Идел-Урал, Садри Максуди стал председателем парламента. Национально-культурная автономия существовала недолго, до 13 апреля 1918 года.

Активный политический деятель буржуазного татарского правительства Садри Максуди оказался в оппозиции к большевистской власти. Он не принял ее и вынужден был покинуть страну. В эмиграции он жил в Финляндии, во Франции и Германии. В 1925 г. по приглашению Президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля переезжает в Анкару.

В Турции С. Максуди сумел найти свое место в политико-правовой и общественной жизни. Профессор Анкарского и Стамбульского университетов, депутат Великого Национального Собрания Турции внес значительный вклад в правовую и историческую науку страны, был востребован в ее общественно-политической жизни.

Участие С.Н. Максуди в масонстве. В 2001 г. в свет вышел энциклопедиче-

ский словарь, подготовленный специалистом по истории масонства в России А.И. Серковым. Книга представляет собой справочник по истории российского масонства XVIII–XX вв., в который вошли биографии более 12 тыс. вольных каменщиков, списки всех масонских лож, словарь масонских терминов. Масонству начала XX в. в словаре уделено достаточно внимания [14]. Автор отмечает, что при работе над «Словарем» были учтены все сочинения по русскому масонству, найдены редкие публикации и неопубликованные источники, были изучены около 250 архивных фондов, которые хранятся в 20 архивохранилищах и частных коллекциях. Документы по истории русского масонства XX в., которые были введены в научный оборот, практически никогда ранее не изучались. А.И. Серков подчеркивает, что в словаре помещены лишь биографии тех лиц, о масонстве которых известно на основании подлинных документов [14, с. 7–8].

На основании найденных документов, исследователь причислил к масонам и Садри Максуди, который был членом ложи «Полярная Звезда».

Ложа «Полярная Звезда» в Санкт-Петербурге работала под руководством Великого Востока Франции с 15 ноября 1906 г. Инсталлирована 9 (22) мая 1908 г. на квартире В.А. Маклакова. Заседания проходили на квартирах А.А. Орлова-Давыдова, М.М. Ковалевского и Д.О. Бебутова. Закрыта в 1910 г. (по другим сведениям – не позднее 1913 г.). Знак ложи представлял собой круг с надписью: «Полярная С.П.Б. звезда 1908», в центре которого были изображены девятиконечная звезда, ветви, перекрещенные наугольник и циркуль и сияние [14, с. 1144]. За время существования в ложе состояли 60 деятелей Российской империи. С.Н. Максудов посвящен после инсталляции ложи, т.е. в 1908 г.

Сведения о ложе «Полярная звезда» содержатся в воспоминаниях Д.О. Бебуто-

ва¹, которые были частично опубликованы Н.Н. Берберовой [4, с. 237–249] и Николаевским Б.И. (ред. и сост. Ю.Г. Фельштинский) [15, с. 125–147]. В воспоминаниях Д.О. Бебутова содержится подробная информация о создании ложи и ее участниках, где среди прочих участников упоминается и имя Садри Максуди:

«Осенью 1906 г. я решил заняться специально организацией масонов в России. Масонство в Европе достигло того, что правительства прислушиваются к решениям масонов. В Европе во всех органах управления имеются масоны. Они в курсе всего правительственного механизма, в курсе всей экономической жизни страны. Масоны были в России давно, но они всегда преследовались, т.к. правительство всегда боялось упускать из своих рук власть. [...] Все, что принято рассказывать о масонах, об ужасах, происходящих на заседаниях, – все это неправда. [...] Мне всегда представлялось, и сейчас я в этом убежден, что только при надлежащей организации масонов, и, конечно, при твердом решении участвующих подчиниться масонской дисциплине, возможно достигнуть каких-нибудь реальных результатов. Этому может служить примером Турция, Португалия. [...]

Сейчас же после роспуска Первой думы я переговорил со всеми и все согласились со мной, что надо начинать действовать. Первым делом был послан в Париж список наших имен с заявлением, что мы решили действовать и принимать новых членов. [...] Из осторожности я не имел дома никаких списков. Все имена я

старался всегда держать в памяти, а пометки о взносе каждого делал в старой телефонной книжке и не против фамилии, а по заглавным буквам фамилии. Каждые три месяца я отчитывался, чтобы не трудно было запоминать всякую мелочь. Как было условлено, 8 мая 1908 г. приехали оба француза. [...] Начался церемониал установления ложи. Ложа получила название «Полярная звезда». После этого все присутствующие начали подписывать клятвенное обещание в двух экземплярах, одно для нас, другое французы отвезли в Париж. [...]

Таким образом, мы совершенно спокойно собирались и вначале проявляли большую деятельность. Были приняты вновь депутаты: Пергамент, Букейханов, Черносвитов, Некрасов, Караулов, Розанов, Головин (бывший председатель Второй думы), Килевейн, Кузьмин-Караваев, князь Максудов, генерал Субботин, Симонов, Веретенников, Буслов, предводитель дворянства Дмитриев, профессор Горденко, князь Эристов, доктор Светловский, Измаилов, четыре офицера-сапера и один артиллерист» [15, с. 133–134].

Также Д.О. Бебутов пишет о поездке в начале 1909 г. в Османскую империю, где российские масоны знакомились с системой масонской пропаганды в турецких войсках и в среде младотурок [15, с. 139–142]. Он отмечает, что в качестве делегата ложи он устанавливал дружественные связи с масонами Турции, обсуждались вопросы политического, общественного характера с местными представителями.

Однако вскоре, из-за внутренних противоречий, членами общества было принято решение об «усыплении» ложи. Причину закрытия Д.О. Бебутов увидел в «полной неспособности к твердой организованности» ее членов [15, с. 144–147].

Русское масонство, возродившееся в начале XX в. на волне революционных событий 1905–1907 гг., являлось в боль-

¹ Давид Осипович Бебутов (1859 – не позднее 1916) – член партии кадетов, возглавлял партийный Московский районный комитет в Петербурге. Коллекционер документов по истории общественного и революционного движения в России. Д.О. Бебутов – один из активных функционеров русского масонства. Он был секретарем ложи «Полярная звезда» и Верховного Совета – прообраза Российской Великой Ложы, представлял российское масонство за рубежом.

шей степени политическим клубом, объединившим людей с разными политическими и мировоззренческими взглядами, чем политической организацией. Члены лож, называвшие друг друга братьями, не имели права критиковать кого-либо за политические убеждения. Ложа выступала своеобразной дискуссионной площадкой, на которой представители различных движений и партий вырабатывали общую позицию на основе длительных обсуждений текущих событий в стране. Поэтому, на наш взгляд, рассуждать на тему существования какого-либо масонского заговора неправомерно. Масонство было лишь одним из многих альтернативных политических течений в России, возникших на волне революционных событий. А масоны лишь пытались найти свою нишу в политическом мире России и никакого существенного влияния на развитие страны в реальности не имели [16, с. 298].

Российское масонство начала XX в. прошло два этапа. На первом (1906–1910 гг.) – российские «вольные каменщики» действовали под эгидой «Великого Востока Франции», придерживаясь умеренно-либерального направления. На втором (1910–1917 гг.) – главной масонской организацией стал «Великий Восток народов России», состоявший в основном из членов кадетской партии, поддерживавшей деятельность Прогрессивного блока. Поэтому организация властями стала восприниматься как либерально-оппозиционная [17, с. 17–18]. Большевики после прихода к власти запретили масонов, как и все другие буржуазно-демократические движения.

Практическая деятельность российских «вольных каменщиков» в основном выразилась в участии в работе Государственной думы Российской империи. Как показывает анализ стенограмм думских выступлений, члены масонских лож – депутаты Думы в среднем в 3–4 раза чаще

поднимались на трибуну парламента с выступлениями и предложениями, чем депутаты – не масоны. В своих докладах они высказывались за широкую демократизацию государственных основ, за широкий спектр свобод и прав населения, за расширение прав нерусских народов, национальное и гражданское равноправие и т. п. [18, с. 135–142].

Таким образом, масонские ложи, открытые в России после 1905 г., на своих собраниях на повестку дня ставили вопросы, касающиеся управления страной, политических, земельных и образовательных реформ, затем эти актуальные темы обсуждались в стенах Думы. Главным образом, масонами были либералы, т. е. основная часть думского сектора. Однако деятельность масонов в 1906–1910 гг. больше оставалась на словах и не имела никакой программы. По мнению А.Я. Авреха, «масонство не могло уничтожить разрыв между привилегированными, образованными классами и промышленными рабочими, которые были настроены бунтарски» [19, с. 48]. По мнению С.П. Карпачева, «...сама масонская организация 1906-1910 гг. практически не сыграла какой-либо существенной роли в отечественной истории» [18, с. 135–142].

Заключение. Вступление С. Максуди в масонскую ложу, на наш взгляд, стало следствием того, что, являясь депутатом Государственной думы, он пытался быть в курсе всех политических событий, программ и действий, которые относились к думской деятельности. В масонстве он увидел инструмент решения политических задач в пользу национальных интересов мусульман Российской империи. После закрытия ложи в 1910 г. он уже не состоял в подобных обществах. Следует отметить, что свидетельств о принадлежности С. Максуди к масонам после 1910 г. нами выявлено не было.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лавринович Д.С. Политическое масонство в оппозиционном движении России начала XX века // Весник Магілеўскага Дзяржаўнага Ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. 2003. № 4 (16). – С. 22–33.
2. Свеженцев П. Масоны в России XX века [Электронный ресурс] // Познавательный проект о русскоязычной цивилизации. URL: <https://vatnikstan.ru/history/masonry-xx-vek/> (дата обращения: 06.07.2023).
3. Smith N. Political Freemasonry in Russia, 1906–1918: A Discussion of the Sources // The Russian Review. 1985. Vol. 44, No. 2. P. 157–173. URL: <https://doi.org/10.2307/129171>
4. Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 399 с.
5. Серков А.И. История русского масонства, 1845–1945. – СПб., 1997. – 480 с.
6. Hass L. The Russian Masonic Movement in the Years 1906–1918 // Acta Poloniae Historica. 1983. T. 48. P. 95–131.
7. Киясов С.Е. Последние масоны Российской империи // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия: История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 2. – С. 40–45.
8. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра I до наших дней. 3-е изд. – М.: Москва, 1999. – 541 с.
9. Брачев В.С. Русское масонство XX века. – СПб., 2000. – 256 с.
10. Из письма Е.В. Кусковой Н.В. Польскому (Валентинову) 10 ноября 1955 г. // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / ред.-сост. Ю. Фельштинский. – М.: Терра, 1990. – С. 109–112.
11. Айда А. Садри Максуди Арсал. – М., 1996. – 359 с.
12. Хабутдинов А.Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). – Казань: Татар.кн.изд-во, 2008. – 213 с.
13. Татарская энциклопедия / гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Ин-т татарской энциклопедии. Т. 4. М-П, 2008. – 766 с.
14. Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: энциклопедический словарь. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1224 с.
15. Бебутов Д. Русское масонство XX в. // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / ред.-сост. Ю. Фельштинский. – М.: Терра, 1990. – С. 125–147.
16. Курылев К.П., Джангирян В.Г., Станис Д.В. Масонская деятельность представителей либеральной оппозиции в России в начале XX века (на примере А.И. Коновалова) // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. – С. 286–299.
17. Лавринович Д.С. Политическое масонство в общественно-политической жизни России и Беларуси в 1905–1917 гг. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. – С. 10–19.
18. Карпачев С.П. Масонство и масоны России XVIII–XXI веков. Ступени масонского мастерства (древний и принятый шотландский ритуал). – М.: В.П. Быстров, 2007. – 192 с.
19. Аврех А.Я. Масоны и революция. – М.: Политиздат, 1990. – 348 с.

REFERENCES:

1. Lavrinovich D.S. Political Masonry in the opposition movement of Russia at the beginning of the 20th century // Vesnik Magileuskaga Dzyarzhaunaga Universiteta named after A.A. Kulyashova. 2003. No. 4 (16): 22–33.
2. Svezhentsev P. Masons in Russia of the XX century [Electronic resource] // Educational project about Russian-speaking civilization. URL: <https://vatnikstan.ru/history/masonry-xx-vek/> (date of access: 06.07.2023).

3. Smith N. Political Masonry in Russia, 1906–1918: A Discussion of the Sources // The Russian Review. 1985. 44 (2):157–173. URL: <https://doi.org/10.2307/129171>
4. Berberova N.N. People and lodges. Russian Masons of the 20th century. M.: Progress-Tradition, 1997. 399 p.
5. Serkov A.I. History of Russian Masonry, 1845–1945. St. Petersburg, 1997. 480 p.
6. Hass L. The Russian Masonic Movement in 1906–1918 // Acta Poloniae Historica. 1983. 48: 95–131.
7. Kiyasov S.E. The last masons of the Russian Empire // News of Saratov University. 2011. V. 11. Series: History. International relationships. 2 (2): 40–45.
8. Ivanov V.F. Russian intelligentsia and Masonry. From Peter I to the present day. 3rd ed. M.: Moscow, 1999. 541 p.
9. Brachev V.S. Russian Freemasonry of the twentieth century. St. Petersburg, 2000. 256 p.
10. From a letter from E.V. Kuskova N.V. To Polsky (Valentinov) November 10, 1955 // Nikolaevsky B.I. Russian Masons and the Revolution / comp. by Yu. Felshtinsky. M.: Terra, 1990. P 109–112.
11. Aida A. Sadri Maksudi Arsal. M., 1996. 359 p.
12. Khabutdinov A. Yu. From community to nation: the Tatars from the Middle Ages to the New Age (late 18th – early 20th centuries). Kazan: Tatar book publishing house, 2008. 213 p.
13. The Tatar Encyclopedia / Ed. by M.H. Khasanov. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia. V. 4. M-P, 2008. 766 p.
14. Serkov A.I. The Russian Masonry. 1731–2000: encyclopedic dictionary. M.: ROSSPEN, 2001. 1224 p.
15. Bebutov D. The Russian Masonry of the 20th century // Nikolaevsky B.I. The Russian Masons and the Revolution / compl. by Yu. Felshtinsky. M.: Terra, 1990. P. 125–147.
16. Kurylev K.P., Dzhangiryan V.G., Stanis D.V. Masonic activity of representatives of the liberal opposition in Russia at the beginning of the XX century (the case of A.I. Konovalov) // Dialogue with time. 2017. 61: 286–299.
17. Lavrinovich D.S. Political Masonry in the socio-political life of Russia and Belarus in 1905–1917 // Publishing house of Belarus state university. History. 2017. 3: 10–19.
18. Karpachev S.P. Masonry and Masons of Russia in the 18–21 centuries. Stages of Masonic Mastery (Ancient and Accepted Scottish Ritual). M.: V.P. Bystrov, 2007. 192 p.
19. Avrekh A. Ya. Masons and the revolution. M.: Politizdat, 1990. 348 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Миляуша Рамилевна Гайнанова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

e-mail: mgaynanova@gmail.com

тел.: +7(927)4001003

Поступила в редакцию 07.08.2023

Поступила после доработки 26.08.2023

Принята к публикации 27.08.2023

Received 07.08.2023

Revised 26.08.2023

Accepted 27.08.2023

Information about the author

Milyausha R. Gaynanova, PhD (Hist.), Senior Researcher, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation

e-mail: mgaynanova@gmail.com

tel.: +7(927)4001003

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-20-28>
УДК 947.08(470.6)

Т.Ч. Джабаева

Взаимоотношения российской администрации и высших сословий Северного Кавказа в контексте утверждения царской власти в регионе во второй половине XIX века

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала, Российская Федерация*

Аннотация

Анализ внутренней политики государства на Северном Кавказе, определение положительных и отрицательных факторов в интеграции края, а также выявление и последствия общих интересов царской администрации и местных феодалов, является актуальным, так как данные процессы повлияли на социально-экономическое развитие региона, привели к социальным конфликтам и в целом изменили социально-правовой статус населения края, входящего в правовое поле Российской империи во II половине XIX в. Определение социальных предпочтений в проведении аграрной политики царской администрации в какой-то мере поможет избежать подобного рода социальных конфликтов в дальнейшем. Целью статьи является выявление социального статуса, исторической трансформации, процесса усиления и роли высших сословий Северного Кавказа, их взаимоотношений с новой властью на протяжении второй половины XIX в., самоорганизации и правового статуса.

В процессе исследовательской работы над статьей были использованы методы сравнительно-исторического анализа, синтеза и обобщения, а также принцип объективности и историзма, предоставивший возможность проанализировать различные эпизоды и явления с исторической точки зрения.

Практика российских реформ во II половине XIX века носила в себе ряд аспектов, обусловивших поворотный этап в общественно-политической, социально-экономической и других сферах жизни народов Северного Кавказа. Результаты исследования заключаются в том, что в статье определены притязания высших сословий на господство над населением посредством захвата, с помощью новой власти, земельных владений в свою собственность, а также получение материальных благ, находясь на службе. Выводы: высшие сословия являлись проводниками политики российской администрации в крае, что приводило к социальным протестам и ухудшению социального положения зависимых сословий.

Ключевые слова: Северный Кавказ, феодальное сословие, землевладение, землепользование, российская администрация, социальные протесты, захват общественных земель, интеграция в правовое поле, политика.

Для цитирования: Джабаева Т.Ч. Взаимоотношения российской администрации и высших сословий Северного Кавказа в контексте утверждения царской власти в

регионе во второй половине XIX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. С. 20–28. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-20-28>.

T.Ch. Dzhabaeva

Relations of the Russian administration and the highest estates of the Northern Caucasus in the context of the statement of Tsar power in the region in the second half of the XIX century

Dagestan State University (DSU) Makhachkala, the Russian Federation

Abstract

Analysis of the internal policy of a state in the North Caucasus, identification of positive and negative factors in the integration of the region, as well as the identification and consequences of the common interests of the tsarist administration and local feudal lords, is relevant since these processes influenced the social and economic development of the region, led to social conflicts, and in general, they changed the social and legal status of the population of the region, which was part of the legal field of the Russian Empire in the second half of the 19th century. Determining social preferences in the implementation of the agrarian policy of the tsarist administration will to some extent help to avoid this kind of social conflict in the future. The purpose of the article is to identify the social status, historical transformation, the process of strengthening and the role of the upper classes of the North Caucasus, their relationship with the new government during the second half of the 19th century, self-organization and legal status.

In the process of the research work methods of comparative historical analysis, synthesis and generalization have been used, as well as the principle of objectivity and historicism, which provide the opportunity to analyze various episodes and phenomena from a historical point of view.

The practice of Russian reforms in the second half of the 19th century contained a number of aspects that determined a turning point in the socio-political, socio-economic and other spheres of life of the peoples of the North Caucasus. The results of the research are the following: the claims of the upper classes to dominate the population by seizing, with the help of the new government, land holdings into their own property, as well as receiving material benefits while in service have been defined. Conclusions: the upper classes were the conductors of the policies of the Russian administration in the region, which led to social protests and the deterioration of the social situation of the dependent classes.

Keywords: the North Caucasus, feudal class, land ownership, land use, the Russian administration, social protests, seizure of public lands, integration into the legal field, politics

For citation: Dzhabaeva T.Ch. *Relations of the Russian administration and the highest estates of the Northern Caucasus in the context of the statement of Tsar power in the region in the second half of the XIX century* // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 3. P. 20–28. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-20-28>.

Введение. Во второй половине XIX века в обществах Северного Кавказа в новых политических условиях формировались капиталистические отношения. Крепостные крестьяне освобождались от

зависимости, местные феодалы не хотели терять свою власть, земля становилась объектом купли-продажи, с чем было связано появление крупных земельных собственников с одной стороны, и социаль-

ных протестов с другой. Царизм проводил политику кнута и пряника. Государственно мыслящие представители царской администрации осознавали, что насилием проблему не решить. Необходимо было стратегически верно проводить политику на местах посредством местной элиты.

Именно на высшие сословия царская администрация вынуждена была опираться в своей деятельности. Без участия местной элиты фактически невозможно было проводить свою политику в различных регионах Северного Кавказа. Данное участие несомненно отражалось на социальном статусе высших сословий. Вместе с тем, благодаря военному положению края, из среды горцев постоянно выдвигались люди, обладавшие или военными способностями, или талантом посредничества между местными властями и народом. Из их числа люди предприимчивые не только числились на службе и получали чины и награды, но и требовали закрепление за ними якобы искони принадлежащих им земель размером в десятки тысяч десятин [1, с. 320].

Основная часть. Социально-экономические отношения у населения Северного Кавказа были довольно сложными, что было связано, с одной стороны, с пестрым национальным и социальным составом данных регионов, с другой – с определенной деятельностью представителей кавказской администрации.

Феодалное сословие адыгов – князья (пши) – обладали исключительно широкими правами и различными политическими и экономическими привилегиями, занимая особо почетное положение в обществе. К.Ф. Сталь писал: «Князь считается главой своего народа (чилле), начальником его вооруженных сил... Лицо, покусившееся на жизнь князя, будет непременно истреблено с целым семейством» [2, с. 144]. Он пользовался большим уважением и почетом, полной свободой, большей, чем у дворян и у духовенства. Никто не мог лишить его княжеского дос-

тоинства, которое приобреталось только по праву рождения. Другие феодалные сословия – султаны-хануко и дворяне (уорки) были вассалами князей. Единственной обязанностью князя являлась защита тех сел, которые ему подчинялись.

Власть князей распространялась на все категории крестьян – как на крепостных, так и на лично свободных – тфокотлей. К работе они старались привлекать всех. Они могли также брать у тфокотлей подвластных аулов скот, оружие и все, что понравится.

Источником обогащения князей были также штрафы за проступки, взыскивание пошлин с купцов, которые хотели торговать в их владениях.

Более того, имея такую власть, князья пользовались поддержкой царской военной администрации, которая в свою очередь, стремилась через князей распространить свое влияние в регионе. К примеру, князья, а также дворяне старались еще более подчинить тфокотлей и превратить их в лично зависимых. Зачастую князья и дворяне запрашивали военную помощь в этом вопросе [3, с. 156].

Открытая поддержка России феодалной адыгейской знати противопоставила против себя основные народные массы, которые стали искать поддержку у турецких правительственных агентов.

Таким образом, в Адыгее следует отметить открытую поддержку привилегированного сословия со стороны российской администрации, что способствовало их поступлению на русскую службу и участию в военных операциях на стороне русских войск. Протурецки настроенное население, недовольное российской политикой, в частности шапсугские и натахайские тфокотли, массово переселялось в Турцию. Жители только трех уездов – Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский – решили не покидать свою родину. В результате земельной реформы в Кубанской области было освобождено 16367 человек [4, с. 105].

Что касается социального положения высшего сословия Кабарды, то отметим, что, ввиду кочевого образа жизни, оно базировалось не на частной, а на семейной собственности на землю. Частной собственности у кабардинцев не было. Население, поселившееся в пределах этой семейной собственности, выполняло установленные повинности. С XIX века местные князья и уздени стремились усилить свою власть над населением.

Документ от 20 августа 1863 г. отвечал исторической действительности. Князья и уздени подписали его не по соображениям добродетели и исторической справедливости. Происхождение этого документа следующее. После образования «Комиссии по личным и земельным правам» под председательством Л.М. Кодзокова в 1853 г. были избраны представители всех сословий кабардинского народа для выяснения прав владения землей. Высшие сословия, князья и уздени, вместе с депутатами от простого народа через своих представителей на съезде в Нальчике 20 августа 1863 г. формально заявили: «Земля кабардинского народа составляет общее наше достояние и мы желаем ею пользоваться на общинном праве владения и в тех взаимных отношениях, при каких издревле жили мы, кабардинцы, по нашим народным обычаям...и просим о таком желании довести до сведения нашего начальства, дабы оно имело просьбу нашу в уважении по устройству поземельных наших прав» [5, с. 35]. Документ был подписан 16-ю князьями и узденями и 5-ю вольноотпущенниками. На съезде присутствовал Л.М. Кодзоков, который принимал участие в составлении этого акта, воздействовал на волю князей и почти насильственно заставил их отказаться от «исторических прав собственности на родовые их земли».

Понятно, что никаких исторических прав на землю у высших сословий Кабарды не было, а потому и отказываться от них им и не нужно было. Права собствен-

ности на некоторые участки они приобрели значительно позже. Российская власть, не считавшаяся с местными особенностями земельно-правовых норм, дарила народные земли князьям за всякую услугу, а также допускала самые широкие земельные захваты отдельными лицами, и тем самым постепенно заложила фундамент поземельной собственности. Такими действиями российская администрация пыталась через привилегированное сословие ускорить покорение региона.

Первоначально выданные кабардинским князьям и даже узденям, на скорую руку и при неопределенных условиях так называемые документы – ордера, билеты и охранные листы – давали право пастьбы баранты и табунов в известных местах. Но впоследствии, при окончательном урегулировании земельного вопроса на Северном Кавказе данные «документы» представлялись их владельцами как санкционированное право на поземельную собственность в вышеперечисленных местах.

Несомненно, в архивах периода появления русских властей на Кавказе, относящегося к Кабарде, можно обнаружить немало подобных билетов и ордеров. Но даже один документ может охарактеризовать методы, к которым прибегали кабардинские князья, уздени и горские «тауби», чтобы доказать свое право собственности на землю.

В докладе начальника Кабардинского округа от 22 августа 1868 г. представлен «подлинный» документ Чегемского таубия Иналука Балкарокова, якобы подтверждающий его право собственности на уч. «Бурлу-Кол». После ознакомления с этим документом комиссия выявила, что он написан на бумаге фабрики, которая не существовала в момент написания этого документа. Однако впоследствии неутомимый Иналук Балкароков доставил еще документ, очевидно, на бумаге старого образца, но этот документ комиссия нашла тоже подложным. Тем не менее, в

дело вмешался начальник Округа, подав ходатайство высшим властям о закреплении за Балкароковым данного участка, убедив комиссию в справедливости притязаний истца [5, с. 36]. Такие примеры встречались довольно часто. Еще в первой половине XIX века Ермолов выдал князю Бековичу-Черкасскому документ, по которому последнему отдавалось в собственность более 98 тыс. десятин малокабардинской общественной земли с правом «переселения туда 70 дворов узденей, черного народа и 15 семей из бывших узденей Бековичей-Черкасских, бежавших в смутное время в Б. Кабарду и ныне желающих возвратиться обратно». Комитет министров грамотой в 1825 г. закрепляет эти земли за Бековичем-Черкасским «в потомственное владение со всеми находящимися на ней (земле) деревнями, аулами, дворами и лесами, ничего не выключая из всего того, что к той земле принадлежит» [6, с. 72].

Комитет министров одним росчерком пера, не вникая в сущность «азиатских прав и обычаев», утверждает за Бековичем-Черкасским поместное право русских губерний. Так легко малозначащий документ подтверждал неограниченное феодальное право. Впоследствии, однако, царской администрации пришлось выкупить в казну данные земли. Часть для наделения землею казачьих станиц, часть для обеспечения земельным наделом проживающих на данной земле туземных аульчан [1, с. 321].

Эти случаи административных ошибок иллюстрировали неудобство принимать окончательные решения по отдельным просьбам, о признании поземельных прав частных лиц. Но в то же время нельзя было упускать из виду, что существующая неопределенность прав землевладения держала в застое народное хозяйство, убивала в самом зародыше попытки к промышленному развитию края и вообще наносила вред благосостоянию населения.

Своеобразные формы крепостной зависимости, появившиеся в Кабарде под влиянием русских, высшие сословия домогались толковать как искони установившиеся права. Все доказательства сословий права собственности основывались исключительно на свидетельских показаниях и на документах последних лет.

Итак, земельные владения всей Кабарды – Большой и Малой, находящиеся в неразделенном общинном пользовании фамильных групп, с появлением русской администрации присваиваются представителями господствующих сословий. Эти захваты закреплялись русской администрацией путем выдачи ордеров, билетов, охранных листов и т.п. Немало было и таких случаев, когда самовольные захваты подкреплялись ложными свидетельскими показаниями или фальшивыми документами.

Население видело, что общественные земли захватываются господствующими сословиями, и, конечно, выражало протесты. Но князья и уздени, служа в русской армии в чинах штаб-офицеров и генералов сначала в качестве старших князей, а позже в качестве главных и второстепенных чиновников, держали в своих руках все нити для предотвращения подобных протестов.

Кроме того, кабардинские земли отбирались русскими властями под подселение казачьих станиц. Сословно-земельный вопрос был предельно запутан и требовал тщательного разбора. Деятельность «Комитетов по разбору личных и поземельных прав туземцев», а также вышеупомянутой «Комиссии по личным и земельным правам» под руководством бывшего начальника Терской области Лорис-Меликова и под председательством Кодзокова, не приносили должного результата, как этого хотелось высшей кавказской администрации. В 1869 г. Терская комиссия была преобразована в Терско-Кубанскую, и полномочия ее ограничивались только рассмотрением сословных

прав туземцев. Земельным вопрос был передан в межевую часть Областного управления.

Последняя Комиссия под председательством Л.М. Кодзокова собрала богатый материал по сословному и земельному вопросам. Вопреки, может быть, своему желанию, Комиссия пришла к правильным выводам в отношении поземельных прав в Кабарде. Лорис-Меликов, будучи недовольным высшими сословиями Кабарды за их постоянные «интриги с Турцией и Крымом», присоединился к выводам Комиссии. Он не разделял точки зрения высшей кавказской администрации, которая поддерживала домогательства князей на землю.

В 1866 г. кавказская администрация прислала проект наделения землею высших сословий в Кабарде. Проект был передан в Комиссию на рассмотрение. В своих возражениях о поземельных отношениях Кабарды, Комиссия исходила из положения, выявленного в вышеупомянутом документе от 20 августа 1863 г. – «земля принадлежит всему кабардинскому народу на общем праве», поэтому наделение высших сословий земельною собственностью было бы «исторической несправедливостью и противоречило бы местным обычаям».

Неизвестно по каким соображениям комиссия нашла, однако, возможным выделить в Большой Кабарде 10–15 тыс. дес. для наделения в собственность за «особые услуги русскому правительству». В заключительной части возражений говорится: «Следует ли интересами масс жертвовать в пользу отдельных личностей, и выгодно ли правительству, ради благосостояния этих последних, восстанавливать против себя целые народные общества, и какая польза обделять их землю и ленивому, малоспособному высшему сословию давать возможность эксплуатировать трудящийся класс народа» [5, с. 45]. Лорис-Меликов вполне соглашался с мнением комиссии и защищал эту точку зрения

перед высшей кавказской администрацией.

Высшая администрация, всегда поддерживающая притязания высшего сословия, не могла одномоментно отказать им. Поэтому мнение комиссии было реализовано частично. Все домогательства князей на специальные пастбищные участки из горных пастбищ были отклонены, а притязания в плоскостной части были урезаны.

В 1868 г. межевая часть областного правления приступило к окончательному разрешению земельного вопроса в Кабарде. Материалы комиссии были приняты ею за основание. Параллельно была образована Сословно-поземельная комиссия. Прежде всего ею было выяснено, кто из высших сословий имел право на землю по своему положению, далее были намечены территориальные границы Кабарды с соседними племенами – Карачаем, Осетией, Ингушетией и Балкарией.

После размежевания Кабарды в 1871–1885 гг. князьям было выделено большое количество земель в собственность, началась продажа этих земель переселенцам.

В итоге в Большой и Малой Кабарде было образовано 262 собственнических участка. Ниже 100 десятин надела в собственности не было [5, с. 55]. Таким образом, во второй половине XIX века под сильным давлением кавказской администрации часть горных пастбищ была изъята под поселение, другая часть была отведена в собственность.

На протяжении долгих веков кабардинский народ оберегал район летних пастбищ от всяких попыток заселения их со стороны кого бы то ни было. Оставление этих районов исключительно под выпас скота произошло не по причине многоземелья, а диктовалось всем укладом кабардинского хозяйства в прошлом. Жизненно важным для скотовода-кабардинца было наличие специальных земель для зимовников и летних выпасов.

Кабардинский народ неоднократно ходатайствовал царской администрации о

возвращении хотя бы части отобранных земель, но местная власть ограничивалась обещаниями, которые неоднократно нарушались в угоду того или иного лица.

В период возникновения и разрешения спора о летних пастбищах, высшие сословия Кабарды и Балкарии предъявляли свои права на некоторые горные районы. Все документы, предъявленные высшими сословиями Кабарды и Балкарии на некоторые урочища в горных пастбищах, сфабрикованы и противоречили всему укладу кабардинского и балкарского хозяйства. Все притязания высших сословий на горные районы были отвергнуты и кавказской администрацией, которая нашла необходимым удовлетворить только требования балкарских обществ о наделении части безземельных горцев землями под поселения из пастбищных земель.

Аналогичную политику в пореформенный период русское командование проводило в Дагестане и Чечне. На начальных этапах оно также опиралось на местную знать – это прежде всего владельцы равнинной и предгорной зон Дагестана и Чечни. Еще в 1818 г., когда генерал Ермолов пришел с войсками в Шамхальство Тарковское для заложения в нем крепости, покорность только выразил владелец Мехти-Шамхал. Скопища других владельцев, воспрепятствовавших движению отряда, были разбиты, сами владельцы изгнаны в горы, лишены права на свои владения. Владения же их перешли в пользу покорного русской власти Мехти-Шамхала. Остальные же владения ханства представляли из себя приставство первоначально во главе с шамхальским чиновником [7, с. 93].

Впоследствии, через лояльных дагестанских владельцев, представители царской администрации распространяли свою власть на местное население. За эти услуги местные князья, ханы и шамхалы получали документы, подтверждающие их право владения землей и подчиненным населением.

Примером может служить документ, подтверждающий данный процесс: «Билет дан сей Андреевскому князю Казию Темирову в том, что ежели овчарной его табун будет пастись на урочище долмы и бугра Чекаг-Эгист близ моря, позволяется допустить иметь там хутор и кочующим с тем табуном овчарам не делать никакого препятствия... Конечно, до тех пор, пока он останется верен русской власти и прочее...» [8, с. 105]. Этот билет впоследствии был обменян на другой, по которому Темирову позволялось селить «слободу», а позже за ним были закреплены эти земли в частную собственность, как «искони ему принадлежавшие».

Но по мере усиления своей власти царское правительство все реже обращалось к местным феодалам, что, конечно, не устраивало последних. Одно из ярких событий в пореформенной истории Северного Кавказа – это восстание в Чечне и Дагестане в 1877–1878 гг. Главной причиной восстания было недовольство местной элиты действиями царской администрации. Феодалы, мусульманское духовенство, теряя свое влияние, выступили против царизма. Этим они попытались вернуть свои бывшие функции, власть и социальный статус.

После начала распространения своей власти царизм опирался на местную элиту, представители которой, кроме того, что получали вознаграждение за службу, принимались в местные отряды милиции. В период восстания российская администрация столкнулась с предательством феодальной верхушки, которая, имея чины и оклады в местной милиции, перешла на сторону мятежников [9, с. 129].

Та часть горской знати, которая сохраняла свою верность России, безжалостно разорялась и уничтожалась. Она вынуждена была искать спасение под защитой русского оружия.

Здесь мы должны отметить недалековидность местной элиты. Большая ответственность за произошедшие трагические

события лежит именно на ней. Высшие сословия обязаны были предвидеть и предотвратить подобное восстание.

Заключение. Таким образом, преследуя известные цели, российская администрация выражала открытую поддержку, прежде всего в аграрном вопросе, привилегированному сословию Северного Кавказа. Это способствовало открытым захватам земельных владений, документальному оформлению общественных участков в частную собственность, а также поступлению местной элиты на русскую службу.

После размежевания Кабарды в 1871–1885 гг. князьям было выделено большое количество земель в собственность, началась продажа этих земель переселенцам. Вместе с тем, под сильным давлением кавказской администрации, удовлетворяя требования балкарских обществ о наделении землей части безземельных горцев, часть горных пастбищ была изъята под поселение.

Во второй половине XIX века, после окончания Кавказской войны, Дагестан и Чечня уже ощущали то положительное влияние России, которое проникало во все общества. Местная элита не была подвергнута преследованиям, не ущемлялась,

а, наоборот, была подспорьем в политике, ее интегрировали в правовое поле Российской империи. Однако она не помешала подготовке восстания и позволила пройти этой трагедии.

Это восстание дорого обошлось горцам. В ходе него погибло множество людей, были разрушены селения, действовали военно-полевые суды. Царская администрация выслала из Дагестана и Чечни во внутренние губернии России более 3 тыс. человек. Одновременно были награждены те горцы, которые сохранили верность Российской империи. Среди награжденных были также кабардинцы, осетины, представляющие различные общества и фамилии.

В сфере гражданских прав русская власть на Северном Кавказе избегала резкой ломки, считаясь с правовыми навыками населения и наделяя местную элиту определенными правами. Нельзя не отметить, что наряду с поддержкой местной элиты, выплатой им жалованья, происходило освобождение зависимых сословий. Общая численность освобожденных крестьян на Северном Кавказе в 1858–1869 гг. составляет свыше 67 649 чел., а вместе с райятами в 1913 г. – свыше 127 тыс. чел. [10, с. 90].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. – Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского; 1869. – 401 с.
2. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. – Тифлис: 1900. – 163 с.
3. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. – Краснодар: Кн. изд-во: 1989. – 318 с. // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. – С. 104-113.
4. Население и землепользование Кабарды // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды / под ред. проф. А. Н. Минина. Т. 2. – Воронеж, 1928. – 191 с.
5. Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права черкесов (адыгов). Т. 5. / Ажахов К.М. [и др.]. – Ростов на/Д: Альтаир; 2013. – 812 с.
6. Мехтулинские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. – Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского; 1869. – 401 с.
7. Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды: (этнографически-экономический очерк). – М.: Ленанд, 2018. – 194 с.

8. Гасанов М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). – Махачкала: Юпитер; 1999. – 357 с.

9. Кузьминов П.А. Реформа сословно-поземельных отношений у народов Северного Кавказа в XIX веке: от «горского общества» к обществу крестьянскому // Кавказология. 2018. № 1. – С. 80–113.

REFERENCES:

1. Gavrilov P.A. The structure of the land life of the mountain tribes of the North Caucasus // Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. 2. Tiflis: Chief ex. Governor's of the Caucasus publishing house; 1869. 401 p.

2. Steel K.F. Ethnographic sketch of the Circassian people // Caucasian collection. V. 21. Tiflis: 1900. 163 p.

3. Pokrovsky M.V. From the history of the Circassians at the end of the 18th – first half of the 19th century: Socio-economic essays. Krasnodar: Book publishing house; 1989. 318 p. // Ethnographic review. 1992. No. 2. P. 104–113.

4. Population and land use of Kabarda // Proceedings on the natural-historical and economic survey of Kabarda / ed. by prof. A. N. Minin. Voronezh, 1928. 2:191.

5. Anthology of monuments of the law of the peoples of the Caucasus. Monuments of Circassian (Adyghe) law. V. 5. / Azhakhov K.M. [et al.]. Rostov on/D: Altair; 2013. 812 p.

6. Mehtulin Khans // Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. 2. Tiflis: Chief ex. Governor's of the Caucasus publishing house; 1869. 401 p.

7. Tulchinsky N.P. Five mountain societies of Kabarda: (ethnographic and economic essay). M.: Lenand, 2018. 194 p.

8. Gasanov M.M. Dagestan as part of Russia (second half of the 19th century). Makhachkala: Jupiter; 1999. 357 p.

9. Kuzminov P.A. Reform of class-land relations among the peoples of the North Caucasus in the 19th century: from “mountain society” to peasant society // Caucasology. 2018. 1: 80-113.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Тахмина Чарагановна Джабаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация

e-mail: tahmina.dj@mail.ru

тел.: +7(928)5511661

Information about the author

Tahmina Ch. Dzhabaeva, PhD (Hist.), Associate Professor, Department of History, Faculty of History, Dagestan State University (DSU) Makhachkala, Russian Federation

e-mail: tahmina.dj@mail.ru

тел.: +7(928)5511661

Поступила в редакцию 18.07.2023

Поступила после доработки 26.08.2023

Принята к публикации 27.08.2023

Received 18.07.2023

Revised 26.08.2023

Accepted 27.08.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-29-41>

УДК [94:355.212](470.67)

Г.Ш. Каймаразов¹, Л.Г. Каймаразова^{1*}

Военное строительство и воинская обязанность в Дагестане в 1928–1940 гг.: исторический и социально-культурный аспекты

^{1, 1}Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала,
Российская Федерация*

Аннотация

В статье, с учетом возрастания интереса в обществе и в научной среде к военной истории, в том числе к проблеме вовлечения народов национальных районов страны в процесс формирования и дальнейшего развития Советских Вооруженных сил, с использованием принципов историзма, научной объективности, а также сравнительно-исторического, проблемно-хронологического, статистического и описательного методов, с привлечением новых публикаций и документальных источников, не вводившихся ранее в научный оборот, рассмотрены исторический и социально-культурный аспекты военного строительства в Дагестанской АССР с 1928 по 1940 гг. – от момента проведения первого обязательного призыва дагестанцев на военную службу в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) до принятия в сентябре 1939 г. Верховным Советом СССР нового Закона «О всеобщей воинской обязанности», который положил начало выполнению представителями мужской части молодежи народов Дагестана воинского долга на общих со всеми национальностями СССР основаниях. В исследовании охарактеризована работа органов власти по налаживанию военного учета мужской части населения и допризывной подготовке молодых людей многонационального региона, с точки зрения разработки «мужской истории» получила освещение гендерная составляющая процесса формирования воинской обязанности, выявлены особенности осуществления советского военного строительства в Дагестане в обозначенные хронологические рамки, охарактеризованы перспективы и область применения результатов исследования.

Ключевые слова: военное строительство, обязательный призыв на военную службу, всеобщая воинская обязанность, вооруженные силы, Рабоче-крестьянская Красная армия, Дагестан, исторический аспект, социально-культурный аспект, ранний советский период

Для цитирования: Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. Военное строительство и воинская обязанность в Дагестане в 1928–1940 гг.: исторический и социально-культурный аспекты // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 29–41. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-29-41>.

G.Sh. Kaymarazov¹, L.G. Kaymarazova^{1*}
**Military construction and military duty
in Dagestan in 1928–1940: a historical
and socio-cultural aspects**

^{1, 1*}*Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan
Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russian Federation*

Abstract

The article considers the historical and socio-cultural aspects of military development in the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic from 1928 to 1940, taking into account the growing interest in society and the scientific community in military history, including the problem of involving the peoples of national regions of the country in the process of formation and further development of the Soviet Armed Forces. In the research the principles of historicism, scientific objectivity, as well as comparative historical, problem-chronological, statistical and descriptive methods have been used; new publications and documentary sources that have not previously been introduced into scientific circulation have been employed.

The historical and social and cultural aspects of military development in the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic from 1928 to 1940 have been considered. - from the moment of the first compulsory conscription of Dagestanis for military service in the ranks of the Workers' and Peasants' Red Army (RKKA) until the adoption in September 1939 by the Supreme Soviet of the USSR of the new Law "On General Military Duty". This event marked the beginning of the implementation of military service by representatives of the male youth of the peoples of Dagestan service on a common basis with all nationalities of the USSR.

The research characterizes the work of the authorities to establish military registration of the male part of the population and pre-conscription training of young people in a multinational region. The gender component of the process of formation of military service has been highlighted; the features of the implementation of Soviet military construction in Dagestan within the designated chronological framework identified and prospects and scope of application of the research results characterized.

Keywords: military construction, compulsory conscription, universal conscription, the armed forces, the Workers' and Peasants' Red Army, Dagestan, historical aspect, socio-cultural aspect, the early Soviet period

For citation: Kaymarazov G.Sh., Kaymarazova L.G. *Military construction and military duty in Dagestan in 1928 – 1940: a historical and socio-cultural aspects* // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 3. P. 29–41. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-29-41>.

Введение. В предлагаемой вниманию читателей статье получила дальнейшее освещение научная проблема, связанная с ходом военного строительства и введением воинской обязанности в самой многонациональной северокавказской республике – Дагестанской АССР – в ранний советский период [1]. Авторами исследо-

вания учитывался актуализировавшийся в последнее время интерес научной и широкой общественности к «мужской» истории, связанной с военными конфликтами, боевыми действиями, военным строительством, в том числе в национальных районах страны, а также с исполнением гражданами РФ воинской обязанности.

Целью исследования стало изучение истории военного строительства в Дагестанской АССР в 1928–1940 гг. – от момента проведения первого обязательного призыва дагестанцев на военную службу в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) до принятия в сентябре 1939 г. Верховным Советом СССР нового Закона «О всеобщей воинской обязанности», который обозначил начало выполнения представителями молодежи народов Дагестана воинской службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях.

Исследование выполнено в географических границах современной Республики Дагестан.

Авторы статьи определились с основными задачами исследования: последовательно рассмотреть очередной этап исторического процесса военного строительства в Дагестане в конце 1920-х – 1930-е гг.; осветить исторический и социально-культурный аспекты формирования воинской обязанности в Дагестане; выявить особенности осуществления советского военного строительства в обозначенные хронологические рамки в многонациональном регионе; показать последовательность его вовлечения в общероссийский процесс формирования и дальнейшего развития вооруженных сил страны. Вышеназванные задачи решались с использованием принципов историзма и научной объективности, сравнительно-исторического, проблемно-хронологического, статистического и описательного методов, а также с привлечением новых публикаций по теме и документальных источников, не вводившихся ранее в научный оборот.

Проблема советского военного строительства в Дагестане относится к разряду недостаточно изученных. Среди авторов, активно занимавшихся ее разработкой, в том числе национальным аспектом формирования Советских Вооруженных Сил в рассматриваемый период, следует отме-

тить Б.Г. Кадырова¹, Э.-Б.Р. Назиха², Ю.Ю. Карпова [2], В.В. Жаркова [3]. Наиболее обстоятельно интересующие нас вопросы рассмотрены в монографиях и научных статьях А.Ю. Безугольного [4; 5; 6; 7; 8; 9], в том числе написанных им в соавторстве с другими исследователями [10]. В трудах дагестанских историков обозначенная проблема предметом научного изучения не становилась.

Основная часть. На рубеже 1920–1930-х гг. в сфере национального военного строительства актуализировалась проблема, связанная с организацией учетно-призывной работы в национальных районах страны, в том числе на Северном Кавказе и в Дагестане, а также с развертыванием допризывной военной подготовки. Так, в соответствии с Законом «Об обязательной военной службе» 1928 г.³ и директивой Штаба Северо-Кавказского военного округа от 28 июля 1928 г. на территории Дагестанской АССР был объявлен сбор на военное допризывное обучение горцев-националов 1907 года рождения. Обучение проводилось на Махачкалинском, Дербентском, Буйнакском и Хунзахском учебных пунктах с 15 февраля по 15 мар-

¹ Кадыров Б.Г. Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: автореф. ... дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002 [<https://cheloveknauka.com/>] Человек и Наука; 2023 [процитировано 16 августа 2023]. Доступно: <https://cheloveknauka.com/natsionalnaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-armii-v-mezhvoennyi-period-kontseptsiya-i-praktika>.

² Назих Э.-Б.Р. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований: 1923–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. [<https://www.dissercat.com/>] disserCat – электронная библиотека диссертаций; 2023 [процитировано 16 августа 2023]. Доступно: <https://www.dissercat.com/content/deyatelnost-gosudarstvennykh-i-voennykh-organov-sssr-po-sozdaniyu-i-razvitiyu-natsionalnykh>.

³ Об обязательной военной службе: Закон от 8 августа 1928 г. уточнял ряд положений «Закона об обязательной военной службе» от 18 сентября 1925 г.

та 1929 г. Явке на сбор подлежали горцы Дагестана всех без исключения национальностей, проживающие в соответствующих кантонах (округах, районах – авт.). Списки допризывников формировались в соответствии с хранящимися в сельсоветах именными списками и приписными книжками допризывника, имеющимися у каждого горца-национала. За уклонение от явки на сбор предусматривалась уголовная ответственность. Допризывники должны были явиться в учебные пункты на собственных лошадях (лошади определялись в конюшни и для них выделялся фураж за счет государства), со своими седлами и иметь «вполне годную к носке одежду и обувь, две пары белья и постельную принадлежность»¹. Размещались допризывники в казармах, довольствие их шло за государственный счет.

Годом раньше, еще в начале 1928 г., в агитационно-пропагандистском отделе ДК ВКП (б) была создана комиссия для разъяснения населению основных положений Закона «Об обязательной военной службе». По линии военного ведомства во всех округах республики заработали «военные делопроизводства» – специальные учетные комиссии. Укомплектовать их, в силу отсутствия подготовленных кадров, стало делом непростым. Зачастую в комиссии попадали лица, которые не принимали сам факт распространения обязательной воинской повинности на дагестанских горцев и не делали различия между призывом и мобилизацией. Случалось, что не только местные работники, но и направленные в районы представители республиканских партийных и советских органов оказывались не в состоянии объяснить гражданам, в чем

суть предстоящего мероприятия. Так, в с. Чонтаул Хасавюртовского округа председатель сельсовета, получив распоряжение об учете граждан призывного возраста, созвал сход и дал такие «разъяснения» собравшимся, что доводы прибывшего из центра партийного работника – «молодежь призывают не на убой, а для обучения военному делу» – не были поняты селянами². Или, к примеру, уполномоченные военкомата Дербентского района сразу, без всякой подготовительной и разъяснительной работы, приступили к записи молодых людей 1906 и 1907 г. р., объявив, что они будут призваны в армию. По округу поползли слухи: «Если нас уже забирают в армию, предварительно не подготовив, значит, скоро будет война, и нас, необученных, всех убьют»³.

На факты обращения горцев к авторитетному духовному лицу – шейху А.-Х. Акушинскому за советом, как поступать в сложившейся ситуации, обратил внимание известный специалист в области социокультурных исследований в кавказоведении Ю.Ю. Карпов [2, с. 228]. Так, в с. Билыт-Аух Хасавюртовского округа после сообщения о призыве молодежи в Красную армию, селяне желали узнать мнение А.-Х. Акушинского, который со времен Гражданской войны для многих продолжал оставаться непререкаемым авторитетом. Жители села ссылались на якобы сказанные им слова: «дагестанцы никогда в армии не служили», и можно предложить «взамен людей оказание помощи правительству в виде хлеба, скота, денег» и т. д. [2, с. 228] В с. Каякент Дербентского округа среди местных жителей распространялось отрицательное в отношении воинской повинности мнение ду-

¹ Приказ Дагестанского Центрального Исполнительного Комитета и Территориального управления ДАССР «О сборе на военное допризывное обучение горцев-националов 1907 года рождения». 5 января 1929 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 252-р. Оп. 2. Д. 1. Л. 5.

² Сводка ДК ВКП (б) о ходе агитационно-пропагандистской кампании по введению Закона «Об обязательной военной службе» для коренных национальностей ДАССР в ЦК ВКП (б). Май 1928 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 992. Л. 72.

³ Там же. Л. 73.

ховных лиц и членов их семей. Широко растиражированное среди сельских жителей Дагестана «обещание, данное советским руководством республики шейху Али-Хаджи Акушинскому, горцев на военную службу не брать», помогало духовнику Абдулле Меджид Селибу агитировать односельчан против отправки их детей на военную службу. А жена кадия Абакап Кияз Казай напоминала женщинам, что при Деникине после попытки забрать их сыновей, поднялась настоящая буря, что может случиться и теперь¹. В с. Хотода Гунибского округа в ходе обсуждения вопроса о призыве голосование было сорвано².

Документы фиксировали и иные случаи, когда на сельских сходах принимались компромиссные решения. В с. Аркас Буйнакского округа собравшиеся на крестьянском сходе приняли резолюцию, где говорилось: «Если другие аулы не откажутся от призыва, то и мы согласны и возражать не будем». А в резолюции схода в с. Кадар указывалось: «Нам призыва не нужно, а когда будет нужно, мы все пойдем на войну»³.

Документы хранят и массу свидетельств о благосклонном отношении горцев к мероприятиям по призыву на военную службу. Так, при учете граждан допризывного возраста в Кайтаго-Табасаранском округе не было зафиксировано ни одного факта сокрытия подлинного возраста молодых людей, и после составления списков лиц призывного возраста из Мюрего, Усемикент, Утамыш и других аулов на призывной пункт явились 153 добровольца с заявлениями о готовности служить в Красной армии. Десятки заявлений от уроженцев Дербентского округа поступили на призывной пункт г. Дербента. В Аварском округе вместо положенных 65 призывников в учетные пункты явилось 129 человек. Правда, даже там, где население было готово к призыву на военную

службу в рядах Красной армии, жители сел не понимали разницы между призывом и мобилизацией. Это видно, в частности, по высказываниям родителей призывников на собраниях в с. Ахты Самурского округа: «Я очень рад, что мой сын подлежит мобилизации»; «Мобилизацию горцев давно бы надо провести» и т. п.⁴

В августе 1928 г. Территориальное управление ДАССР сообщило данные о количестве подлежащих призыву представителей народов Дагестана (без учета сведений по городам): «Всего приписано и подлежит призыву националов 1906 и 1907 г.р. 11160 человек»⁵.

30 сентября 1928 г. республиканские газеты опубликовали обращение правительства ДАССР, а 1 октября 1928 г. – решение ДагЦИК о призыве горцев на военную службу в соответствии с положениями Закона «Об обязательной военной службе» от 8 августа 1928 г. К этому моменту учет подлежащей призыву горской молодежи был завершен, а сам призыв начинался с 15 октября. Подводя промежуточные итоги, партийное руководство республики пришло к выводу, что разъяснительная работа по этому важному мероприятию была проведена неудовлетворительно, и образовавшиеся в ней «лакуны» очень быстро заполнялись действиями местных «активистов»⁶. В такой обстановке стали фиксироваться попытки за деньги найти желающих отслужить за подлежащих призыву⁷, занизить количество учтенных, используя родственные, кунацкие связи и материальную заинтересованность должностных лиц, включить в списки призываемых преимущественно бедняков и даже инвалидов, сокрыть информацию о льготах, предоставляемых

⁴ Там же. Л. 74.

⁵ Сводка Территориального управления ДАССР о подготовительных мероприятиях к очередному призыву граждан 1906 года рождения в ряды РККА. 19 августа. 1928 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1034. Л. 10–12.

⁶ Там же. Л. 80.

⁷ Там же. Л. 81.

¹ Там же. Л. 76.

² Там же. Л. 75.

³ Там же.

законом при проведении призыва¹. В то же время Дагобком ВКП (б), по имеющейся у него информации, отмечал в целом доброжелательное отношение к призывной кампании со стороны бедняцких масс дагестанского аула. Его можно коротко охарактеризовать словами бедняка из с. Шамхал-Янги-Юрт Махачкалинского района И. Ибрагимова: «Молодежь никогда не станет уклоняться от военной службы. Нам даже обидно, почему нас, мусульман, до сих пор считают неблагонадежным элементом. Мы не продадимся врагу и будем служить в Красной армии так же, как и русские товарищи»².

Подобные настроения в дагестанском обществе получали отражение в республиканской периодической печати. Так, к примеру, со страниц республиканской газеты «Дагестанская правда» к читателям обращался народный поэт Дагестана А. Магомедов, делая это доступно и просто, как в свои юные годы, когда он распевал стихи и «частушки» («сарыны») собственного сочинения:

«У других народов так
Сыздавна заведено.
Следовать примеру их
Нам пора уже давно.

Русский призван в РККА,
Много призванных таких,
Пахоту и сенокос
Прявят женщины за них»³.

(Перевод Николая Ушакова).

При проведении агитационной кампании по призыву использовалась специально изданная литература, организовывались самые разные культурные агитационно-пропагандистские мероприятия, в том числе с участием национальных воинских формирований. К примеру, в конце августа 1928 г. в горы выехал Дагестан-

ский национальный кавалерийский эскадрон. При посещении им 19-ти населенных пунктов Буйнакского, Даргинского, Гунибского и Аварского округов его политсоставом были проведены митинги о призыве и военном строительстве, а в ряде аулов – показаны спектакли на национальных языках, организованы игры, конкурсы национальных танцев и т.д.⁴

С начала 1929 г. в республике развернулась работа по подготовке к регистрации (взятие на военный учет) граждан 1908 г. р. в срок с 15 февраля по 31 марта текущего года. Молодые люди должны были явиться в Территориальное управление ДАССР, военкоматы, в военные делопроизводства при милиции кантонных (районных) исполкомов, а также в специально созданные для этих целей комиссии при сельсоветах. В состав комиссии, по возможности, вводился санитарный врач или лепком (фельдшер – авт.) для определения возраста молодого человека по внешнему виду, в случае отсутствия у него соответствующих документов⁵. Составленные списки старались переводить на русский язык, на их основе формировались «именные списки новых призывных карт»⁶ и заполнялись, как было сказано в документе, «военные билеты»⁷ (послед-

⁴ Сводка Территориального управления ДАССР о подготовительных мероприятиях к очередному призыву граждан 1906 года рождения в ряды РККА. 19 августа. 1928 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1034. Л. 84.

⁵ Письмо врио начальника Территориального управления ДАССР Гудкова и начальника Учетно-мобилизационной части Решетова председателю Махачкалинского кантонного исполкома. 28 января 1929 г. // ЦГА РД. Ф. 252-р. Оп. 2. Д. 1. Л. 15.

⁶ «Личная карта призываемого на военную службу» (1925 г.) позже была переименована в «Призывную карту».

⁷ По-видимому, речь в тексте идет о «Призывных картах», поскольку документ под названием «Военный билет» появился в 1961 г., а до этого он именовался «Служебной книжкой красноармейца» (1918) и «Красноармейской книжкой» (1941) и выдавался после демобилизации военнослужащего.

¹ Там же. Л. 80 – 83.

² Там же. Л. 83.

³ Магомедов А. Женщины – на поля! // Дагестанская правда. 1937. 4 марта.

ние вводились вместо именных книжек допризывников – авт.), которые подлежали вручению каждому под расписку¹.

22 августа 1929 г. решением Дагестанского ЦИКа и Территориального управления Дагестанской АССР на основании Закона «Об обязательной военной службе», во исполнении приказа РВС СССР 1929 г. и приказа войскам Северо-Кавказского военного округа от 2 августа 1929 г. был объявлен призыв на действительную военную службу в ряды РККА граждан всех национальностей Дагестана 1907 г. р. и старше². От явки на призыв освобождались следующие категории граждан: 1) граждане, находящиеся на момент призыва на действительной военной службе в рядах РККА, флота (в отдельный вид вооруженных сил Военно-Морской Флот СССР выделялся в 1937 г. – авт.), в войсках ОГПУ и конвойной страже СССР; 2) учащиеся, научные работники, землеустроители, переселенцы, получившие отсрочки от призыва в соответствии с Законом «Об обязательной военной службе»; 3) лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы; 4) граждане, находящиеся на излечении в лечебных учреждениях.

В Дагестане было образовано 14 призывных комиссий – Махачкалинская, Хасавюртовская, Буйнакская, Левашинская, Лакская, Хунзахская, Гунибская, Ботлихская, Дербентская, Кайтагская, Касумкентская, Ахтынская, Кизлярская и Ачикулакская. Уклонившиеся от явки и несвоевременно явившиеся на призыв привлекались к ответственности по соответствующим статьям Уголовного Кодекса РСФСР, а не-

явившиеся для отправки в части войск и признанные призывными комиссиями годными для службы в армии – к ответственности на основании «Положения о воинских преступлениях» (1924). Призывным комиссиям разрешалось производить в порядке добровольчества прием на военную службу граждан, родившихся в 1908 и в 1909 гг.³ Параграф 16-й приказа войскам Северо-Кавказского военного округа гласил: «Военкоматам Дагестанской АССР особых приказов о призыве не издавать»⁴.

В августе 1929 г. на местах в сельсоветах стали создаваться специальные комиссии, в состав которых входили председатель сельсовета (он же председатель комиссии), представители кресткома, профорганизации бедноты (батрачкама), ячейки ВКП (б). Подлежащий приписке к призывному участку в обозначенный срок вызывался в сельсовет, где он сдавал комиссии «военный билет»⁵. Далее комиссия проводила опрос призывника и записывала данные по следующим пунктам: национальность, род занятий, социальное положение, место работы, партийность, семейное положение, состав семьи, уровень грамотности, избирательное право (не поражен ли в правах – авт.), место жительства, размер дохода и сельхозналога. Затем комиссией составлялась характеристика на призывника⁶.

³ Сводка Дагобкома ВКП (б) в ЦК ВКП (б) и Политуправления СКВО о ходе подготовки к призыву на военную службу горских национальностей ДССР. Не позднее 15 октября 1928 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 992. Л. 54.

⁴ Приказ Дагестанского ЦИК и Территориального управления Дагестанской АССР о призыве на действительную военную службу в ряды РККА дагестанцев 1907 года рождения и старше. 22 августа 1929 г. // ЦГА РД. Ф. 252-р. оп. 2. Д. 1. Л. 54.

⁵ Так в тексте документа. По-видимому, и здесь речь идет о «Призывной карте».

⁶ Инструкция Территориального управления ДАССР для сельских советов по выполнению работы по приписке граждан к призывным участкам. Не ранее 22 августа 1929 г. // ЦГА РД. Ф. 252-р. Оп. 2. Д. 1. Л. 63.

¹ Директива Территориального управления ДАССР местным исполнительным органам власти о взятии на военный учет граждан республики 1908 года рождения. 16 января 1929 г. // ЦГА РД. Ф. 252-р. Оп. 2. Д. 1. Л. 16 – 18.

² Приказ Дагестанского ЦИК и Территориального управления Дагестанской АССР о призыве на действительную военную службу в ряды РККА дагестанцев 1907 года рождения и старше. 22 августа 1929 г. // ЦГА РД. Ф. 252-р. оп. 2. Д. 1. Л. 54.

Специальными выездными комиссиями определялось, кто из призываемых имеет право воспользоваться льготами по семейно-имущественному положению. Устанавливались три разряда льгот: 1-й разряд – для единственного способного к труду члена семьи при наличии трех и более нетрудоспособных членов семьи, содержаемых трудом призываемого; 2-й – для единственного способного к труду члена семьи при наличии одного или двух нетрудоспособных членов семьи, содержаемых трудом призываемого; 3-й – для способного к труду члена семьи при наличии в ней другого трудоспособного члена семьи и при условии, что трудом обоих названных трудоспособных членов семьи содержатся три и более нетрудоспособных члена семьи. Нетрудоспособными считались: лица мужского пола до 18 лет и старше 55 лет и лица женского пола до 18 лет и старше 50 лет; лица женского пола, занятые уходом за входящими в состав той же семьи детьми; инвалиды, нуждающиеся в постоянной помощи для удовлетворения обычных жизненных потребностей, а также инвалиды, не способные ни к какому труду, дающему заработок, хотя и не нуждающиеся в постороннем уходе¹.

Итоги призывной кампании 1930 г. в целом по стране продемонстрировали заметное сокращение численности призывников. Требовались срочные меры для обеспечения количественного роста РККА и увеличения контингента призывников, в том числе, расширение «приема в РККА национальностей, не втянутых еще в военную службу» [4, с. 58–59]. Вторая половина 1930-х гг. прошла под знаком совершенствования призывного законодательства и перехода ко всеобщему призыву граждан на срочную военную службу.

¹ Объявление Территориального управления ДАССР о работе комиссий по определению прав призываемых на льготы по семейно-имущественному положению. 5 мая 1930 г. // ЦГА РД. Ф. 252-р. Оп. 2. Д. 1. Л. 94.

В марте 1938 г. было принято совместное постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА», в котором они признавались одной из основных форм вовлечения народностей, ранее в армии вовсе не служивших, в дело обороны государства. В то же время отмечалось, что, построенные на принципе территориальности, они сыграли свою положительную роль в годы Гражданской войны и переформируются в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием. С этого момента граждане национальных республик и областей призывались к выполнению воинской службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях². Новый этап не только в проведении языковой политики государства, но и в строительстве многонациональной советской армии, был связан с принятием постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. В том же 1938 г. в соответствии с административно-территориальным делением были созданы военкоматы в автономных республиках, краях и областях, и сеть подчиненных им районных военкоматов расширилась в 3,5 раза [5].

Принятый 1 сентября 1939 г. Верховным Советом СССР новый Закон «О всеобщей воинской обязанности» декларировал, что все мужчины – граждане СССР без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения обязаны отбывать воинскую службу в составе Вооруженных Сил СССР.

Авторы коллективной монографии «Горцы Северного Кавказа в Великой Оте-

² Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА». 7 марта 1938 г. // КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов. 1917 – 1958. Под наблюдением Б. Заславского и Г. Ильницкой. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1958. – С. 352.

чественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения» считают, что итоги первого в истории Северного Кавказа и Закавказья призыва молодежи местных национальностей показали его своевременность, поскольку кавказская молодежь обладала относительно высоким общеобразовательным уровнем и хорошей физической формой [10, с. 116]. В подтверждение этого они приводят данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. по уровню грамотности мужского населения Северного Кавказа в возрасте от 9 до 49 лет, отметив, что у некоторых народностей Дагестана, в частности, лакцев и аварцев, она была настолько высокой, что вслед за осетинами, занимавшими по уровню грамотности первое место, она составляла соответственно 92,6 и 90,5% [10, с. 117]. Признавая материалы переписи самым достоверным на тот момент статистическим источником с интересующими нас данными, не можем не обратить внимание на следующий момент. Хотя по данным переписи грамотность мужского населения республики от 9 до 49 лет, куда входила и возрастная категория мужчин призывного возраста, составляла 85,7% [11, с. 84], эти показатели учитывали также грамотность на языках народов Дагестана (т.е. на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском и т.д.), и доля ее была довольно существенной. А, как известно, для службы в РККА нужна была грамотность, прежде всего, на русском языке, чтобы понимать положения воинского устава, приказы командиров, оперативно взаимодействовать с личным составом. Даже грамотность на русском языке мужского населения школьной возрастной группы не могла давать хоть сколько-то высокий процент, поскольку школы республики, особенно в сельской местности, испытывали острый дефицит преподавателей русского языка, а работа по обязательному изучению русского языка в школах Дагестанской АССР только разворачивалась.

Со своей стороны, партийная организация республики регулярно отслеживала, как идет подготовка к призыву, и выражала недовольство ходом ликвидации неграмотности среди допризывников. К примеру, в среднем по Дагестану на середину апреля 1939 г. не было охвачено обучением 13% неграмотных и 24% малограмотных допризывников¹. Среди прошедших призыв 1939 г. в РККА были направлены 339 человек неграмотных и 4474 человека малограмотных. «Эти красноармейцы на сегодня являются неполноценными для Красной армии, ибо с ними вместо боевой подготовки надо заниматься ликвидацией неграмотности и малограмотности»², – говорилось в письме руководства СКВО в Дагестанский обком ВКП (б).

Не вполне благополучно обстояло дело и с физическим здоровьем призывников. В ходе призыва 1939 г. отсеив по болезни среди них составил 15,5%³. Это можно объяснить труднодоступностью горных районов для налаживания медицинского обслуживания больных горцев призывного возраста, проведения лечебно-оздоровительных мероприятий. Наиболее распространенными заболеваниями среди подлежащих призыву молодых людей были грыжа, парша, тиф. По данным на 1 января 1940 г., 786 призывников нуждались в лечении⁴.

В военные комиссариаты республики накануне призыва поступали десятки писем с просьбой о досрочном зачислении в

¹ Постановление бюро Дагобкома ВКП (б) «О ходе подготовки к очередному призыву в РККА». 16 апреля 1939 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4192. Л. 79.

² Письмо командующего войсками Северо-Кавказского военного округа Качалова, члена Военного Совета СКВО Шекланова и врио начальника штаба СКВО Бармина в Дагестанский обком ВКП (б) об итогах призыва 1939 г. по Дагестанской АССР. 10 февраля 1940 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4518. Л. 137.

³ Там же.

⁴ Там же.

ряды РККА и ВМФ¹. Причем это были письма не только от молодых дагестанцев, но и от их родителей².

В районах республики еще до начала призыва укомплектовались штаты призывных пунктов. Они были оборудованы библиотеками, которые снабжались учебниками по военному делу, художественной литературой, журналами, газетами, оформлялись политическими лозунгами, плакатами, портретами руководителей страны, по возможности создавались условия для организации культурного досуга призывников. С участием прибывающих призывников проводились митинги, встречи, беседы³. Но основное внимание все-таки уделялось практической и теоретической подготовке будущих воинов: допризывники сдавали нормы на значки Осоавиахима, на специально организованных курсах ликвидировали свою неграмотность и малограмотность. Как свидетельствуют документы, материалы периодической печати, источники устного народного творчества, постепенно в Дагестане складывалась новая традиция – организация праздничных проводов на службу в рядах РККА: проведение вечеров призывников, их торжественный отъезд в воинские части.

В октябре 1940 г. наряд СКВО на призыв в РККА по Дагестанской АССР был выполнен. Показатели призыва выглядели следующим образом: подлежало явке на призыв 8381 человек; явилось на призыв 8131 человек (97%)⁴ (представителей на-

родов Дагестана 6323 человека [5]); не явилось на призыв 250 человек (3%) (для сравнения в 1939 г. неявка составила 7,2%); явилось на призыв неграмотных 126 человек (1,5%), малограмотных 1239 человек (15,2%); представлено отсрочек по болезни 515 (6,3%); зачислены в кадровые части 6569 человек (80,8%), из них членов и кандидатов в члены ВКП (б) 202 (2,5%) и комсомольцев 3188 (39,2%); зачислены в рабочие батальоны 171 человек (2,1%); предоставлены льготы по семейному положению 458 призывникам (5,6%). Из призванных значкистов «Ворошиловский стрелок» (ВС) было 1750 (21,5%), «Готов к труду и обороне» (ГТО) 1864 (22,9%), «Готов к санитарной обороне» (ГСО) 1092 (13,4%), «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» (Готов к ПВХО) 736 (9%) и др.⁵

После введения всеобщего призыва и экстерриториального распределения контингентов, особенно по итогам призыва 1940 г., молодое пополнение из Дагестана направлялось, главным образом, на военную службу в Западный особый военный округ, который дислоцировался на территории Белорусской ССР и Смоленской области РСФСР, и Киевский особый военный округ, дислоцированный на территории Украинской ССР [5]. В составе РККА им суждено было принять на себя первые удары войск фашистско-нацистской Германии в июне 1941 года.

Заключение. Таким образом, с конца 1920-х и в 1930-е гг. в республике была продолжена работа по налаживанию военного учета населения и допризывной подготовке молодежи многонационального Дагестана. Служба в армии позволяла повышать образовательный, культурный, теоретический уровень молодых дагестанцев. Приобретенный ими образовательный и профессиональный опыт использовался в работе органов власти на местах. Постепенно в дагестанском обще-

¹ Адамченко М. С нетерпением ждут дня призыва // Дагестанская правда. 1940. 13 сентября.

² Абакаров А. Мой сын оправдает доверие // Дагестанская правда. 1940. 15 сентября.

³ Справка заведующего военного отдела Дагестанского обкома ВКП (б) об итогах очередного призыва в РККА по Дагестанской АССР 1939 г. 21 октября 1939 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. оп. 1. Д. 4465. Л. 156.

⁴ Справка заведующего военного отдела Дагестанского обкома ВКП (б) Власенко об итогах очередного призыва в РККА по Дагестанской АССР 1940 г. Не ранее 31 октября 1940 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4878. Л. 36.

⁵ Там же.

стве служба в армии стала восприниматься как обязательный этап в жизни каждого мужчины.

На сегодняшний день сохраняет актуальность изучение опыта советского военного национального строительства, позволившего постепенно, поэтапно вовлекать народы национальных районов в общероссийский процесс социалистической модернизации, а также готовить молодых горцев к службе в рядах многонациональных советских вооруженных сил.

Востребованным в исследовательском поле проблемы остается изучение ее гендерного аспекта, а также ее политико-воспитательной и социально-культурной составляющих.

Материалы исследования были использованы при подготовке доклада на научной сессии, посвященной 300-летию Российской академии наук и 10-летию российской науки и технологиям и прошедшей в ДФИЦ РАН 8–9 февраля 2023 г., а также при написании учебного пособия по истории Дагестана для 10–11-х классов.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Дагестана, при разработке спецкурсов для студентов исторических факультетов вузов, в практической работе, в том числе в работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. Воинская обязанность и военное строительство в Дагестане в 1917-1928 гг.: исторический аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 4. – С. 31–48.
2. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2017.
3. Жарков В.В. Реформирование Красной армии в 1920-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). – С. 192–202.
4. Безугольный А.Ю. Источник дополнительной мощи Красной армии... Национальный вопрос в военном строительстве в СССР. 1922–1945. – М.: Политическая энциклопедия, 2016.
5. Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918 – 1945. Историко-статистическое исследование. – М.: Центрполиграф, 2021.
6. Безугольный А.Ю. Национальные формирования РККА в 1930-е гг. [Электронный ресурс] // Oriental Studies. 2016. Т. 9, № 5. – С. 58–70. Режим доступа: <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view/218/196>.
7. Безугольный А.Ю. Проблема языковой адаптации военнослужащих РККА нерусских национальностей в межвоенный период (1920-е – 1941 гг.) // Вестник РУДН. 2017. Т. 16. № 3. – С. 364–377.
8. Безугольный А.Ю. Реализация программы национального военного строительства в Дагестане и в горских областях Северного Кавказа в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Вестник Дагестанского научного центра. 2014. № 55. – С. 88–94.
9. Безугольный А.Ю. Этнонациональный аспект истории Красной Армии 1920-1940-х гг. в современной российской историографии [Электронный ресурс] // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2017. Т. 3 (69), № 4. – С. 3–17. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonatsionalnyy-aspekt-istorii-krasnoy-armii-1920-1940-h-gg-v-sovremennoy-rossiyskoy-istoriografii>.
10. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войны / под ред. Скаков А.Ю. – М.: Центрполиграф, 2012.
11. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992.

REFERENCES:

1. Kaymarazov G.Sh., Kaymarazova L.G. Military service and military construction in Dagestan in 1917–1928: a historical aspect // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022. V. 14 (4): 31–48.
2. Karpov Yu.Yu. National policy of the Soviet state in the North Caucasus periphery in the 1920–1930s: evolution of problems and solutions. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2017.
3. Zharkov V.V. Reform of the Red Army in the 1920s // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2009. No. 2 (59): 192–202.
4. Bezugolny A.Yu. The source of additional power of the Red Army... The national question in military development in the USSR. 1922–1945. M.: Political Encyclopedia, 2016.
5. Bezugolny A.Yu. National composition of the Red Army. 1918–1945. Historical and statistical research. M.: Tsentrpoligraf, 2021.
6. Bezugolny A.Yu. National formations of the Red Army in the 1930s. [Electronic resource] // Oriental Studies. 2016. 9 (5): 58–70. Access mode: <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view/218/196>.
7. Bezugolny A.Yu. The problem of language adaptation of Red Army military personnel of non-Russian nationalities in the interwar period (1920s – 1941) // Bulletin of RUDN University. 2017. 16 (3): 364–377.
8. Bezugolny A.Yu. Implementation of the program of national military construction in Dagestan and in the mountain regions of the North Caucasus during the interwar period (1920–1930s) // Bulletin of the Dagestan Scientific Center. 2014. 55.: 88–94.
9. Bezugolny A.Yu. Ethnonational aspect of the history of the Red Army of the 1920–1940s in the modern Russian historiography [Electronic resource] // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. 2017. 3 (69), No. 4.: 3–17. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonatsionalnyy-aspekt-istorii-krasnoy-armii-1920-1940-h-gg-v-sovremennoy-rossiyskoy-istoriografii>.
10. Bezugolny A.Yu., Bugai N.F., Krinko E.F. The Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War / ed. by Skakov A.Yu. M.: Tsentrpoligraf, 2012.
11. The All-Union Population Census of 1939: Main results / ed. by Yu.A. Polyakova. M.: Nauka, 1992.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interests

Информация об авторах

Гани Шихвалиевич Каймаразов,

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела новой и
новейшей истории Дагестана.

Институт истории, археологии и этно-
графии Дагестанского федерального иссле-
довательского центра Российской академии
наук, г. Махачкала, Российская Федерация
тел.: +7(928)9412806

Лейла Ганиевна Каймаразова,

кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник отдела новой и новейшей
истории Дагестана.

Институт истории, археологии и этно-

Information about the authors

Ganish Sh. Kaymarazov, Dr. Sci. (Hist.) Pro-

fessor, a Chief researcher of the Department of
Modern and Contemporary History of Dagestan,
Institute of History, Archeology and Ethnogra-
phy, Dagestan Federal Research Center of the
Russian Academy of Sciences, Makhachkala, the
Russian Federation

tel.: +7(928)9412806

Leyla G. Kaymarazova, PhD (Hist.), Lead-

ing researcher, Department of Modern and
Contemporary History, Dagestan Institute of
History, Archeology and Ethnography, Dages-
tan Federal Research Center of the Russian

графии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация
e-mail: kaymarazova@mail.ru,
тел.: +7(928)9412806

Academy of Sciences, Makhachkala, the Russian Federation
e-mail: kaymarazova@mail.ru
tel.: +7(928)9412806

Поступила в редакцию 19.07.2023

Поступила после доработки 29.08.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Received 19.07.2023

Revised 29.08.2023

Accepted 29.08.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-42-48>
УДК 947.084.8

Х.В. Тедеев

Организация истребительных батальонов и их деятельность в годы Великой Отечественной войны

*Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова,
г. Цхинвал, Республика Южная Осетия
e-mail xe.tedei@yandex.ru*

Аннотация

В статье исследуется организация истребительных батальонов и их деятельность в годы Великой Отечественной войны, роль советских партийных органов в обеспечении общественной безопасности в прифронтовой полосе и в тыловых областях СССР при использовании добровольных формирований. Раскрыта история создания и задействования истребительных батальонов как эффективных форм народного ополчения в тылу для эффективной борьбы с немецкой разведкой, активизировавшейся в период наступления вражеских войск по всей линии фронта. Выявлено содержание организационно-педагогической технологии подготовки распределения рабочих кадров дефицитных профессий и специальностей в системе школ фабрично-заводского ученичества. Рассмотрены направления и содержания идеологической работы государства, ориентированной на трудящихся тыла. На примере участия истребительных формирований в защите высокогорных перевалов в районе Большого Кавказского хребта показана тесная взаимосвязь мирного населения и боевых соединений Советской Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Проблемно-тематическое поле, затронутое в данной статье, изучено не только на основе данных центральных органов власти, но а также впервые с использованием историографических материалов центрального архива Южной Осетии – территориально-административной единицы бывшего СССР.

Ключевые слова: истребительные батальоны, НКВД, борьба с диверсантами, добровольный принцип, организация, комплектация, вооружение, снаряжение

Для цитирования: Тедеев Х.В. Организация истребительных батальонов и их деятельность в годы Великой Отечественной войны // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 42–48. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-42-48>.

Kh.V. Tedeev

Organization of fighter battalions and their activities during the Great Patriotic War

*South Ossetian State University named after A.A. Tibilov,
Tskhinval the Republic of South Ossetia*

Abstract

The article examines the organization of fighter battalions and their activities during the Great Patriotic War, as well as the role of the Soviet and party bodies in ensuring public security in the front line and in the rear areas of the USSR when using voluntary formations. The history of the creation and deployment of fighter battalions as effective forms of popular mobilization in the rear, for the effective fight against German intelligence, which intensified during the period of the enemy's offensive along the entire front line, has been revealed. The content of organizational and pedagogical technology for training the distribution of workers in deficient professions and specialties in the school system of factory apprenticeships has been revealed. The directions and content of the ideological work of the state, focused on the working people of the rear, have been examined. The problem-thematic field of this article has been investigated both using the information array of the central authorities and using the historiographic material of the local territorial-administrative unit of the former USSR - the South Osetian Autonomous Region. The problem-thematic field addressed in this article was examined not only based on data from central government bodies, but also for the first time using historiographical materials from the central archive of South Ossetia - a territorial-administrative unit of the former USSR.

Keywords: Fighter battalions, NKVD, fight against saboteurs, voluntary principle, organization, equipment, weapons, equipment

For citation: Tedeev Kh.V. Organization of fighter battalions and their activities during the Great Patriotic War // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 3. P. 42–48. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-42-48>.

Введение. Актуальность исследования прошедших войн всегда является важной, особенно когда это касается малоизвестных исторических эпизодов. Одним из таких очевидных событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. является деятельность истребительных батальонов в СССР, их предназначение и организация, что до сих пор является малоизученной темой и явно подверженной идеологическому влиянию, ввиду того, что основные упоминания и различного рода попытки исследования осуществлялись именно в советский исторический период. На сегодняшний день сложность объективного исследования истребитель-

ных батальонов по-прежнему ограничена широким доступом к архивным материалам самых различных силовых структур, тем не менее, появляющиеся материалы позволяют нам оценить исторические события с совершенно другой стороны, предоставляя возможности для дальнейших фундаментальных исследований, основанных на современном видении исторического прошлого нашей страны.

Важно обозначить существующие до сих пор мнения об истребительных батальонах, которые не являются едиными и бесспорными: одни исследователи представляют их главную функцию как карательную вместе с принадлежностью к

органам НКВД, другие видят их деятельность как чисто охранную на отдельных объектах и направлениях, третьи рассматривают их организацию для осуществления лозунга всеобщей мобилизации, борьбы с внешним и внутренним врагом, то есть с фашизмом. Каждый прав по-своему, но не совсем точен с исторической точки зрения.

Третий день войны 24.06.1941 г. Постановлением СНК СССР №1738-746сс «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» [1, с. 195] считается датой образования истребительных батальонов НКВД. Согласно этому Постановлению на всех территориях соприкосновения с противником «должна быть организована борьба с парашютными десантами противника посредством создания истребительных подразделений» [2, Л. 3], которые входили в подчинение территориальных органов НКВД. Но в связи с перегрузкой органов безопасности и предвидением расширения новой структуры 25.06.1941 г. приказом НКВД СССР №00804 были специально учреждены несколько отделов УНКВД для организации и управления вновь создаваемых истребительных батальонов. Такая срочность и оперативность в создании новой структуры органов безопасности говорит о том, что существовала острая необходимость в охране тыловых коммуникаций и тыла страны от диверсионно-разведывательной деятельности противника, которая уже существенно влияла на общественную безопасность в прифронтовых территориях, внося дестабилизирующее воздействие на общую обстановку, увеличивая панические настроения и разрушая объекты государственного значения.

Количество исследований по истории истребительных батальонов с каждым годом увеличивается, уровень объективности и научности напрямую связан с архивами данных, поэтому он имеет разную степень изученности материала.

Впервые работа, посвященная действиям истребительного батальона, вышла в печать в 1943 году [3]. В послевоенный период эта тема получила возможность более глубокого изучения как направление действий войск и формирований в Великой Отечественной войне [4].

Основная часть. Анализируя важность создания истребительных батальонов в то непростое время, необходимо вспомнить о том, что и ВКП (б) Постановлением Политбюро ЦК «О мероприятиях по борьбе с диверсантами и парашютистами» [5, с.179–180] закрепила партийное руководство над исполнением своего решения и Постановления правительства, а И. В. Сталин 3.07.1941 г., выступая по радио перед народом Советского Союза, еще раз подчеркнул необходимость создания дополнительных военных формирований: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам» [6, с. 269–270].

Основные задачи в начальный период организации и применения истребительных батальонов были определены в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) 29.06.1941 г., где конкретно указывалось: «Организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телеграфной и телефонной связи, организовать беспощадную борьбу со всеми дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам» [7, с. 87]. Необходимо иметь в виду, что дальнейшие задачи и порядок действий истребительных батальонов постоянно уточнялись и совершенствовались исходя из складывающейся обстановки на фронтах и в прифронтовой полосе.

Начало войны активизировало подрывную деятельность немецко-фашистской разведки, направленной на обеспечение успешного продвижения войск вглубь советской территории, увеличилось количество забрасываемых диверсантов не только в прифронтовой полосе, но и в глубокий тыл СССР. Одновременно с этим возросла антисоветская деятельность враждебных элементов по всей территории страны, которые «подстегивались» многочисленными агентами из коренного населения россиян, украинцев, белорусов, грузин и других национальностей, засылаемых на территорию СССР с подрывными целями [8, с. 20–39].

Исследуя непосредственно вопрос организации истребительных батальонов в СССР, необходимо отметить, что их практическая деятельность строилась в неразрывной связи с конкретной обстановкой на том или ином участке фронта, имела прямую зависимость от действий советских и немецких регулярных частей. Согласно утвержденной организационно-штатной структуре, каждый истребительный батальон приравнивался к усиленной армейской стрелковой роте и должен был достигать численности в 100–200 человек, имея на вооружении как стрелковое вооружение, так и пулеметы. Следует отметить продуманность организационной и штатной структуры создаваемых истребительных батальонов, что говорит о заблаговременной довоенной подготовке к возможной ситуации по охране тыла страны в период ведения боевых действий, об этом же говорят почти мгновенные действия партийных и советских органов по принятию соответствующих решений.

Отмечая правила непосредственной комплектации истребительных батальонов, необходимо отметить социальную избирательность при наборе личного состава, которая полностью соответствовала «остаточному принципу»: в штат принимались люди не годные к воинской службе по возрасту (до 18 лет или пожи-

лые), а также граждане, имеющие бронь (коммунисты, комсомольцы или рабочие предприятий), то есть те, кто не попал в первую волну мобилизации. Организационными планами предусматривалось использование личного состава истребительных батальонов вне обычных армейских подразделений, совмещая службу с работой на предприятиях [9, л. 5]. Но обстановка на фронтах и в тылу страны не позволила этим планам сбыться, и иррегулярные по замыслу батальоны быстро переросли в основном своем составе в обычные воинские подразделения на регулярной основе. Поэтому организационный порядок использования и направления деятельности всех истребительных батальонов следует рассматривать неотрывно от складывающейся обстановки в том регионе, где они создавались.

Отдельно необходимо остановиться на управлении истребительными батальонами. Для общего руководства был создан штаб в НКВД СССР, которому подчинялись образованные для этой цели УНКВД в республиках, краях и областях. Непосредственное руководство батальонами осуществляли представители НКВД, заместителями подбирались партийные работники, а начальниками штабов назначались военспецы. Обязательным при этом являлся факт утверждения командного состава в партийных органах территориальной принадлежности и согласования в органах НКВД [10, л. 1–2]. Таким образом, непреложным является факт подбора личного состава в истребительные батальоны органами безопасности, а контроль за политической благонадежностью осуществляли партийные органы страны. Особо необходимо подчеркнуть при этом, что при наборе личного состава в истребительные батальоны использовался принцип добровольности.

Несмотря на заблаговременную подготовку к формированию истребительных батальонов, необходимо выделить как недоработку компетентных органов зна-

чительную нехватку вооружения, снаряжения и боеприпасов при комплектовании данных формирований, особенно в начальный период деятельности, поэтому использование охотничьего и мелкокалиберного оружия не считалось чем-то необычным [11, л. 14]. Показательной является докладная записка в ЦК КП (б) Грузии об усилении охраны и обороны перевалов в Юго-Осетинской автономной области, о вооружении истребительного батальона: «Все группы, переведенные на казарменное положение и направленные на перевалы, подобраны из проверенных и наиболее подготовленных бойцов истребительных батальонов, вооружены берданами, винтовками системы Маузера, гранатами и по одному автомату системы Стопсон» [12, л. 86], что говорит о недостаточности современного вооружения для добровольных формирований. В дальнейшем, а особенно с начала 1942 года, снабжение истребительных батальонов пришло в норму в соответствии с требованиями времени.

Наравне с уже действующими истребительными батальонами на Западе и Северо-Западе страны, создавались они и на Юге и остальной части СССР: на Дону, на Кубани, в Ставрополье, в Северной и Южной Осетии, в Дагестане. В Южной Осетии истребительные батальоны были сформированы в августе 1941 года с дислокациями в г. Сталинире, в с. Джава, в с. Знаури, в с. Ленингори, имея численность по 250 человек каждый [13, л. 57–58], в подразделения входили в основном освобожденные от действительной военной службы по состоянию здоровья. Из-за нехватки мужчин Юго-Осетинский обком ЛКСМ Грузии в 1942 году для набора в истребительный батальон использовал женское население региона [14, л. 50].

Если существовала возможность, то истребительные батальоны формировались по профессиональному признаку: при наличии крупных железнодорожных

узлов – из железнодорожников, на море – из рыбаков, судоремонтников и портовых рабочих [15, л. 19], в Чечено-Ингушетии – из работников железнодорожного узла и треста «Грознефтезаводы», в Астраханской области – из судоремонтников и работников пищевой промышленности, в Южной Осетии – из работников агропромышленного комплекса автономии, хорошо знающих местность, для охраны перевалов и борьбы с лазутчиками и диверсантами [16, л. 85–86]. Необходимо отметить, что южноосетинскими истребительными батальонами были перекрыты все перевалы, через которые враг мог проникнуть к охраняемым объектам. Служба неслась непосредственно в горах сменным порядком на 8 (восемь) перевалах в Джавском районе, в 4 (четыре) пунктах в Ленингорском и Знаурском районах, в 5 (пять) пунктах в Сталинирском районе, для всех бойцов было организовано питание и медицинское обслуживание, а за снабжение питанием отвечали местные органы Советской власти и партийные органы по всей территории СССР.

Во время сдерживания Красной армией натиска немецко-фашистских захватчиков, в тылу велась напряженная борьба против врагов самых разных мастей, от предателей до диверсантов. Значительную роль в обеспечении сохранения общественной безопасности сыграли истребительные батальоны, значение их действий не вызывает сомнений ни у кого, а своевременность создания вызывает уважение у советских и партийных органов. Деятельность истребительных батальонов в начальный период войны была направлена на оказание помощи органам безопасности по защите правопорядка, в дальнейшем, возросшие боевые возможности добровольных формирований успешно использовались в операциях по искоренению бандитизма и непосредственно в боевых действиях регулярной Красной армии, а также для создания партизанских отрядов.

Заключение. Специфика применения истребительных батальонов зависела от складывающейся обстановки в прифронтовой полосе, непосредственно на фронте, от вооружения и организации формирования, от многих факторов, которые часто невозможно было предугадать, но роль истребительных батальонов до сих пор недооценена должным образом, потому что в их составе были люди, добровольно выбравшие свой путь, способные на подвиг и совершающие его, пусть в тылу, в прифронтовой полосе, в рядах РККА, но честно и ответственно выполнившие свой долг перед Родиной. Знаменательным можно считать письмо бойцов Сталинирского истребительного батальона комитету обороны Юго-Осетии, охранявших Зикарский перевал в тяжелейших условиях горной зимы, в дальнейшем понесших невозвратные потери из-за снежного обвала: «Мы, как и все советские партизаны, полны решимости бороться с немецкими захватчиками до последней капли крови, до полного их уничтожения, несмотря ни на какие трудности и препятствия...» [17, л. 5].

Война! Какое это страшное слово для каждого человека, и сколько оно несет страданий всем и каждому... Но совет-

ский народ выдержал и выстоял. Сотни, тысячи, миллионы людей добровольно шли на войну за свою землю, за свою Родину, умирали, но побеждали! Истребительные батальоны явились возможностью для уже или еще не годных для строевой службы людей отдать священный долг своей Отчизне, стать нужным и необходимым. Сегодня нам остается только понимать тех людей, живших в тяжелое и очень непростое время, стремящихся хоть чем-то стать полезными своей стране, своему обществу, отдававших себя без остатка, не держащихся за свои жизни во имя сохранения своей страны. Сегодня снова возникла опасность для всех живущих в России, нам угрожают полным истреблением, прикрываясь призывами к демократии.

Память о славном прошлом наших предков не должна пропасть в исторических переходах истории, военизированные добровольные формирования из местного населения сыграли свою значительную роль в приближении победы над фашистской Германией, но тема эта до сих пор мало изучена и требует дальнейшего детального исторического анализа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Словарь-справочник. – М.: Политиздат, 1985.
2. ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 276.
3. Панченко Б. Б. Истребительный батальон. Сталинград, 1943.
4. Банников Ф. Г. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – М., 1968. – 72 с.
5. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. – М., 1970.
6. Народное ополчение в Великой Отечественной войне, 1941–1945 // Большая Советская Энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. Т. 17. М.: Сов. энциклопедия, 1974.
7. Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): документы и материалы. – М., 1970.
8. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1965. № 5.
9. ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 276.
10. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). Ф. 19. Оп. 4. Д. 402.
11. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2580.
12. Архив Управления РЮО. Ф. 1. Д. 1736.
13. Там же.

14. Архив Управления РЮО КП Грузии. Ф. 5. Д. 453.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ). Ф. 473. Оп. 1. Д. 19.
16. Архив Управления РЮО. Ф. 1. Д. 1818.
17. Архив Управления РЮО. Ф. 1. Д. 1975.

REFERENCES:

1. The Great Patriotic War of 1941-1945. Dictionary-reference book. M.: Politizdat, 1985.
2. The SA RF. F. 9478. Op. 1. D. 276.
3. Panchenko B. B. Fighter battalion. Stalingrad, 1943.
4. Bannikov F.G. Fighter battalions in the Great Patriotic War (1941–1945). M., 1968. 72 p.
5. History of the Communist Party of the Soviet Union. 5 (1). M., 1970.
6. People's militia in the Great Patriotic War, 1941–1945 // The Great Soviet Encyclopedia / ed. by A.M. Prokhorov. 3rd ed. V. 17. M.: Sov. encyclopedia, 1974.
7. The Communist Party during the Great Patriotic War (June 1941–1945): documents and materials. M., 1970.
8. Soviet state security bodies during the Great Patriotic War // Questions of history. 1965. No. 5.
9. The SA RF. F. 9478. Op. 1. D. 276.
10. The State Archive of the Dnepropetrovsk Region (SADR). F. 19. Op. 4. D. 402.
11. SANISO. F. 594. Op. 1. D. 2580.
12. The Archive of the Administration of the Republic of South Ossetia. F. 1. D. 1736.
13. Ibid.
14. The Archive of the Office of the Republic of South Ossetia of the Communist Party of Georgia. F. 5. D. 453.
15. The Russian State Archive of Socio-Political History. (RGASPI). F. 473. Op. 1. D. 19.
16. The Archive of the Office of the Republic of South Ossetia. F. 1. D. 1818.
17. The Archive of the Office of the Republic of South Ossetia. F. 1. D. 1975.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Хетаг Валерьевич Тедеев, *старший преподаватель кафедры всеобщей истории Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия*
e-mail: xe.tedei@yandex.ru
тел.: +7(929)8109702

Information about the author

Khetag V.Tedeev, *Senior Lecturer, Department of World History, South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, the Republic of South Ossetia*
e-mail: xe.tedei@yandex.ru
tel.: +7(929)8109702

Поступила в редакцию 11.08.2023
 Поступила после доработки 16.09.2023
 Принята к публикации 17.09.2023
 Received 11.08.2023
 Revised 16.09.2023
 Accepted 17.09.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-49-57>
УДК [94:281.9](470.67)

О.Б. Халидова

Православная идентификация русского населения Республики Дагестан. 1985–1999 гг.

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала,
Российская Федерация*

Аннотация

В центре исследовательской идеи – показать особенности развития православной составляющей в переходный период исторического развития нашей страны на примере русского населения Республики Дагестан как приверженцев православных традиций в национальном поликонфессиональном регионе. Актуальность представленной темы диктуется важностью изучения трансформации религиозной составляющей дагестанских русских в условиях влияния глобализации и социокультурных процессов последних десятилетий.

В ходе исследования были проанализированы предпосылки, которые оказали положительное влияние на развитие религиозной составляющей нашего общества в целом, но имели ряд особенностей в национальных регионах, в частности, Дагестане. Исследованный материал как архивный, так и периодической печати, а также анализ опубликованных эмпирических данных позволил автору не только рассмотреть развитие православной идентификации в период 1985–1997 годы, отмечая ее невысокий рост, но и сделать свои собственные умозаключения о нестабильном положении православных приходов, обусловленных рядом факторов, в том числе, и политической обстановкой, миграционными процессами среди русского населения, что, в свою очередь, влекло и низкую деятельность священнослужителей, их взаимодействие с органами власти по решению насущных социальных проблем.

Ключевые слова: Россия, Республика Дагестан, трансформация, православие, православные приходы, церкви, идентичность, русское население

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 23-28-00208 «Влияние глобализации и социокультурных процессов второй половины 80-х гг. XX – начала XXI в. на хозяйственные занятия, культуру и быт дагестанских русских»

Для цитирования: Халидова О.Б. Православная идентификация русского населения Республики Дагестан. 1985–1999 гг. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 49–57. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-49-57>.

O.B. Khalidova

Orthodox identification of the Russian population in the Republic of Dagestan. 1985–1999

Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Abstract

We have a research idea to show the peculiarities of the development of the Orthodox component in the transitional period of the historical development of our country on the example of the Russian population of the Republic of Dagestan as adherents of Orthodox traditions in the national multi-confessional region. The relevance of the research associated with the transformation of the religious component of Russian people of Dagestan under the influence of globalization and socio-cultural processes of recent decades.

A positive effect on the development of the religious component of our society as a whole with a number of features in national regions, in particular, Dagestan have been analyzed. The investigated archival and periodical material and analysis of the empirical data have made it possible to consider the development Orthodox identification in the period 1985–1997. The low growth has been noted. Conclusions have been drawn about the unstable situation of Orthodox parishes due to a number of factors, including the political situation, migration processes among the Russian population, which, in turn, led to the low activity of the clergy, their interaction with the authorities to solve pressing social problems.

Keywords: Russia, Dagestan, transformation, orthodoxy, Orthodox parishes, churches, identity, the Russian population

ACKNOWLEDGMENTS

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of research project No. 23-28-00208 “The influence of globalization and sociocultural processes in the second half of the 1980s - early XXI centuries on economic activities, culture and life of the Dagestan Russians”

For citation: Khalidova O.B. *Orthodox identification of the Russian population in the Republic of Dagestan. 1985–1999* // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 3. – P. 49–57. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-49-57>.

Введение. В конце прошлого столетия появление новой терминологии сопровождалось ее широким использованием в исследованиях междисциплинарного характера по отношению к современным научным реалиям. Одним из таких понятий выступил термин «идентичность» [1, с. 14]. Одна из форм проявления идентичности в современном обществе – религиозная.

В нашем случае религиозная (православная) идентичность являлась одним из способов поддержания в инокультурной и

полиэтнической среде проживающего здесь русского населения, в частности, в Республике Дагестан.

Актуальность исследования этой научной проблемы диктуется сложной общественно-политической ситуацией в мире, глобальными вызовами современности и связанным с этими процессами повышенным этническим самосознанием русских национального региона.

Основная часть. Распространение «русской оседлости» на северокавказской

окраине являлось результатом как целенаправленной политики Российского государства еще в период империи, так и было связано со стихийными миграционными процессами в различные периоды истории. На первых порах военно-казачью оседлость на Кавказе [2] начинает постепенно сменять «народная колонизация» [3]. Темпы переселенческого движения были настолько быстрыми, что устремившиеся со всех концов России иногородние «буквально наводнили собой край». В пореформенный период начался процесс расселения русских в национальных районах региона. В частности, в Дагестане численность русских с 5,8 тыс. чел. в 1867 г. выросла к концу столетия до 13,1 тыс. чел. [4, с. 135]. С 1866 по 1913 гг. фиксируется постоянный прирост численности русского населения Дагестана и соответственно растет их доля среди всего населения [5, с. 129]. В советское время уже в 1960-е годы начинается постепенное снижение численности русского населения, в последующие годы достигшее максимально высокой отметки.

Несмотря на длительное проживание в инокультурном и инорелигиозном обществе, русское население продолжало сохранять и поддерживать собственную инаковость в форме принадлежности к православной вере. И даже в советскую эпоху т.н. «безбожного лихолетья» православные традиции продолжали существовать, если не в общественной повседневности, то в бытовой.

Исходя из вышесказанного, целью предлагаемой статьи является исследование на основе как архивных показателей православной религиозной обрядности русского населения республики Дагестан в переходный период истории нашей страны, так и анализа опубликованного материала, показать влияния трансформационных процессов в отношениях государства и религиозных объединений в переходный период, в том числе на русское население края как носителя право-

славных традиций в изучаемом регионе. Хронологические рамки исследования сфокусированы на второй половине 80-х – 1997-х гг. – периоде, когда конфессиональная политика правительства подвергла кардинальным переменам религиозную сферу, что повлекло за собой изменение религиозной ситуации в стране, неординарным образом протекавшей в национальных регионах, в том числе и в Дагестане.

Уже в период начавшейся в стране перестройки, процесс, для которого было характерно «всеобъемлющее сотрудничество и единство», не самое последнее место, по мнению М.С. Горбачева, должно было занимать событие о принятии закона о свободе совести. Главным показателем о шаге государства навстречу религиозным объединениям стало участие в разработке регионального и государственного законодательства в сфере религиозного регулирования, в том числе и Русской Православной церкви [6, с. 256]. Отправной точкой в развитии государственно-конфессиональных отношений становится празднование 1000-летия крещения Руси. Именно этот праздник власти рассматривали как «свидетельство восстановления ленинских принципов государственной политики в отношении религии и церкви»¹.

Период начавшейся перестройки в стране был отмечен изменениями, происходившими в сфере религии, в том числе в религиозных организациях. В первую очередь, активизировался процесс их официальной регистрации. На фоне общей статистики православных приходов по Ставропольской епархии², их число после 1988 г. увеличилось в четыре раза. Особенно ярким этот процесс был отмечен в архиерейство митрополита Гедона

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-661. Оп.1. Д. 7. Л. 19.

² Православные приходы Дагестанской АССР с 1945 по 1994 г. входили в состав Ставропольской и Бакинской епархии.

(Докукина), в бытность которого можно было наблюдать открытие и православных общеобразовательных гимназий, школ, детских садов, в том числе и закладку православных церквей там, где их никогда не было.

Однако в русле общего процесса возрождения епархиальной жизни, широко-масштабных шагов в религиозной сфере не было отмечено в рассматриваемом нами регионе. В Дагестанской АССР по состоянию на 1986 г., согласно архивным данным, официально действующими и прошедшими регистрацию являлись четыре церкви, расположенные в городах: Махачкале, Кизляре, Дербенте, Хасавюрте, и один молитвенный дом в п. Крайновка¹.

Тем не менее наблюдались тенденции, в растущей прогрессии, в религиозной обрядности, например, в крещении². Об этом мы можем судить и по количеству реализуемой церковной утвари за 1986 г., в том числе крестиков – 11 тыс.³. На наш взгляд, подобное количество не подразумевало приобщение к религии только детей. Возрастает практика ношения нательных крестиков у взрослого населения. Отметим, что в начале 1990-х гг. факт ношения православных крестиков как символа «*проявления своей религиозной принадлежности*» в открытой форме отсутствовал среди русских и даже являлся одной из причин их отъезда из Дагестана [7, с. 152]. Новые положительные тенденции в религиозной сфере и в жизни верующих, особенно в районах республики с компактным проживанием русских, все

еще уживались и с так называемой революционной обрядностью, пришедшей как аналог религиозной после революции 1917 г. Так, в 1987 г. Председатель Тарумовского райсовета Н. Иванов в своем отчете о состоянии религиозной обстановки отмечал о проведении т.н. новых обрядов, в том числе «дважды в год в районе проводился торжественный обряд «Октябрины»⁴.

Посещаемость православных культовых зданий была отмечена большим количеством прихожан только в дни больших религиозных праздников (Пасха, Рождество Христово) – 5 – 5,5 тыс. человек, большую часть из которых в гендерном разрезе составляли женщины, особенно пожилого возраста. Полагаем, что на подобной статистике сказывался и недостаток православных церквей в республике. Например, в г. Избербаше, ввиду отсутствия церкви, поначалу для совершения крещений и треб приезжали священники из Махачкалы, а с 1980 г. православное население города стал окормлять настоятель Свято-Покровского храма г. Дербента протоиерей Николай Котельников⁵.

Во второй половине 80-х гг. отмечался и низкий показатель участия в религиозной жизни людей молодого возраста мужского пола⁶. Все это было обусловлено и растущей миграцией среди русского населения, которая уже с середины 80-х гг. приняла массовый характер [8, с. 139]. За период с 1989 г. по 1999 г. самый высокий процент оттока русского населения из городов Дагестана приходится на 1995 г. – 3,97 % от общего числа населения [9, с. 50].

Начало 1990-х гг. было отмечено открытием новых православных храмов в тех населенных пунктах, где последних никогда не было, например, в г. Каспийске. Здесь в результате обращения право-

¹ Центральный Государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. р-1234. Оп. 5. Д. 37.

² В советское время, несмотря на то, что религиозные праздники, в том числе и православные, не отмечались на государственном уровне, некоторые обряды имели место быть в православных семьях. Например, обряд крещения новорожденных детей.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-661. Оп.1. Д. 7. Л. 19–20

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Храм прп. Серафима Саровского г. Избербаша <http://baku.eparhia.ru/church/serafimizberbash/>

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-661. Оп.1. Д. 7. Л. 230.

славного русскоязычного населения города был выделен участок в центре города. Инициатива была поддержана и мэром города М.Р. Халиловым. Большую роль в инициативе закладки храма сыграл старожил и Почетный гражданин города генерал-майор РА, преподаватель Академии Вооруженных сил Герман Васильевич Кириленко, оказавший не только материальную помощь, но и длительное время являвшийся своего рода куратором данного объекта. Согласно проекту строительства, автором которого был архитектор Н. И. Лучник, храм был рассчитан на 400–500 человек. Несмотря на некоторые возражения мусульман города о локации храма [10, с. 300]¹, строительство православного храма в центре города стало символом «признания роли русскоязычных первостроителей в совершении индустриального чуда на Туралинской земле, а церковь своего рода памятником их созидательного труда» [10].

На наш взгляд, строительство храма Казанской иконы Божией Матери в г. Каспийске является одним из ярких показателей межнациональной сплоченности и толерантности в республике.

В период с 1990 по 1997 гг. менялась и статистика численности православных храмов в республике: появлялись новые, то вновь открытые закрывались². Последнее было связано и с внутренними проблемами религиозных организаций, например, с нехваткой служителей. Зачастую приходы Дагестана и Чечено-Ингушетии «не являлись привлекательными для православного священства и отпра-

вить сюда священника на постоянное служение представлялось весьма трудным» [11, с. 93]. Саму деятельность православных пастырей в республике нельзя охарактеризовать как активную, хотя и имело место, например, участие в гражданских панихидах, прошедших 20–27 апреля 1990 г. на кладбищах республики. На старом Махачкалинском (русском) кладбище панихиду по усопшим, погибшим на полях Великой Отечественной войны, от ран в военных госпиталях, при исполнении интернационального долга в Афганистане, и приуроченную к поминанию всех православных христиан, отслужили протоирей Михаил Беспалов и духовенство Махачкалинского причта [12, с. 2].

Проблемы царили и внутри самой епархии. Политика «миротворчества», проводимая митрополитом Ставропольским и Бакинским Гedeоном, «совместно с исламскими духовными лидерами, и выступающая за территориальную целостность России», чередовалась с «жестким авторитаризмом» внутри епархии [11, с. 93].

Все это вкуче осложнялось и политической обстановкой. Прежде всего военные действия в соседней Чечне стали не только причиной сильных миграционных потоков среди русского населения республики, но и вынудили православное население как можно меньше проявлять себя, дабы не стать причиной обострения отношений с мусульманским населением.

В большинстве случаев миграция носила вынужденный характер, выявленный в ходе социологического опроса среди населения республики, инициированного Региональным центром этнополитических исследований при Дагестанском научном центре РАН в середине 90-х гг. Так называемый «квартирный рэкет», прямые угрозы, притеснение русских детей в школах заставляли покидать города республики [13, с. 12].

Серьезной причиной можно считать нежелательную перспективу проживать в

¹ Некоторые были возмущены, что мусульманам, составляющим большинство населения республики и города, «для строительства мечети был выделен участок на окраине города, а православную церковь для меньшинства решили возводить в самом центре города».

² Здесь речь идет не о больших православных храмах, расположенных в городах Республики, а о молитвенных домах, функционировавших в сельских районах.

исламской республике, призывы к созданию которой неоднократно звучали в начале 1990-х гг. среди оживленных дискуссий о путях дальнейшего развития республики [14, с. 110].

Проводя в республике конференцию под громким названием «Джихад», ее организаторы задались целью дать не только «истинно исламское толкование Джихада», но и продемонстрировать одно из требований Джихада – уважение к людям других национальностей и вероисповедания. Председателем Союза мусульман России Н. Хачилаевым особо было подчеркнуто, что «Джихад ничем не угрожает русским Дагестана» [15, с. 3].

Бывший настоятель Свято-Успенского собора г. Махачкалы протоирей отец Николай, с 1983 г. осуществлявший пастырское служение в Дагестане, отмечал, что указанные факторы привели к резкому сокращению православной паствы – в 3–5 раз, а это, в свою очередь, сказалось и «на финансовом положении церкви в Дагестане» [16, с. 162]. Свою работу прекратили и воскресные школы в Махачкале и Кизляре [16, с. 162].

С другой стороны, имела место и проблема с регистрацией православных храмов в республике. В результате, православное население в какой-то момент осталось без «православного напутствия». Проблемы в экономической и политической сферах породил расцвет в республике общин протестантского толка, что привело к мировоззренческой дезориентации представителей не только русского православного общества [17].

После 1995 г. потихоньку набирало темпы возрождение православной культуры, целью которого было не только восстановление старых церквей¹, но и возоб-

новление религиозных богослужений в храмах республики. Так, 21 сентября 1999 г. в Свято-Успенском соборе г. Махачкалы состоялось праздничное богослужение, посвященное Рождеству Пресвятой Богородицы, на котором присутствовало 200 человек.² 27 сентября в этом же храме состоялось праздничное богослужение в честь Воздвижения Креста Господня. Перемены произошли и в епархиальном административно-территориальном делении. 28 декабря 1998 г. территория Дагестана вошла в состав Бакинской и Прикаспийской епархий.

На фоне активных шагов руководства республики к нормализации самочувствия православных русских в Дагестане, авторитет церкви потихоньку возрастал в общественно-политических кругах республики. Активно взаимодействуя с Комитетом правительства РД по делам религий³, представители церкви принимают активное участие в миротворческих и других мероприятиях. Так, 12–18 октября 1999 г. республику с неофициальным визитом посетил епископ Бакинский и Прикаспийский Александр, целью которого «было ознакомление с ситуацией, сложившейся в Дагестане в результате военных событий августа 1999 г. ... и оказание моральной поддержки православным верующим и всем гражданам республики»⁴. Владыка Александр поддержал действия властей республики в отношении принятия зако-

² ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 4. Л. 174.

³ Создан в июле 1991 г. как Управление Совета Министров ДАССР по делам религий, 3 августа 1994 г. (со дня опубликования Конституции ДАССР) стал называться Управлением Правительства Республики Дагестан по делам религий. Основной задачей нового правительственного органа являлась «координация деятельности и улучшение взаимодействия органов государственной власти и управления с религиозными организациями и верующими, а также обеспечение права граждан на свободу совести и вероисповедания в республике»: см.: Дагестанская правда, 1994. 3 августа №152; 17 августа №162; 27 августа №170.

⁴ ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 4. Л. 30.

¹ Так, на месте уничтоженного в советские годы православного храма в селе Коктюбей была восстановлена церковь святых Петра и Павла. В Кизляре шла активная работа по восстановлению женского монастыря.

на, запрещающего деятельность экстремистских религиозных организаций, а это, в свою очередь, «приведет к желаемому миру и стабильности в Дагестане и на Кавказе в целом»¹.

Заключение. Таким образом, представленный материал показывает нам биполярное содержание самочувствия православного населения республики в переходный период российской истории. С одной стороны, наблюдалась картина религиозного плюрализма, свободы в

отправлении культов, однако на примере рассматриваемой нами географической локации – национальной республики, видно, что подобное было сопряжено с некоторыми особенностями. Прежде всего, это отток русского населения из Дагестана, причины которого были с некоторыми со многими факторами, в том числе и с политической обстановкой, – война в соседней Чеченской Республике, а также террористический акт на территории г. Кизляра в 1996 г.

¹ Там же. Л. 31.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996. – 344 с.
2. О дозволенности русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // ПСЗ-II. Т. 43. Отд. 1-е. № 45785. 1868. – С. 473–474.
3. Положение о заселении предгорий западной части кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России // ПСЗ-II. Т. 37. Отд. 1-е. № 38256. – С. 405–425.
4. Русское население национальных окраин России XVII–XX вв. – М., 2000. – 316 с.
5. Ибрагимов М.Р.А. Динамика численности русского населения Дагестана (середина XIX–начало XXI в.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 4 (28).
6. Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. (1917–1991 гг.). Материалы по истории отношений между государством и церковью / сост. Шриккер Г. М., 1995.
7. Халидова О.Б. «Дагестанские русские» в регионах Юга России в 1980–2010 гг.: особенности адаптации в материнском этносе // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН): коллективная монография. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – 236 с.
8. Лысенко Ю.М. Северный Дагестан 1957–2000 гг. (аспекты социально-экономического развития г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). – Махачкала, 2005. – 147 с.
9. Адзиев Х., Гасанов Н. Русский вопрос в Республике Дагестан // Свободная мысль. 2009. № 10. – С. 48–54.
10. Абачараев М.М., Дагларов Р.Н. Мой родной город: Публицистика / под ред. Г.В. Кириленко. – Махачкала: Эпоха, 2009. – 416 с.
11. Бурдо М., Филатов С. Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1. – М.; СПб.: Летний сад, 2005. – 621 с.
12. Дань памяти // Дагестанская правда. 1990. 12 апр.
13. Русское население Дагестана: социально-экономические, политические и этнические проблемы. – Махачкала, 1996.
14. Магаррамов М.Д., Гасанов Н.Н. Межнациональное согласие в Дагестане: исторические реалии и тенденции развития // Известия ДГПУ. 2013. № 4. – С. 109–115.
15. Магомедов А. Союз мусульман ставит целью нравственное оздоровление общества // Дагестанская правда. 1996. 29 марта.
16. Муртузалиев С.И. Христианство в современном Дагестане // Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества: материалы Республиканской научно-практической конференции (27 окт. 2000 г.). – Махачкала: Новый день, 2002. – С. 159–165.

17. Халидова О.Б. Протестанты в Дагестане: историко-социологическое исследование. Махачкала: АЛЕФ, 2018. – 208 с.

REFERENCES:

1. Erickson E. Identity: youth and crisis. M., 1996. 344 p.
2. On the permissibility of Russian subjects of non-military class to settle and acquire property in the lands of the Cossack troops // PSZ-II. V. 43. Dept. 1st. No. 45785. 1868. P 473–474.
3. Regulations on the settlement of the foothills of the western part of the Caucasian ridge by the Kuban Cossacks and other settlers from Russia // PSZ-II. V. 37. Dept. 1st. No. 38256. P. 405–425.
4. The Russian population of the national outskirts of Russia in the 17th–20th centuries. M., 2000. 316 p.
5. Ibragimov M.R.A. Dynamics of the Russian population of Dagestan (mid-XIX – early XXI century) // Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. 2011. No. 4 (28).
6. The Russian Orthodox Church in the Soviet times. Book 2. (1917–1991). Materials on the history of relations between the state and the church / comp. by Shrikker G. M., 1995.
7. Khalidova O.B. “The Dagestan Russians” in the regions of the South of Russia in 1980–2010: features of adaptation in the maternal ethnic group // Ethnocultural landscapes in the post-Soviet space: problems and features of the formation of the Dagestan component (to the 90th anniversary of the IIAE DSC RAS): a collective monograph. Makhachkala: INAE DSC RAS, 2014. 236 p.
8. Lysenko Yu.M. The Northern Dagestan in 1957–2000 (aspects of socio-economic development of the city of Kizlyar, the Kizlyar and the Tarumovsky districts). Makhachkala, 2005. 147 p.
9. Adziev Kh., Gasanov N. The Russian question in the Republic of Dagestan // Svobodnaya Mysl. 2009. No. 10. P. 48–54.
10. Abacharaev M.M., Daglarov R.N. My hometown: Journalism / ed. by G.V. Kirilenko. Makhachkala: Epoch, 2009. 416 p.
11. Burdo M., Filatov S. Atlas of modern religious life in Russia. V. 1. M.; St. Petersburg: Summer Garden, 2005. 621 p.
12. Tribute to memory // The Dagestan truth. 1990. April 12
13. The Russian population of Dagestan: socio-economic, political and ethnic problems. Makhachkala, 1996.
14. Magarramov M.D., Gasanov N.N. Interethnic harmony in Dagestan: historical realities and development trends // News of the DSPU. 2013. No. 4. P. 109–115.
15. Magomedov A. The Union of Muslims aims at the moral improvement of society // Dagestanskaya Pravda. 1996. March 29.
16. Murtuzaliev S.I. Christianity in modern Dagestan // Religious factor in the life of modern Dagestan society: materials of the Republican scientific and practical conference (October 27, 2000). Makhachkala: New Day, 2002. pp. 159–165.
17. Khalidova O.B. Protestants in Dagestan: historical and sociological

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Ольга Борисовна Халидова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального иссле-

Information about the author

Olga B.Khalidova, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, the Russian Federation

*довательского центра Российской академии
наук, г. Махачкала, Российская Федерация
e-mail: o.khalidova2011@mail.ru
тел.: +7(909)4782661*

*e-mail: o.khalidova2011@mail.ru
tel.: +7(909)4782661*

Поступила в редакцию 27.07.2023

Поступила после доработки 29.08.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Received 27.07.2023

Revised 29.08.2023

Accepted 29.08.2023

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-58-66>
УДК 37.01

Т.А. Иващенко^{1*}, Е.С. Двойникова¹

**Теоретический анализ дефиниции
«креативная педагогика»**

^{1} ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*

Аннотация

В современном социуме знание креативной педагогики обеспечивает высокий потенциал образовательной деятельности и достижение высокого уровня качества образования. Перед системой образования ставится задача качественной подготовки современного выпускника к дальнейшему обучению, выполнению трудовой деятельности. Решение этой задачи требует поиска и внедрения новых методов обучения, которые являются содержательным компонентом креативной педагогики. В научных трудах не в полной мере представлен комплексный анализ креативной педагогики. В них преимущественно раскрыты лишь некоторые аспекты, связанные с творчеством педагога, принципами организации творческой создающей среды. Слабая теоретическая разработанность рассматриваемого вопроса позволила сформулировать следующую проблему исследования: каковы сущностные характеристики креативной педагогики? Цель статьи: обосновать теоретические подходы к дефиниции «креативная педагогика». Решение обозначенной цели потребовало применения теоретических методов исследования (анализа научной литературы, синтеза имеющихся знаний по изучаемой проблеме, обобщения). Эмпирическая база исследования представлена аналитическими материалами, информационными ресурсами сети Интернет.

Результаты исследования: 1) рассмотрено понятие «креативная педагогика» как инновационное направление новой парадигмы образования; 2) раскрыт потенциал креативной педагогики в образовательной деятельности; 3) определены педагогические условия креативной ориентации педагогической деятельности; 4) обозначены базовые принципы создания креативной образовательной среды.

Ключевые выводы: исследование расширяет теорию педагогики в направлении понимания содержательного контента креативной педагогики; представленные базовые принципы могут использоваться педагогами при организации креативной образовательной среды, а предложенные креативные методы обучения – в стимулировании познавательной деятельности обучающихся.

Ключевые слова: креативная педагогика, образование, обучение, развитие, новая парадигма образования, творчество, педагогические условия креативной ориентации, принципы создания креативной образовательной среды

Для цитирования: Иващенко Т.А., Двойникова Е.С. Теоретический анализ дефиниции «креативная педагогика» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 58–66. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-58-66>.

T.A. Ivashchenko^{1*}, E.S. Dvoynikova¹
**Theoretical analysis of the definition
of «Creative Pedagogy»**

^{1}FSBEI HE «Maikop State Technological University»,
Maikop, the Russian Federation*

Abstract

In modern society knowledge of Creative Pedagogy ensures high potential of educational activities and achievement of a high level of education quality. The education system is faced with the task of qualitatively preparing a modern graduate for further education and work. Solving this problem requires the search and implementation of new teaching methods, which are a meaningful component of Creative Pedagogy. Scientific works do not fully present a comprehensive analysis of Creative Pedagogy. They primarily reveal only some aspects related to the creativity of a teacher and the principles of organizing a creative environment. The weak theoretical development of the issue under consideration allowed us to formulate the following research problem: what are the essential characteristics of Creative Pedagogy? The purpose of the article is to substantiate theoretical approaches to the definition of “Creative Pedagogy”. Solving the stated goal required the use of theoretical research methods (analysis of scientific literature, synthesis of existing knowledge on the problem under study, generalization). The empirical basis of the study is represented by analytical materials and information resources on the Internet.

The results of the research include 1) the concept of “Creative Pedagogy” is considered as an innovative direction of the new education paradigm; 2) the potential of Creative Pedagogy in educational activities has been revealed; 3) the pedagogical conditions for the creative orientation of pedagogical activity have been determined; 4) the basic principles of creating a creative educational environment have been outlined.

Key findings: The study extends pedagogical theory toward understanding the content of Creative Pedagogy; the presented basic principles can be used by teachers when organizing a creative educational environment, and the proposed creative teaching methods can be used to stimulate the cognitive activity of students.

Keywords: Creative Pedagogy, education, training, development, new paradigm of education, creativity, pedagogical conditions for creative orientation, principles of creating a creative educational environment

***For citation:** Ivashchenko T.A., Dvoynikova E.S. Theoretical analysis of the definition of “Creative Pedagogy” // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 3. – P. 58–66. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-58-66>.*

Введение. Цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека предопределила новые требования к качеству образования, которое призвано обеспечить обучение, воспитание и развитие целостной

личности в быстро изменяющейся среде, содействовать формированию творческого профессионализма будущих специалистов. Национальным проектом «Образование» на 2019–2024 гг. предусмотрено в

числе первоочередных задач достижение национальной цели Российской Федерации, определенной президентом России В.В. Путиным, – обеспечение возможности самореализации и развития талантов [8]. В федеральных государственных образовательных стандартах для всех уровней обучения содержатся требования к подготовке выпускника как творческой (креативной) личности. Следовательно, возникает тесная взаимосвязь между креативно ориентированным образованием и становлением креативной личности. В

связи с этим креативной педагогике в настоящее время принадлежит все более значимая функциональная роль в системе наук о человеке. В связи с этим возникает потребность в разработке новых оснований организации образовательного процесса – развитием креативной педагогики.

Основная часть. Происходящие сегодня интенсивные процессы смены образовательных парадигм связаны с изменением следующих фундаментальных представлений о личности как субъекта развития через образование (рисунок 1) [5].

Критерии	Классическая парадигма	Новая, неклассическая парадигма
Основная цель образования	Подготовка человека к жизни и труду	Обеспечение условий самоопределения и самореализации личности
Человек	Простая система	Сложная система
Знания	Из прошлого («школа памяти»)	Из будущего («школа мышления»)
Образование	Передача ученику известных образцов знаний, умений, навыков	Созидание человеком образа мира в себе самом посредством активного полагания себя в мир предметной, социальной и духовной культуры
Учащийся	Объект педагогического воздействия, обучаемый	Субъект познавательной деятельности, обучающийся, учащийся
Отношения педагога и учащегося	Субъект-объектные, монологические отношения педагога и обучаемого	Субъект-субъектные, диалогические отношения педагога и обучающегося
Вид деятельности учащегося	«Ответная», репродуктивная деятельность обучаемого	«Активная», творческая деятельность обучающегося

Рис. 1. Базовые различия классической и новой парадигмы образования [5, С. 27]

Как видим, основу формирования современной личности составляет «активная», творческая деятельность обучающегося.

Смещение вектора с классической на креативную педагогику обусловлено сменой ведущего субъекта образовательного

процесса: вместо обучающего им становится обучающийся; патерналистские отношения субъектов образования сменяются партнерскими, коллегиальными; право суждения о достоверности и необходимости обретаемых знаний становится прерогативой обучающегося (рисунок 2) [5, С. 21].

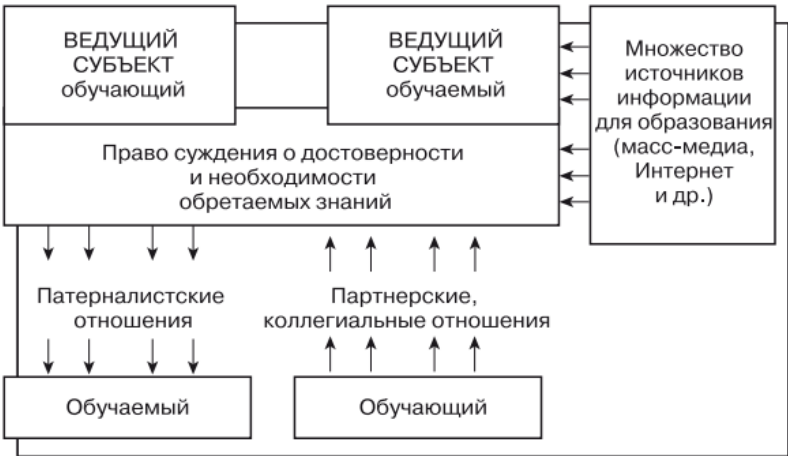

Рис. 2. Смена ведущего субъекта образовательного процесса [5, С. 21]

Креативная (от лат. creatio – созидание, сотворение) педагогика представляет собой отрасль педагогики, специфику которой представляет дефиниция «творчест-

во». Наиболее полно дефиниция «творчество» представлена в работе В.Л. Иноземцева «Экспансия творчества – вызов экономической эпохе» (1997) (рисунок 3) [4].

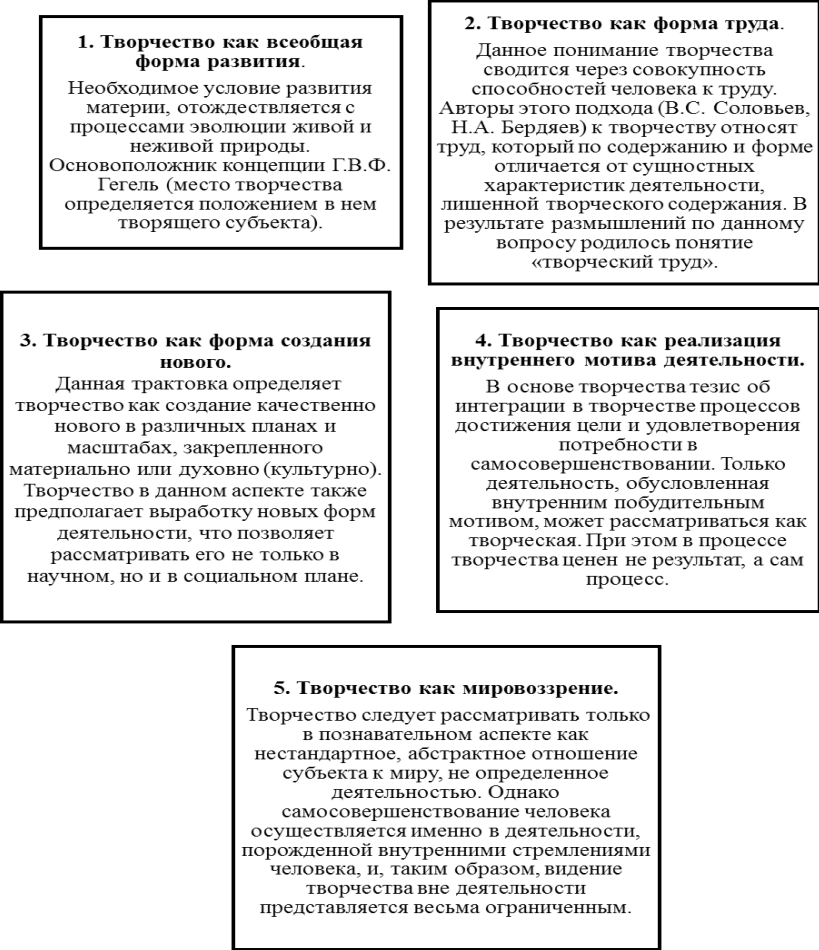

Рис. 3. Концептуальные подходы к дефиниции «творчество» по В.Л. Иноземцеву [4]

Следовательно, творчество связано с преобразованием, для обозначения которого К.П. Стожко и О.В. Шадрина предлагают использовать различные термины: сублимация, трансформация, модернизация, креативность. Сущность творчества, прежде всего, связана с созданием нечего нового (продукта), и также с улучшением его (продукта) характеристики [10, С.65].

Остановимся на толковании понятия «креативная педагогика». Так, авторы монографии «Креативная педагогика. Методология, теория, практика» (2012) раскрывают возможности креативной дидактики в процессе корректировки педагогического процесса: от целеполагания до диагностики результатов [5]. «Креативная педагогика – педагогика, ориентированная на развитие творческих способностей обучаемого. В принципе, любая педагогика имеет креативную (творческую) ориентацию (например, проблемное, программированное, интенсивное обучение и др.). Определенной креативностью обладает и педагогика, основанная на традиционной дидактике, считающей обучение процессом объективно детерминированного развития, обеспечиваемого передачей обучаемым уже известного фактологического знания» [11, С. 226]. Следовательно, креативная педагогика ориентирована на развитие ключевых характеристик личности: фантазии, интуиции, оригинальности, инициативности, работоспособности.

По мнению С.С. Гречишина, сегодня «знание креативной педагогики обеспечивает высокий потенциал в образовательной деятельности» [3, С. 88]. Ученым выделены два подхода к содержанию термина «креативная педагогика». Первый подход базируется на идее, согласно которой творческая деятельность является результатом обучения. В связи с этим педагог может применить креативные навыки преподавания, базирующиеся на теоретических принципах творчества,

которые можно подтвердить результатами проверки знаний обучающихся, выявив их положительную динамику. Креативности в педагогической деятельности отведена роль скрытой индивидуальной черты, которая формируется под влиянием окружающей среды. Второй подход имеет формирующую составляющую и основан на понимании творчества как части образования. Креативность анализируется благодаря качественной оценке, т.к. она проявляется в результате совместных социальных взаимодействий педагогов и обучающихся в образовательных учреждениях с творческими задачами (например, в рамках внеклассной работы, в процессе применения творческих заданий в учебной работе). Следовательно, во втором подходе креативность рассматривается как встроенный в конструктивное взаимодействие педагогов и обучающихся вид активности [3].

Изучение содержательного контекста категории «креативная педагогика» в педагогическом дискурсе позволило выявить отличительную черту креативной педагогики – педагогическое воздействие на субъект осуществляется на фоне перевода обучающегося из ранга объекта воздействия в ранг субъекта творчества (креативности), а учебный материал переводится из ранга предмета освоения в ранг средства достижения созидательной учебной цели. Эффект креативной ориентации педагогической деятельности может быть достигнут путем реализации совокупности педагогических условий:

- 1) создания в учебном процессе открытого пространства метазнаний (расширение спектра узкоспециализированных знаний); ситуации успеха (поддержание доброжелательной, развивающей критики), способствующей раскрытию творческих способностей обучающихся;
- 2) целенаправленной реорганизации учебного процесса в направлении созидательной деятельности обучающихся;

3) использования дополнительного учебного материала (с использованием эвристических стратегий, педагогических технологий, методов и приемов, направленных на увеличение эффективности

творческой деятельности обучающихся) [5; 11; 12; 13].

Обозначим базовые принципы создания креативной образовательной среды (рисунок 4):

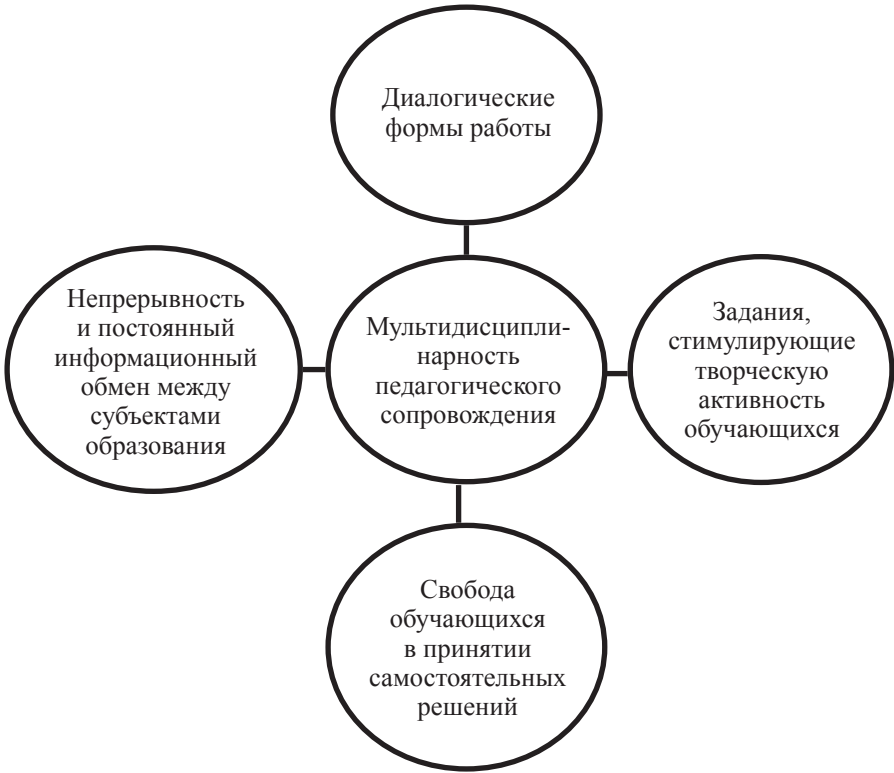

Рис. 4. Базовые принципы создания креативной образовательной среды [2; 7; 11]

Таким образом, креативная педагогика содействует формированию и развитию личности обучающегося, поскольку творчество максимальным образом оказывает влияние на развитие эмоциональной сферы. Креативная педагогика ориентирована на поиск новых форм педагогического воздействия, т. к. ориентирована на создание события, которое способно оказать сильное влияние на обучающегося, что будет содействовать зарождению новых гениальных идей [1, С. 29]. В связи с этим нами определены следующие креативные методы преподавания (таблица 1):

Таблица 1 – Креативные методы обучения (составлено по источникам 6, 9)

Метод	Характеристика
Метод придумывания	Способ создания неизвестного продукта в результате умственных действий обучающихся. Реализуется при помощи приёмов: а) замещение качеств одного объекта качествами другого с целью создания нового объекта; б) отыскание свойств объекта в иной среде; в) изменение элемента изучаемого объекта и описание свойств нового объекта.

Метод образной картины	Воссоздаёт такое состояние обучающегося, когда восприятие и понимание изучаемого объекта сливаются в единое целое. В результате возникает образная картина цветка, дерева, облака и пр. Каждый обучающийся не только мыслит различными масштабами, соотносит свои знания из разных областей науки, но чувствует, ощущает смысл изображаемой реальности.
Метод случайных ассоциаций	Применяется для генерации новых идей, связанных с изменением объекта, с улучшением его свойств, решением проблем. Суть метода состоит в опоре на случайные ассоциации, возникающие по отношению к названию объекта, его функциям. Например, со словом «гвоздь» могут быть связаны следующие ассоциации: «молоток», «удар», «боксёр».
Метод гиперболизации	Изменяется объект познания, его отдельные части или качества: придумывается самое длинное слово, самое малое число; готовится самый сладкий чай или очень солёный огурец. Стартовый эффект подобным воображениям могут придать «Рекорды Гиннеса», находящиеся на грани выхода из реальности в фантазию.
Метод агглютинации	Предлагается соединить несоединимые в реальности качества, свойства, части объектов и изобразить, например: горячий снег, вершину пропасти, мяукающую собаку.
«Мозговой штурм»	Заключается в сборе как можно большего числа идей в результате освобождения от стереотипов. Начинается штурм с разминки – быстрого поиска ответов на вопросы тренировочного характера, далее уточняется поставленная задача, правила обсуждения, и – старт.
Метод синектики	Базируется на методе мозгового штурма, различного вида аналогий (словесной, образной, личной), инверсии, ассоциаций и др.
Метод морфологического ящика	Нахождение новых, неожиданных и оригинальных идей путём составления различных комбинаций известных и неизвестных элементов.

Заключение. Итак, по результатам выполненного исследования можно сформулировать следующие выводы:

- креативная педагогика представляет собой фундаментально-прикладную педагогическую отрасль, ориентированную на создание новой модели обучения в направлении улучшения качества образования;

- педагогическими условиями развития креативности являются: целенаправленно создаваемая креативная образовательная среда; наличие образца креативного поведения самого педагога и идентификация его как творческой личности;

- сотворчество педагогов и обучающихся; субъектная позиция субъектов образования в творческой деятельности; поддержание творческой атмосферы и создание ситуаций успеха;

- продуктивное развитие у обучающихся креативности обеспечивается в условиях непрерывной системы креативного образования посредством целенаправленного комплексного педагогического воздействия.

Полученные в процессе проведенного исследования данные указывают на необходимость внедрения креативных методов обучения на всех уровнях образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белова Е.А. Креативной педагогике – 30: три измерения для измерения неизмеримого // Alma Mater = Вестник высшей школы. 2020. № 1. – С. 23–30.
2. Болховской А.Л., Шиховцова Н.Н. Педагогическая креативность: теоретические подходы и проблемы реализации на практике // Педагогика. 2021. Т. 85, № 9. – С. 95–107.
3. Гречихин С.С. Креативная педагогика в образовательной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 4 (33). – С. 87–89.
4. Иноземцев В.Л. Экспансия творчества – вызов экономической эпохе // ПОЛИС. Политические исследования. 1997. № 5. – С. 110–122.
5. Креативная педагогика. Методология, теория, практика / под ред. В.В. Попова, Ю.Г. Круглова. 3-е изд. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. 319 с.
6. Леонтьева А.В., Деткова И.В. Активные методы обучения в профессиональной подготовке специалистов помогающих профессий // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 1(54). – С. 422–426.
7. Малахова Н.А., Логвиненко О.И., Володченко Е.А. Креативная педагогика, или Развитие одаренного ребенка // Интерактивная наука. 2022. № 9 (74). – С. 14–15.
8. Минпросвещения России: официальный сайт. URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения 26.03.2023).
9. Общеобразовательная школа в России: проблемы и векторы развития: коллективная монография / Н.Э. Морозова [и др.]; отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2022. – 372 с.
10. Стожко К.П., Шадрина О.В. К вопросу о сущности и природе творческого труда // Известия УрГЭУ. 2012. № 3. – С. 65–69.
11. Хохлова Д.А. Креативная педагогика как инновационная отрасль и условие развития креативности обучаемого // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 2. – С. 223–232.
12. Aleinikov A.G. Generagogy and Innovagogy: the place of innovative education in the structure of educational science // Pedagogy & Psychology. Theory and Practice. 2020. No. 2 (28). P. 11–17.
13. Knyazeva H., Marulevska K. Towards Creative Pedagogy: Methodology and some Peculiarities of Educational Practices in Russia and Bulgaria // Pedagogika-Pedagogy. 2022. Vol. 94, No 2. – P. 159–176.

REFERENCES:

1. Belova E.A. Creative Pedagogy – 30: three dimensions to measure the immeasurable // Alma Mater = Bulletin of Higher School. 2020. 1.: 23–30.
2. Bolkhovskoy A.L., Shikhovtsova N.N. Pedagogical creativity: theoretical approaches and problems of implementation in practice // Pedagogy. 2021. 85 (9): 95–107.
3. Grechikhin S.S. Creative Pedagogy in educational activities // Azimuth of scientific research: Pedagogy and Psychology. 2020. Vol. 9, No. 4 (33): 87–89.
4. Inozemtsev V.L. Expansion of creativity – a challenge to the economic era // POLIS. Political studies. 1997. 5.: 110–122.
5. Creative Pedagogy. Methodology, theory, practice / ed. by V.V. Popov, Yu.G. Kruglov. 3d ed. M.: BINOM. Knowledge Laboratory, 2012. 319 p.
6. Leontyeva A.V., Detkova I.V. Active teaching methods in the professional training of specialists in helping professions // Business. Education. Right. 2021. No. 1(54): 422–426.
7. Malakhova N.A., Logvinenko O.I., Volodchenko E.A. Creative Pedagogy, or Development of a gifted child // Interactive science. 2022. No. 9 (74). : 14–15.
8. Ministry of Education of Russia: official website. URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (access date 26.03.2023).

9. General education school in Russia: problems and vectors of development: a collective monograph / N.E. Morozova [et al.]; chief ed. A.Yu. Nagornova. Ulyanovsk: Zebra, 2022. 372 p.

10. Stozhko K.P., Shadrina O.V. On the question of the essence and nature of creative work // News of USUE. 2012. 3.: 65–69.

11. Khokhlova D.A. Creative Pedagogy as an innovative industry and a condition for the development of student creativity // Science. Innovation. Technologies. 2013. 2.: 223–232.

12. Aleinikov A.G. Genealogy and Innovagogy: the place of innovative education in the structure of educational science // Pedagogy & Psychology. Theory and Practice. 2020. No. 2 (28): 11–17.

13. Knyazeva H., Marulevska K. Towards Creative Pedagogy: Methodology and some Peculiarities of Educational Practices in Russia and Bulgaria // Pedagogika-Pedagogy. 2022. 94 (2): 159–176.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interests

Информация об авторах

Татьяна Александровна Иващенко, кандидат биологических наук, доцент кафедры физического воспитания

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация

e-mail: tivaschenko@list.ru

тел.: +7(903)4654425

Елена Сергеевна Двойникова, старший преподаватель кафедры физического воспитания

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация

e-mail: elena-dv1979@mail.ru

тел.: +7(909)4705553

Information about the authors

Tatyana A. Ivashchenko- PhD (Biol.), Associate professor, Department of Physical Education, FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, the Russian Federation

e-mail: tivaschenko@list.ru

tel.: +7(903)4654425

Elena S. Dvoynikova - Senior lecturer, Department of Physical Education, FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, the Russian Federation

e-mail: elena-dv1979@mail.ru

tel.: +7(909)4705553

Поступила в редакцию 01.07.2023

Поступила после доработки 25.08.2023

Принята к публикации 27.08.2023

Received 01.07.2023

Revised 25.08.2023

Accepted 27.08.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-67-74>
УДК 378:004.896

А.А. Паскова

Практические аспекты применения ChatGPT в высшем образовании

*ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*

Аннотация

За последние несколько лет наблюдается беспрецедентный рост развития технологий в области продвинутого искусственного интеллекта. Одним из последних крупных достижений стал выпуск в ноябре 2022 года платформы под названием ChatGPT.

Уже сейчас ChatGPT меняет ожидания и практику в образовании, педагогическое и академическое сообщество обеспокоено быстрыми темпами внедрения чат-бота в образовательный процесс и возможными негативными последствиями этого внедрения.

Актуальность исследования обусловлена развитием технологий искусственного интеллекта, быстрым ростом популярности ChatGPT и внедрением новых технологий в сферу высшего образования.

Целью исследования является изучение практических аспектов применения генеративных нейронных сетей в высшем образовании.

Задачи исследования – рассмотреть реальные кейсы применения технологий искусственного интеллекта в высшем образовании и проанализировать собственный опыт применения ChatGPT в образовательной практике.

Методологическую основу исследования составляют следующие методы: анализ Интернет-ресурсов и литературных источников, метод изучения кейсов для исследования и обобщения педагогического опыта, синтез.

Результаты исследования: рассмотрены возможности применения технологий искусственного интеллекта (на примере генеративной языковой модели GPT) в образовательном процессе высших учебных заведений, изучены преимущества и недостатки интеграции генеративных нейронных сетей в образовательный процесс вуза.

Ключевые выводы: генеративные нейронные сети – это технология, которая вызывает споры, вызывая озабоченность по поводу этики и академической честности в высшем образовании, но также обсуждается как мощный инструмент для обучения и исследований; в высшем образовании ChatGPT может быть использован для создания учебных материалов, вовлечения обучающихся в дискуссии по предмету, предоставления персонализированной обратной связи, разработки рубрик оценки и поддержки интерактивного и совместного обучения, что повышает эффективность обучения. В процессе внедрения генеративных нейронных сетей в образовательный процесс нужно учитывать ограничения возможности их использования: недостаток креативности, предвзятость и неточности, зависимость от технологий. Преподаватели должны адаптировать свои методы обучения, чтобы максимально эффективно использовать эти мощные инструменты.

Ключевые слова: высшее образование, искусственный интеллект, нейронные сети, большие языковые модели, генеративные языковые модели, ChatGPT, машинное обучение, обработка естественного языка (NLP), образовательный процесс

Для цитирования: Паскова А.А. Практические аспекты применения chatgpt в высшем образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 67–74. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-67-74>.

A.A. Paskova

Practical aspects of using ChatGPT in higher education

*FSBEI HE «Maikop State Technological University»,
Maikop, the Russian Federation*

Abstract

The past few years have seen unprecedented growth in technology development in the field of advanced artificial intelligence. One of the latest major advances was the release of a platform called ChatGPT in November 2022.

ChatGPT is changing expectations and practices in education; the teaching and academic community is concerned about the rapid pace of implementation of the chatbot in the educational process and the possible negative consequences of this implementation.

The relevance of the research is due to the development of artificial intelligence technologies, the rapid growth of the popularity of ChatGPT and the introduction of new technologies in the field of higher education.

The purpose of the research is to study the practical aspects of using generative neural networks in higher education.

The objectives of the research are to consider real cases of using artificial intelligence technologies in higher education and analyze our own experience of using ChatGPT in educational practice.

The methodological basis of the research consists of the following methods: analysis of Internet resources and literary sources, method of studying cases for research and generalization of teaching experience, synthesis.

The research results include the possibilities of using artificial intelligence technologies (using the example of the generative language GPT model) in the educational process of higher educational institutions, the advantages and disadvantages of integrating generative neural networks into the educational process of a university.

Key conclusions: Generative neural networks are a controversial technology, raising concerns about ethics and academic integrity in higher education, but are also discussed as a powerful tool for teaching and research. In higher education ChatGPT can be used to create learning materials, engage learners in subject-matter discussions, provide personalized feedback, develop assessment rubrics, and support interactive and collaborative learning, thereby enhancing learning effectiveness. In the process of introducing generative neural networks into the educational process, it is necessary to take into account the limitations of their use: lack of creativity, bias and inaccuracy, dependence on technology. Teachers must adapt their teaching methods to make the most of these powerful tools.

Keywords: higher education, artificial intelligence, neural networks, large language models, generative language models, ChatGPT, machine learning, natural language processing (NLP), educational process

For citation: Paskova A.A. Practical aspects of using chatgpt in higher education // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 3. P. 67–74. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-67-74>.

Введение. В последние годы инструменты искусственного интеллекта все больше интегрируются в общество и образование.

Chat Generative Pre-trained Transformer, или ChatGPT, разработанный OpenAI и выпущенный для публичного использования 30 ноября 2022 года, – это инструмент обработки естественного языка (NLP), основанный на таких технологиях искусственного интеллекта, как большие языковые модели и использующий алгоритмы машинного обучения для создания текстовых ответов на основе вводимых запросов.

ChatGPT работает на архитектуре языковой модели GPT (Generative Pretrained Transformer, генеративный предварительно обученный трансформер), созданной OpenAI. Генеративные модели искусственного интеллекта этого типа обучаются на огромном количестве информации из Интернета, включая веб-сайты, книги, новостные статьи и многое другое.

ChatGPT практически сразу стал необычайно популярен [7, с. 15], потому что он может генерировать высококачественный текст, похожий на человеческий язык. Это делает его полезным для широкого спектра приложений, включая создание контента, обслуживание клиентов и личных помощников. Кроме того, ChatGPT имеет открытый исходный код, это означает, что разработчики могут использовать его для создания собственных приложений и инструментов.

Основная часть. Первая реакция педагогического и академического сообщества на ChatGPT и другие подобные инструменты искусственного интеллекта была неоднозначной.

ChatGPT может писать полноценные студенческие эссе, разрабатывать коды и даже решать математические задачи. Преподаватели обеспокоены тем, что бесплатный и доступный инструмент используется для выполнения домашних заданий и написания творческих работ, что ставит

под угрозу развитие у обучающихся навыков критического мышления и исследовательской деятельности. Кроме того, использование языковых моделей, позволяющих выполнять задания без особых усилий, вызывает опасения по поводу мошенничества, академической дезинтеграции и, прежде всего, потери способности к обучению [9, с. 8].

Возможность с помощью ChatGPT быстро и легко генерировать относительно качественный текст вызывает ряд вопросов и у преподавателей Вашингтонского университета, и других учебных заведений, в частности, они обеспокоены тем, как ChatGPT повлияет на полезность традиционных домашних заданий. [5, с. 4].

Государственные школы Нью-Йорка уже пытаются заблокировать ChatGPT в школьных сетях. [11, с. 635], но, по мнению большинства исследователей в этой области, это неверное решение, языковую модель нужно не запрещать, а учиться использовать ее возможности для обучения [4, с. 98].

Существует мнение, что применение технологий искусственного интеллекта в образовании имеет положительный потенциал. По словам Сида Нага, аналитика облачных сервисов и технологий в Gartner, «использование генеративных технологий ИИ может реально помочь обогатить образование студентов» [6, с. 88].

Студенты неизбежно будут использовать ChatGPT и подобные инструменты, потому что, в отличие от поиска Google или Wikipedia, ChatGPT дает точные ответы на каждый заданный вопрос, что экономит время. Вместо того, чтобы обсуждать негативные последствия использования ChatGPT, преподаватели должны развиваться, вводить новшества и перестраивать обучение, чтобы сосредоточиться на том, как при решении задач обучения конструктивно использовать помощь ChatGPT [2, с. 10].

Анализ существующей на данный момент, достаточно разрозненной, лите-

ратуры по этой теме позволил выявить некоторые возможности использования ChatGPT в образовательном процессе высшей школы.

Во-первых, ChatGPT можно использовать для создания различных учебных материалов, включая конспекты лекций, контрольные задания, тесты и учебные пособия. Предоставляя генеративной нейронной сети соответствующую информацию и указывая желаемый формат, преподаватели могут создавать краткие и точные учебные материалы, адаптированные к потребностям обучающихся. Это не только экономит время и усилия, но и гарантирует, что обучающиеся имеют доступ к постоянным высококачественным ресурсам [3, с. 20].

Во-вторых, возможно использование ChatGPT для вовлечения обучающихся в дискуссии по предмету, что является важным аспектом обучения. Вводя для ChatGPT промпты (запросы-условия), содержащие ключевые концепции или темы, преподаватели могут получить список потенциальных тем для обсуждения, которые можно использовать во время занятий или в качестве основы для обсуждений на онлайн-форуме.

В-третьих, ChatGPT можно использовать для предоставления персонализированной обратной связи. Возможности ChatGPT по обработке естественного языка позволяют предлагать обучающимся персонализированные отзывы о заданиях, проектах. Преподаватели могут использовать нейронную сеть для организации конструктивной обратной связи на основе успеваемости конкретного обучающегося [8, с. 2].

В-четвертых, очевидны возможности ChatGPT в интерактивном обучении. Методы интерактивного обучения побуждают обучающихся непосредственно взаимодействовать с материалами курса, способствуя более глубокому пониманию предмета. ChatGPT можно использовать для разработки интерактивных действий,

таких как упражнения по решению проблем, тематические исследования или симуляции, что способствует развитию критического мышления у обучающихся. Кроме того, использование заданий, созданных ChatGPT, позволяет преподавателям разнообразить свои подходы к обучению и поддерживать интерес обучающихся [2, с. 10].

В-пятых, использование ChatGPT будет полезно при организации совместной работы обучающихся. ChatGPT может формулировать вопросы или создавать сценарии для обсуждения и совместной работы. Эти генерируемые языковой моделью подсказки могут стимулировать взаимодействие между обучающимися, создавая среду для совместного обучения и способствуя развитию когнитивной активности и коммуникативных навыков [1, с. 6].

В-шестых, ChatGPT применим при разработке рубрик оценки. Рубрики — важный инструмент для оценки обучающихся и обеспечения значимой обратной связи, но их создание может занять много времени. ChatGPT может помочь преподавателям разработать всеобъемлющие и хорошо структурированные рубрики для своих заданий, предоставляя индивидуальные критерии, уровни производительности и описания, основанные на конкретных требованиях каждой задачи. Кроме того, ChatGPT может предложить экспертное руководство и рекомендации, которые помогут преподавателям обеспечить эффективную оценку обучения по рубрикам и четко определить ожидания в отношении успеваемости.

Наряду со всеми потенциальными преимуществами использования генеративных языковых моделей, существуют и возможные ограничения применения этого типа технологий в образовательном процессе, а именно: недостаток креативности (нейронной сети не хватает креативности и оригинальности, присущих человеческому взаимодействию); пред-

взятость и неточности (ChatGPT был обучен на большом массиве текстов из Интернета, кроме того, база знаний ограничена сентябрем 2021 года), педагогам важно знать об этих ограничениях, а также просматривать и проверять информацию, сгенерированную ChatGPT; зависимость от технологий (хотя ChatGPT является мощным инструментом, чрезмерное использование технологий может негативно сказаться на критическом мышлении обучающихся и навыках решения проблем). Очень важно найти баланс между использованием технологий искусственного интеллекта и более традиционными методами обучения [10, с. 7].

Представим собственный опыт применения нейронных сетей в процессе обучения. В целях апробации ChatGPT в образовательной практике группе обучающихся факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета было предложено выполнить несколько заданий с использованием GPT-3.5: написать эссе на заданную тему, программный код, провести обобщение предложенного материала, сведя его в таблицу; обучающимся второй подгруппы было предложено написать эссе на эти же темы без использования технологий искусственного интеллекта.

По результатам проверки заданий выяснилось, что программные коды, написанные нейронной сетью, оказались вполне работоспособными. Также нейронная сеть хорошо справилась с заданием на обобщение материала. Что касается эссе, то первоначальный вариант работ зачастую содержал ссылки на несуществующие источники, хотя внешне эти ссылки выглядели вполне убедительно и соответствовали контексту. Также, довольно часто, текст содержал структурные повторения. Обучающимся было предложено проанализировать полученные результаты и внести изменения. Стоит отметить,

что после повторной обработки и уточнения запросов эти недостатки были в основном устранены.

Далее, текстовые работы обеих подгрупп были проверены с использованием GPTZero на предмет обнаружения текста, сгенерированного нейронной сетью. GPTZero – это программа, использующая статистический анализ для определения того, был ли текст написан человеком или скопирован из генератора контента искусственного интеллекта, такого как ChatGPT [12, с. 59].

Для определения оригинальности текста GPTZero ориентируется на два основных критерия – уровень случайности в составленных предложениях (Perplexity) и разрывность, или вариативность, этих предложений (Burstiness).

В нашем исследовании проверялись как работы, написанные вручную, так и сгенерированные ChatGPT.

Полученные результаты показали, что GPTZero довольно успешно справился с определением, был ли текст сгенерирован нейронной сетью. Но надо отметить, что в некоторых случаях сгенерированный текст определялся как написанный человеком, а при проверке работ, написанных вручную, программа тоже «обнаруживала» сгенерированный текст. Российская система «Антиплагиат Вуз» также включила в свой функционал детектирование сгенерированного текста, но существуют достаточно простые способы изменить результаты проверки. Таким образом, можно сделать вывод, что использование подобных детекторов для определения, была ли работа выполнена человеком или сгенерирована нейронной сетью, нецелесообразно.

Рассматривая вопрос о возможности использования GPT преподавателями в учебном процессе, мы применили нейронную сеть при решении некоторых рутинных задач преподавательской деятельности. Так, например, были созданы проверочные тесты для контроля знаний

по различным разделам дисциплины «Операционные системы» с применением ChatGPT. В зависимости от указанных требований к уровню сложности, тесты были сгенерированы удовлетворительно, но требовали небольшой доработки.

Также нейронная сеть использовалась нами для подготовки контрольных вопросов по конкретным темам дисциплины, причем в промпте указывалось только название темы и уровень сложности. Полученные в результате вопросы соответствовали тематике, но отличались однообразием формулировок.

И, наконец, тестировалась возможность создания нейронной сетью качественных интерактивных заданий. В ходе такой проверки был введен запрос следующего содержания: «Нужно разработать несколько интерактивных заданий (таких как упражнения по решению проблем, тематические исследования и/или моделирование) для курса под названием «Операционные системы». Результатом стали такие рекомендации: «1. Упражнение на решение проблем: «Операционная система в кризисе», 2. Тематическое исследование: «История операционных систем» и 3. Моделирование: «Операционная система для управления автопарком». После уточняющего запроса по первому заданию, нейронная сеть пояснила, что в первом задании имеется в виду проблема функционирования операционной системы.

Как видно из приведенного выше примера, задания 1 и 2 могут быть использованы в процессе обучения после небольшой доработки, а задание на моделирование представляет собой лишенный всякого смысла кейс.

Заключение. Поводя итоги, можно сказать, что включение ChatGPT в практику преподавания в высших учебных заведениях может значительно повысить эффективность учебного процесса как для обучающихся, так и для преподавателей.

Использование ChatGPT для создания учебных материалов, вовлечения обучающихся в дискуссии по предмету, предоставления персонализированной обратной связи, разработки рубрик оценки и поддержки интерактивного и совместного обучения позволяет преподавателям эффективнее решать задачу включения обучающихся в учебный процесс, способствует более глубокому пониманию содержания курса. Поскольку технологии искусственного интеллекта продолжают развиваться, преподавателям крайне важно быть в курсе и адаптировать свои методы работы, чтобы максимально эффективно использовать эти мощные инструменты.

В то же время важно помнить, что интеграция любого нового инструмента в учебный процесс должна осуществляться с осторожностью, и ChatGPT не является исключением.

При внедрении в образовательную практику технологий искусственного интеллекта важно учитывать и их ограничения: недостаток креативности, предвзятость и неточности, зависимость от технологий, корректируя педагогические приемы с их учетом.

В целом, ChatGPT — захватывающая технология с огромным потенциалом, что обуславливает необходимость мониторинга ее развития и влияния на образование в будущем. Как и в случае с большинством технологий, проблема заключается не в самой технологии, а в человеческих эмоциях, опыте и реакции на нее.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агальцова Д.В., Валькова Ю.Е. Технологии искусственного интеллекта для преподавателя вуза // МНКО. 2023. № 2 (99).
2. Гаркуша Н.С., Городова Ю.С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов [Электронный ресурс] // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. № 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-vozmozhnosti-chatgpt-dlya-razvitiya-kognitivnoy-aktivnosti-studentov> (дата обращения 17.05.2023 г.)
3. Паскова А.А. Зарубежный опыт использования нейронных сетей в персонализации электронного обучения // Актуальные вопросы науки и образования. 2022. № 2. – С. 19–22.
4. Baskara F.R. The Promises and Pitfalls of Using Chat GPT for Self-Determined Learning in Higher Education: An Argumentative Review Prosiding Seminar Nasional Fakultas Tarbiyah dan Ilmu Keguruan IAIM Sinjai May 2023 2:95–101.
5. Castillo-González W., Lepez C., Bonardi M. C. Chat GPT: a promising tool for academic editing Data & Metadata 1:23 December 2022.
6. Kim K. D. Study on Artificial Intelligence(AI) and Chat GPT, Corruption The Korea Association for Corruption Studies June 2023 28(2): 85–105.
7. Lelepary H. L., Rachmawati R., Zani B. N., Maharjan K. GPT Chat: Opportunities and Challenges in the Learning Process of Arabic Language in Higher Education Journal International of Lingua and Technology July 2023 2(1): 10–22.
8. Mali T. S., Deshmukh R. K. USE OF CHAT GPT IN LIBRARY SERVICES IJCRT | April 2023 Vol. 11, Iss. 4.
9. Mhlanga D. The Value of Open AI and Chat GPT for the Current Learning Environments and The Potential Future Uses SSRN Electronic Journal May 2023.
10. Mohammad Hosseini, Lisa M. Rasmussen, David B Resnik Using AI to write scholarly publications Researchgate January 2023 Accountability in Research Policies and Quality Assurance.
11. Siregar F. H., Hasmayni B., Lubis A. H. The Analysis of Chat GPT Usage Impact on Learning Motivation among Scout Students International Journal of Research and Review July 2023 10(07):632–638.
12. Yilmaz H., Maxutov S., Baitekov A., Balta N. Student's Perception of Chat GPT: A Technology Acceptance Model Study April 2023.

REFERENCES:

1. Agaltsova D.V., Valkova Yu.E. Artificial intelligence technologies for university teachers // MNKO. 2023. No. 2 (99).
2. Garkusha N.S., Gorodova Yu.S. Pedagogical opportunities of CHATGPT for the development of cognitive activity of students [Electronic resource] // Professional education and labor market. 2023. No. 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-vozmozhnosti-chatgpt-dlya-razvitiya-kognitivnoy-aktivnosti-studentov> (accessed May 17, 2023)
3. Paskova A.A. Foreign experience in using neural networks in the personalization of e-learning // Current issues in science and education. 2022. No. 2: 19–22.
4. Baskara F.R. The Promises and Pitfalls of Using Chat GPT for Self-Determined Learning in Higher Education: An Argumentative Review Prosiding Seminar Nasional Fakultas Tarbiyah dan Ilmu Keguruan IAIM Sinjai May 2023 2:95–101.
5. Castillo-González W., Lepez C., Bonardi M. C. Chat GPT: a promising tool for academic editing Data & Metadata 1:23 December 2022.
6. Kim K. D. Study on Artificial Intelligence (AI) and Chat GPT, Corruption The Korea Association for Corruption Studies June 2023 28(2):85–105.

7. Lelepary H. L., Rachmawati R., Zani B. N., Maharjan K. GPT Chat: Opportunities and Challenges in the Learning Process of Arabic Language in Higher Education Journal International of Lingua and Technology July 2023 2(1):10–22.

8. Mali T. S., Deshmukh R. K. USE OF CHAT GPT IN LIBRARY SERVICES IJCRT | April 2023 Vol. 11, Iss. 4.

9. Mhlanga D. The Value of Open AI and Chat GPT for the Current Learning Environments and The Potential Future Uses SSRN Electronic Journal May 2023.

10. Mohammad Hosseini, Lisa M. Rasmussen, David B Resnik Using AI to write scholarly publications Researchgate January 2023 Accountability in Research Policies and Quality Assurance.

11. Siregar F. H., Hasmayni B., Lubis A. H. The Analysis of Chat GPT Usage Impact on Learning Motivation among Scout Students International Journal of Research and Review July 2023 10(07): 632–638.

12. Yilmaz H., Maxutov S., Baitekov A., Balta N. Student's Perception of Chat GPT: A Technology Acceptance Model Study April 2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Анна Александровна Паскова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационной безопасности и прикладной информатики

*ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация
e-mail: passann@mail.ru
тел.: +7(918)4215231*

Information about the author

Anna A. Paskova – PhD (Pedag.), Associate Professor, Department of Information Security and Applied Informatics, FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop the Russian Federation

*e-mail: passann@mail.ru
tel.: +7(918)4215231*

Поступила в редакцию 17.06.2023

Поступила после доработки 26.08.2023

Принята к публикации 27.08.2023

Received 17.06.2023

Revised 26.08.2023

Accepted 27.08.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-75-83>
УДК 378.016:81

Н.В. Ряполова

Принципы развития российской культурной идентичности студентов вуза на занятиях иностранного языка

*Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) ФГАОУ ВО.
«Национальный исследовательский технологический университет "МИСИС"»
г. Старый Оскол, Российская Федерация*

Аннотация

Актуальность. В условиях усиливающейся геополитической напряженности в мире развитие российской культурной идентичности студентов на занятиях по иностранному языку приобретает особую значимость. Современное российское общество нуждается в компетентных, творческих и активных специалистах, подготовка которых не будет актуальной и достаточной без овладения ими знаниями не только о культуре стран изучаемого языка, но и о собственной культуре. В сложившейся ситуации иностранный язык имеет приоритетное значение как средство межкультурной коммуникации и обобщения духовного наследия стран и народов изучаемого и родного языков. **Проблема исследования:** каковы принципы развития российской культурной идентичности, способствующие формированию иноязычной коммуникативной компетенции? **Цель исследования:** обосновать реализацию принципов развития российской культурной идентичности студентов технического вуза на занятиях иностранного языка, способствующих формированию иноязычной коммуникативной компетенции. **Методы исследования:** педагогическое наблюдение, изучение психолого-педагогической литературы, ретроспективный анализ собственной педагогической деятельности, оценивание, изучение опыта работы преподавателей высших учебных заведений. **Результаты исследования:** определена роль иностранного языка в формировании российской культурной идентичности студентов; сформулированы принципы развития российской культурной идентичности студентов на занятиях по иностранному языку в вузе и приведены примеры их реализации. **Ключевые выводы:** принципы этнокультурной направленности обучения и использования PR-технологий на занятиях иностранного языка, целью реализации которых является развитие российской культурной идентичности студентов в техническом вузе, способствуют формированию иноязычной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова и словосочетания: культурная идентичность, этнокультурная направленность обучения, использование PR-технологий в обучении, межкультурная коммуникация, иноязычная коммуникативная компетенция

Для цитирования: Ряполова Н.В. Принципы развития российской культурной идентичности студентов вуза на занятиях иностранного языка // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 75–83.
<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-75-83>.

N.V. Ryapolova

Principles of developing the Russian cultural identity of university students in foreign language classes

*Sary Oskol Technological Institute named after A. A. Ugarov (a branch) FSAEI HE
“National Research Technological University” “MISIS”. The Russian Federation*

Abstract

Relevance. In the context of increasing geopolitical tensions in the world the development of Russian cultural identity of students in foreign language classes is of particular importance. Modern Russian society needs competent, creative and active specialists, whose training will not be relevant and sufficient without acquiring knowledge not only about the culture of the countries of the language being studied, but also about their own culture. In the current situation, a foreign language has priority importance as a means of intercultural communication and generalization of the spiritual heritage of the countries and peoples of the studied and native languages.

The Research problem: what are the principles of development of Russian cultural identity that contribute to the formation of foreign language communicative competence? The purpose of the research is to substantiate the implementation of the principles of development of Russian cultural identity of technical university students in foreign language classes that contribute to the formation of foreign language communicative competence. The research methods used include pedagogical observation, study of psychological and pedagogical literature, retrospective analysis of teaching activities, assessment, study of the work experience of teachers of higher educational institutions. The results of the research are the following: the role of a foreign language in the formation of Russian cultural identity of students has been determined; principles for the development of Russian cultural identity of students in foreign language classes at a university have been formulated and examples of their implementation given. **Key conclusions:** the principles of ethnocultural orientation of teaching and the use of PR technologies in foreign language classes, the purpose of which is the development of the Russian cultural identity of students at a technical university, contribute to the formation of foreign language communicative competence.

Keywords: cultural identity, ethnocultural orientation of education, use of PR technologies in education, intercultural communication, foreign language communicative competence.

For citation: Ryapolova N.V. Principles of developing the Russian cultural identity of university students in foreign language classes // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 3. P. 75–83. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-75-83>.

Введение. В условиях протекания гео-экономических и геополитических процессов глобализации возникает необходимость формирования у обучающихся осознания значимости российской гражданственности, этнической духовности и гармонизации межнациональных отношений. Решение этой задачи может быть достигнуто путем модернизации образования с целью усиления в сознании людей традиционных российских ценностей.

«Во избежание возникновения межкультурных конфликтов и противоречий остро встает вопрос о необходимости развития культурной самоидентичности личности, ставится задача приобщения к родной культуре, воспитания чувства патриотизма» [8, с. 202].

В текущей ситуации повышается значение дисциплины «Иностранный язык». Присутствие России в мировом сообществе, развитие международных отношений,

активизация миграционных процессов и т. п. ведут к переосмыслению сущности и цели межкультурной коммуникации. По этой причине языковая культура становится неотъемлемой частью культуры будущего специалиста. «Поскольку именно язык описывает культуру, он становится связующим звеном между культурой и идентичностью, играет структурообразующую роль в формировании культурной идентичности» [7, с. 61].

Основная часть. Значительный потенциал развития российской культурной идентичности заложен в дисциплине «Иностранный язык». С точки зрения А.А. Лисенковой, «российская культурная идентичность – это не только многоаспектное явление, но и сложившаяся структура, которая включает в себя национальный, этнический, социальный и культурный аспекты» [7, с. 56]. Язык в данной структуре является одним из маркеров культурной идентичности, «первейшим фактором, на основании которого мы идентифицируем человека с определенной культурой» [2, с. 82]. Как справедливо отмечает Т. Думитраскович, «функция иностранного языка определяется не просто усвоением нового кода и новых обозначений одних тех же понятий. Скорее, при эффективном обучении иностранный язык и изучаемая культура дают возможность освоить новые понятия и способы понимания мира» [13, с. 253]. «Культура в данном аспекте рассмотрения выступает не только как механизм закрепления достигнутого, но и как фактор регулирования характера и направления коммуникации, осуществления культурного воспроизводства и продуцирования культуры» [4, с. 132].

Преподавание иностранного языка в техническом вузе, осуществляемое с учетом развития культурной идентичности студентов, предполагает развитие у обучающихся понимания их собственной культуры и культуры стран изучаемого языка. Так Л. Гундерсон утверждает, что «язык и

культура неразрывно связаны» [15, с. 694]. В. Гумбольдт полагает, что «люди, изучающие иностранные языки, расширяют диапазон человеческого существования и постигают картины мира другого народа с помощью другого языка» [3, с. 198]. По мнению Н.Д. Гальсковой, «положительное отношение к культуре другого народа, говорящего на иностранном языке, широкое представление о достижениях национальных культур (собственной и страны изучаемого языка) в развитии общечеловеческой культуры будут формировать обучающегося как личность, принадлежащую к определенному языковому и культурному сообществу» [1, с. 71]. Таким образом, студент должен осознать, что «культуру других народов необходимо изучать в сравнении с родной, так как понимание чужой культуры осуществляется на основе собственного миропонимания» [5, с. 127].

Развитие российской культурной идентичности студентов технического вуза в ходе изучения иностранного языка обеспечивается реализацией в процессе обучения принципов этнокультурной направленности и использования PR-технологий. Принцип этнокультурной направленности обучения предполагает учет этнокультурных характеристик обучающихся, формирование соответствующей этнической картины мира, этнического самосознания и мышления. Этнокультура рассматривается как «отношение к природе, особенности менталитета, поведения (привычки в еде, жесты приветствия и др.), способы передачи информации от поколения к поколению, идеологические установки» [6, с. 178].

Реализация данного принципа особенно актуальна для Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (СТИ НИТУ "МИСИС"), в котором обучаются студенты разных этнических групп: буряты, русские, чуваша, татары, осетины и т.д. В ходе изучения иностранного языка студенты включаются в раз-

личные виды учебной и внеучебной работы, содержание которой связано с реализацией принципа этнокультурной направленности. «Учебная среда играет решающую роль в формировании иноязычной личности обучающегося иностранному языку. Эта идея фокусируется на обучающемся как активном участнике процесса изучения языка и, как следствие, формирует идентичность» [19, с. 172]. В процессе знакомства со страной изучаемого языка мы стараемся донести до студентов необходимость выделения общего и специфичного в менталитете, людях и традициях родной страны и иной социокультурной общности. Подчеркивается тот факт, что данное сравнение способствует развитию взаимопонимания и установлению добрых отношений. С этой целью на занятиях по иностранному языку в техническом вузе используются следующие виды работы: конкурсы, викторины, проекты, эссе, разнообразные творческие задания и т. д.

Остановимся подробнее на конкурсе презентаций по английскому языку на тему «Нематериальные культурные ценности народов России», который был проведен среди студентов-бакалавров первого и второго курсов всех специальностей. Каждый из участников представлял обычаи, культурные традиции, обряды, народные праздники, пение, музицирование, танцевальное искусство определенного этноса, проживающего на территории России. Цели и задачи мероприятия были следующие: формирование познавательной мотивации студентов; развитие их лингвистических умений и навыков; формирование этнического самосознания и мышления, укрепление этнической идентичности посредством творческого освоения культуры, становления национального самосознания; раскрытие интеллектуального и творческого потенциала.

Содержание конкурсных работ соответствовало заявленной теме исследова-

ния. Следует отметить логичность и грамотность изложения, четкое, ёмкое и оригинальное представление презентаций на английском языке. Использование программы подготовки и просмотра презентаций Power Point открыло большие возможности для расширения образовательных рамок, привнесло огромный мотивационный потенциал и способствовало принципам индивидуализации обучения. Конкурс вызвал большой интерес у студентов. Собирая материал к презентациям, они узнали много новых фактов о культурном наследии различных народов России, являющимся важнейшей составляющей частью национальной культуры, основой национального самосознания, укрепляющей духовную связь поколений.

Таким образом, реализация принципа этнокультурной направленности в обучении иностранному языку в СТИ НИТУ «МИСИС» способствует повышению мотивации обучающихся и обеспечивает формирование умений и навыков организации продуктивного взаимодействия с учетом национальных, этнокультурных особенностей; представления собственной культуры на иностранном языке и осознания себя частью мирового сообщества.

Принцип использования PR-технологий в обучении иностранному языку предполагает привлечение внимания студентов к собственной культуре и переосмысление места и роли нашей страны в мировой цивилизации.

В развитии культурной самоидентичности студентов технического вуза основополагающей целью является формирование глубоких знаний о родной культуре, осознание национального своеобразия нашей страны и собственного менталитета. «Постоянно меняющееся высшее образование заставляет преподавать и изучать английский язык с учетом культурных особенностей контекста, в котором этот язык преподается и используется» [12, с. 24; 16, с. 12; 17 с. 5; 18, с. 310; 20

с. 6]. Однако на протяжении длительного времени в российских учебных заведениях на занятиях по иностранному языку изучалась культура той страны, где этот язык является государственным. «Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [10, с. 27].

Необходимость изучения родной культуры на занятиях по иностранному языку очевидна. Студенты должны знать традиции, обычаи, бытовую культуру, особенности повседневного поведения народов нашей страны; уметь рассказать об известных достопримечательностях, исторических событиях, праздниках и т. д. Полностью разделяем точку зрения И. С. Пирожковой о том, что «при обучении английскому языку необходимо акцентировать родную культуру, а не навязывать западные модели поведения и стандарты всем людям, независимо от их целей и места жительства» [9, с. 93]. Так Фавваз Аль-Аль-Абед отмечает, что «материал учебника английского языка зачастую не соответствует потребностям студентов; учащиеся подчеркивают, что им не хватает материала о родной культуре и о культуре не англоговорящих стран» [14, с. 5]. Наряду с этим было выявлено, что «культура англоговорящих стран не мотивирует студентов, в связи с чем учителя некоторых стран выразили свое отрицательное отношение к отдельным западным традициям, описываемым в учебниках по обучению английскому языку» [11, с. 7].

Интеграция в процесс обучения иностранному языку в СТИ НИТУ «МИСИС» PR-технологий обусловлена недостаточной представленностью материалов на иностранном языке о российской культуре, ее базовых понятиях и современном состоянии. Из PR-технологий и инстру-

ментов в вузе наиболее распространены конкурсы презентаций, проекты, конференции, конкурсы НИР, дискуссии, ролевые игры, просмотр подкастов и видеороликов о традициях, обычаях, бытовой культуре представителей русской лингвокультурной общности с последующим обсуждением и выполнением заданий.

Нами был проведен конкурс научно-исследовательских работ на английском языке со студентами 1 курса направления подготовки 38.03.01 Экономика «Известные экономисты России». Обязательными условиями конкурса было использование программы подготовки и просмотра презентаций Power Point; сохранение единого стиля; наличие титульного слайда; слайда с целью и задачами НИР, актуальностью темы исследования, объектом и предметом, гипотезой и методами исследования. Презентации необходимо было оформить на английском языке с последующим русским переводом. Продолжительность выступления – 5–7 минут.

Критерии оценивания были следующие: 1) постановка цели и задач НИР; 2) актуальность и оригинальность темы исследования; 3) определение объекта и предмета исследования; 4) структура (титульный лист; логическая последовательность слайдов; присутствие логичного вступления и заключения); 5) содержание (полнота раскрытия темы, информационная ценность, самостоятельность исследования); 6) языковые средства (лексико-грамматическая и стилистическая корректность); 7) коммуникативный компонент (беглость речи, интонация, визуальный контакт и общение с аудиторией); 8) правильность и полнота ответов на дополнительные вопросы.

В ходе конкурса студенты экономических направлений подготовки представили результаты своей научно-исследовательской работы. Обучающиеся изучили труды и их влияние на развитие мировой экономической мысли таких известных российских учёных, как М. И. Ту-

ган-Барановский, Н. Д. Кондратьев, В.К. Дмитриев, Е. Е. Слуцкий и др. Был отмечен весомый вклад отечественных ученых в мировую экономическую науку. Однако, как выяснили студенты, труды вышеперечисленных ученых были недооценены в свое время в нашей стране, что отрицательно отразилось на темпах ее технического прогресса и экономического роста.

Проведенный конкурс научно-исследовательских работ доказал свою эффективность. Профессионально-ориентированное деловое общение, а также правильное употребление студентами профессиональной лексики, фразеологических оборотов и экономических терминов стали основой формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Конкурс НИР был подчинен конкретной учебной цели, вызвал у студентов интерес и стимулировал выражение собственного мнения, оценки.

Таким образом, реализация принципа использования PR-технологий на занятиях по иностранному языку способствует формированию умений и навыков иноязычного общения; развитию умения донести положительное отношение к России, отстаивать собственные взгляды и позиции на иностранном языке; формированию

глубоких знаний о своей стране и патриотических чувств.

Заключение. Подводя итоги выше-сказанному, отметим важность реализации принципов развития российской культурной идентичности на занятиях иностранного языка в СТИ НИТУ «МИСИС», способствующих формированию иноязычной коммуникативной компетенции. Включение в процесс обучения форм и приёмов работы, направленных на организацию продуктивного взаимодействия студентов с учетом национальных, этнокультурных особенностей формирует у обучающихся потребности в изучении языка, развивает лингвистические умения и навыки, пополняет запас знаний об усваиваемой культуре, обычаях, традициях страны родного и изучаемого языков. Создание благоприятной коммуникационной среды для субъектов образовательного процесса на занятиях посредством использования PR-технологий способствует формированию умений и навыков иноязычного общения; вызывает интерес и готовность говорить о собственной культуре, месте и роли нашей страны в мировой цивилизации; отстаивать собственные взгляды и позиции на иностранном языке, обеспечивая тем самым развитие российской культурной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: АРКТИ-ГЛОССА, 2000. – 165 с.
2. Горбачев А.В. Культурно-идентификационная роль языка в национальном измерении: социальный аспект [Электронный ресурс] // Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества: материалы VII Международной научно-практической конференции, XXVI Нижегородской сессии молодых ученых (гуманитарные науки). – М.: Перо, 2021. – С. 82–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48161988> (дата обращения: 28.06.2023).
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
4. Дмитриева Е.Н., Оберемко О.Г. Межкультурная и межэтническая коммуникация – основа подготовки лингвиста к межкультурному диалогу в процессе обучения в вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2020. Вып. 4 (52). – С. 127–142.
5. Коняхина Л.М., Яковлева Л.В. К вопросу формирования языковой личности в контексте профессионально-ориентированной иноязычной вузовской подготовки // Вестник Нижегород-

ского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). – С. 123–136.

6. Коршунова Н.М. Этнокультурный потенциал иностранного языка в подготовке лингвистов // Современный учитель – взгляд в будущее: сборник научных статей. Ч. 1. Екатеринбург, 2022. – С. 177–178.

7. Лисенкова А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). – С. 69–82.

8. Малютина Е.А., Оберемко О.Г. Проблема развития культурной самоидентичности при овладении иностранным языком взрослыми // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. – С. 202–212.

9. Пирожкова И. С., Тенихина А. С. Образ России в британских учебниках английского языка для русскоязычных обучающихся // Педагогическое образование в России. 2019. № 9. – С. 92–98.

10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М., 2000. – 262 с.

11. Adaskou K., Britten D., Fahsi B. Design decisions on the cultural content of a secondary English course for Morocco. *ELT Journal*. 1990; 1 (44). pp. 3–10.

12. Canagarajah S. Resisting Linguistics [Electronic resource] // Imperialism in English Teaching. Oxford, England: Oxford University Press. 1999. 216 p. URL: <https://g.eruditor.one/file/3380526/grant/> (дата обращения: 19.07.2023).

13. Dumitraskovic T. Culture, Identity and Foreign Language Teaching And Learning // *Journal of Foreign Language Teaching and Applied Linguistics*. 2015; 2 (2): 251–257.

14. Fawwaz al-Abed al-Haq, Oqlah Smadi. Spread of English and Westernization in Saudi Arabia. *World Englishes*. 2007; 15 (3): 307–317.

15. Gunderson L. Voices of the teenage diasporas. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2000; 43(8): 692–706.

16. Pennycook A. The Cultural Politics of English as an International Language. Reissued in Routledge Linguistics Classics series by Routledge. 2017; 357 p.

17. Phillipson R.H.L. Linguistic Imperialism. Oxford University Press [Electronic resource]. USA, 1992; 190 p. URL: <https://g.eruditor.one/file/984023/> (дата обращения: 20.07.2023).

18. Syarilili A., Abd Rashid, Ruzai I. et al. English Language Textbooks and Portrayal of Culture: A content analysis. *MATEC Web of Conferences*. 2018; 150: 1–12.

19. Van Lier L. Agency in the classroom. In J. Lantolf & M. Poehner (Eds.), *Sociocultural theory and the teaching of second languages*. 2008; P. 163–186. URL: <https://www.dilitformazioneinsegniati.it/atti/2010-convegno-lecologia-dellapprendimento-linguistico/agency-in-the-classroom/> (дата обращения 19.07.2023).

20. Yamada M. The representation of race and ethnic relations in Japanese junior high school English language textbooks from 1987 to 2002. Ph.D. dissertation, Western Michigan University, United States -Michigan. Retrieved June 17, 2008; 194 p. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2008&context=dissertations> (дата обращения 21.07.2023).

REFERENCES:

1. Galskova N. D. Modern methods of teaching foreign languages. M.: ARKTI-GLOSSA, 2000. 165 p.

2. Gorbachev A.V. The cultural and identification role of language in the national dimension: the social aspect [Electronic resource] // Harmonization of interethnic relations in a global society: materials of the VII International Scientific and Practical Conference, XXVI Nizhny Novgorod Session of Young Scientists (Humanities). M.: Pero, 2021. P. 82–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48161988> (date of access: 28.06.2023).

3. Humboldt V. On the differences in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind // *Selected works on linguistics*. M.: Progress, 1984. 400 p.
4. Dmitrieva E.N., Oberemko O.G. Intercultural and interethnic communication - the basis for preparing a linguist for intercultural dialogue in the process of studying at a university // *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov*. 2020. Issue. 4 (52): 127–142.
5. Konyakhina L.M., Yakovleva L.V. On the issue of the formation of a linguistic personality in the context of professionally oriented foreign language university training // *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov*. 2021. Issue. 1 (53): 123–136.
6. Korshunova N.M. Ethnocultural potential of a foreign language in the training of linguists // *A Modern teacher – a look into the future: a collection of scientific articles*. Part 1. Ekaterinburg, 2022. P. 177–178.
7. Lisenkova A. A. Features of the formation of Russian cultural identity // *Values and meanings*. 2018. No. 2 (54): 69–82.
8. Malyutina E.A., Oberemko O.G. The problem of developing cultural self-identity when mastering a foreign language by adults // *Bulletin of Tomsk State University*. 2020. 460: 202–212.
9. Pirozhkova I. S., Tenikhina A. S. The image of Russia in British English textbooks for Russian-speaking students // *Pedagogical education in Russia*. 2019. 9: 92–98.
10. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication: a textbook for students, graduate students and applicants for specialties “Linguistics and Intercultural Communication”. M., 2000. 262 p.
11. Adaskou K., Britten D., Fahsi B. Design decisions on the cultural content of a secondary English course for Morocco. *ELT Journal*. 1990; 1 (44): 3–10.
12. Canagarajah S. *Resisting Linguistics* [Electronic resource] // *Imperialism in English Teaching*. Oxford, England: Oxford University Press. 1999. 216 p. URL: <https://g.eruditor.one/file/3380526/grant/> (access date: 19.07.2023).
13. Dumitrascovic T. Culture, Identity and Foreign Language Teaching And Learning // *Journal of Foreign Language Teaching and Applied Linguistics*. 2015; 2 (2): 251–257.
14. Fawwaz al-Abed al-Haq, Oqlah Smadi. Spread of English and Westernization in Saudi Arabia. *World Englishes*. 2007; 15 (3): 307–317.
15. Gunderson L. Voices of the teenage diaspora. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2000; 43(8): 692–706.
16. Pennycook A. *The Cultural Politics of English as an International Language*. Reissued in *Routledge Linguistics Classics series* by Routledge. 2017; 357 p.
17. Phillipson R.H.L. *Linguistic Imperialism*. Oxford University Press [Electronic resource]. USA, 1992; 190 p. URL: <https://g.eruditor.one/file/984023/> (access date: 20.07.2023).
18. Syarilili A., Abd Rashid, Ruzai I. et al. English Language Textbooks and Portrayal of Culture: A content analysis. *MATEC Web of Conferences*. 2018; 150: 1–12.
19. Van Lier L. Agency in the classroom. In J. Lantolf & M. Poehner (Eds.), *Sociocultural theory and the teaching of second languages*. 2008; P. 163–186. URL: <https://www.dilitformazioneinsegnanti.it/atti/2010-convegno-lecologia-dellapprendimento-linguistico/agency-in-the-classroom/> (accessed 19.07.2023).
20. Yamada M. The representation of race and ethnic relations in Japanese junior high school English language textbooks from 1987 to 2002. Ph.D. dissertation, Western Michigan University, United States -Michigan. Retrieved June 17, 2008; 194 p. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2008&context=dissertations> (accessed 21.07.2023).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Наталья Валерьевна Ряполова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук

*Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет "МИСИС"» г. Старый Оскол, Российская Федерация
e-mail: luba72007@yandex.ru
тел. +7(908)7893308*

Поступила в редакцию 05.07.2023

Поступила после доработки 16.08.2023

Принята к публикации 17.08.2023

Received 05.07.2023

Revised 16.08.2023

Accepted 17.08.2023

Information about the author

*Natalya V. Ryapolova, PhD (Pedag.), Associate Professor, Department of Humanities, Sary Oskol Technological Institute named after A. A. Ugarov (a branch) FSAEI HE "National Research Technological University" "MISIS". Sary Oskol, the Russian Federation
e-mail: luba72007@yandex.ru
tel.: +7(908)7893308*

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-84-92>
УДК 378. 111

В.Г. Свечкарёв ^{1*}, М.М. Эбзеев ², Э.Э. Кочкаров²

Мониторинг профессиональной деятельности преподавателя высшей школы в современных условиях: зарубежный и отечественный опыт

^{1*}ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация

²ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет»
им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика

Актуальность. В современных условиях актуализирована проблема эффективности профессиональной деятельности преподавателя вуза, определяющая возможности заключения контракта с научно-педагогическим работником, а также размер его заработной платы. В связи с этим возникает необходимость анализа зарубежного и отечественного опыта мониторинга результатов деятельности преподавателей высшей школы, которая успешно может быть использована в современном вузе. **Проблема исследования:** заключается в необходимости разработки эргономичной процедуры оценки профессиональной деятельности научно-педагогического работника как результатов его индивидуальных достижений. **Цель исследования:** заключается в раскрытии опыта мониторинга профессиональной деятельности преподавателя вуза как инновационного контура оценки эффективности его педагогического труда. Задачи исследования: представить опыт рейтинговой оценки труда преподавателя вуза; раскрыть критериальную оценку учета результатов профессиональной деятельности научно-педагогических работников; выявить тенденции мониторинга профессиональной деятельности. **Методология и методы исследования:** Методологическую основу составили современные научные представления о критериях оценки деятельности преподавателя вуза. Применялись методы теоретического исследования: анализ, сравнение, обобщение, описание, наглядное представление. **Результаты исследования:** Представлена обобщенная позиция по разработке критериев и показателей оценки результатов деятельности научно-педагогических работников на примере эффективных контрактов. Выявлены общие тенденции мониторинга профессиональной деятельности преподавателя вуза в современных условиях. **Ключевые выводы:** Сформулирован вывод о преимуществах и возможных перспективах политики мониторинга эффективности деятельности научно-педагогических работников в современных условиях.

Ключевые слова: рейтинг, мониторинг, контракт, вуз, показатель, достижения, оценка, работник

Для цитирования: Свечкарёв В.Г., Эбзеев М.М., Кочкаров Э.Э. Мониторинг профессиональной деятельности преподавателя высшей школы в современных условиях: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 84–92. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-84-92>.

V.G. Svechkarev^{1*}, M.M. Ebzeev², E.E. Kochkarov²
**Monitoring the professional activity of high school
teachers in modern conditions: foreign
and domestic experience**

^{1*}FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop.
The Russian Federation

²FSAEI HE “Karachay-Cherkess State University” named after. U.D. Aliyev,
Karachaevs, the Karachay-Cherkess Republic

Abstract

Relevance. In modern conditions the problem of the effectiveness of the professional activity of a university teacher has become relevant, determining the possibility of concluding a contract with a scientific and pedagogical worker, as well as the size of his/her salary. In this regard, there is a need to analyze foreign and domestic experience in monitoring the performance of higher education teachers, which can be successfully used in a modern university. The research problem lies in the need to develop an ergonomic procedure for assessing the professional activities of a scientific and pedagogical worker as a result of his/her individual achievements. The purpose of the research is to reveal the experience of monitoring professional activities of a university teacher as an innovative contour for assessing the effectiveness of his/her teaching work. The objectives of the research: to present the experience of rating the work of a university teacher; disclose the criteria for accounting for the results of professional activities of scientific and pedagogical workers; identify trends in monitoring professional activities. Methodology and research methods: the methodological basis was made up of modern scientific ideas about the criteria for assessing the activities of a university teacher. The following theoretical research methods were used: analysis, comparison, generalization, description, visual presentation. The research results: a generalized position on the development of criteria and indicators for assessing the performance of scientific and pedagogical workers has been presented using the example of effective contracts. General trends in monitoring the professional activities of university teachers in modern conditions have been identified. Key conclusions: a conclusion has been formulated about the advantages and possible prospects of a policy for monitoring the effectiveness of the activities of scientific and pedagogical workers in modern conditions.

Keywords: rating, monitoring, contract, university, indicator, achievements, assessment, an employee

For citation: Svechkarev V.G., Ebzeev M.M., Kochkarov E.E. Monitoring the professional activity of high school teachers in modern conditions: foreign and domestic experience // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 3. P. 84–92. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-84-92>.

Введение. В настоящее время актуальной задачей российской академической среды и практики является создание объективной системы мониторинга деятельности вузов [2]. Стратегическими целями мониторинга любого вуза является совокупность внутренних показателей, ориен-

тированных на повышение качества оказываемых образовательных услуг. В целях мониторинга деятельности вузов применяется термин «академический рейтинг» (Шанхайский рейтинг), который представляет собой ежегодные публикации всемирного рейтинга университетов. Впер-

вые таблица рейтингов была разработана в 2003 году Шанхайским университетом Цзяо Тун. Сегодня мировыми университе-

тами в качестве главнейших критериев и индикаторов используются следующие четыре группы данных (рис. 1):

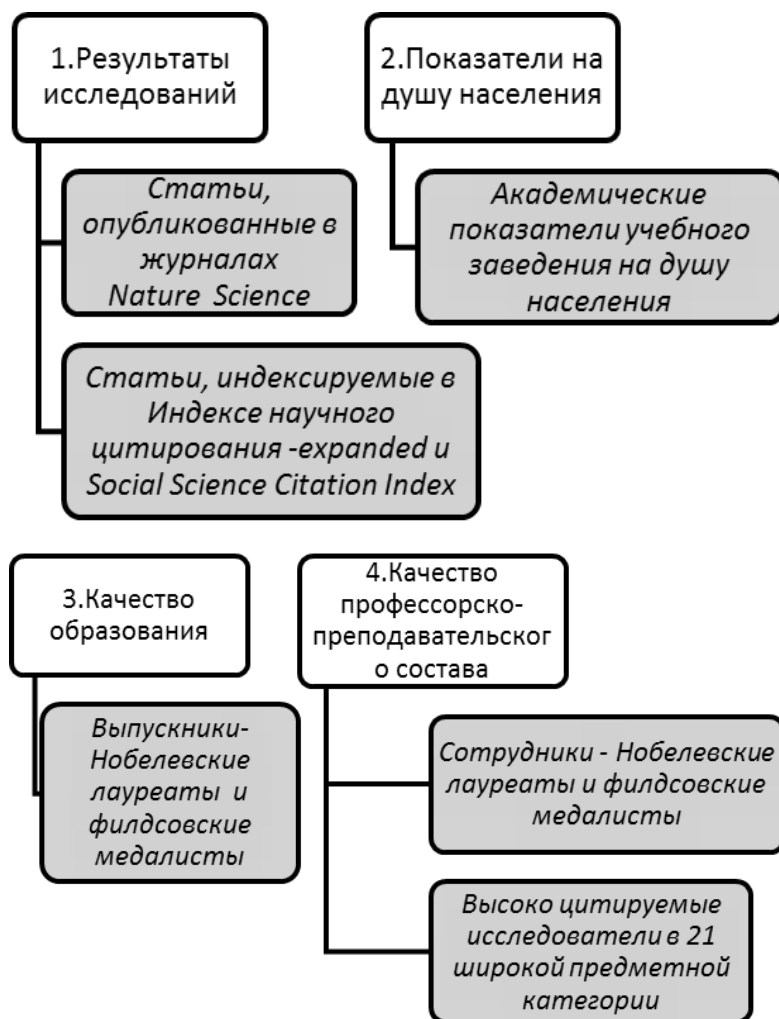

Рис. 1. Критерии и индикаторы академического рейтинга университетов мира [2, С. 17]

Основная часть. Согласно Всемирному рейтингу университетов компании QS Quacquarelli Symonds World University Rankings (QS WUR) лучшими признаются университеты мира на основе шести критериев: академической репутации, репутации среди работодателей, числа студентов на одного научно-педагогического работника, количества цитирований на одного научно-педагогического работника, числа иностранных сотрудников среди научно-педагогических работников, числа

иностранцев студентов [2]. Вполне очевидно, что академический рейтинг вуза складывается из совокупной продуктивности работы каждого его преподавателя. Коллективом авторов Ж.Б. Мусатовой, И.И. Скоробогатых, Д.А. Штыхно, Н.Б. Завьяловой, О.А. Гришиной, О.В. Сагиновой, Е.Н. Ковалевой (2015) сформулирован общий формат анализа академической эффективности деятельности преподавателя вуза на основе изучения мирового опыта (рис. 2):

Академическая эффективность деятельности преподавателя вуза	1. Квалификационные требования к преподавателям.
	2. Обязательные виды деятельности преподавателя, показатели и индикаторы качества по каждому из них.
	3. Порядок распределения видов работ между преподавателями.
	4. Система оценки результатов деятельности преподавателей.
	5. Система мотивации преподавателей.

Рис. 2. Критерии анализа академической эффективности деятельности преподавателя вуза [2, С. 25]

Внедрение в отечественной высшей школе политики эффективного контракта является инновационным инструментом функционирования вузов в новых социально-экономических условиях, что обусловило необходимость внедрения мониторинга результатов профессиональной деятельности научно-педагогических работников. Если для российских вузов критериально-оценочная система индивидуальных профессиональных достижений педагога актуализирована в последнее десятилетие, то для мировой практики такой подход имеет давнюю историю. Так, в США еще с конца 20 века рейтинг преподавателя состоит из трех основных видов деятельности: 1) преподавательской (в соответствии с должностью устанавливается нормативная нагрузка на семестр/год); 2) научно-исследовательской (публикационная активность преподавателя за год, результаты которой учитываются при очередной аттестации/избрании на должность; индикатором является число опубликованных статей в год и выступление на конференциях); 3) организационно-административной (деятельность в различных комиссиях, комитетах, администрирование образовательных программ) [9]. Оценка

преподавателя высших учебных заведений США осуществляется на основе мнений аудиторий студентов и коллег, а также экспертизы собранного комплекта документов – личного портфолио [2]. Вузы США особое внимание уделяют системе мотивации преподавателей через материальные (зарплата) и моральные (победа в конкурсах, награды, что учитывается при заключении контракта на более длительный срок) стимулы. Аналогичная практика мониторинга профессиональной деятельности преподавателя вуза существует и в Великобритании. Однако здесь развита практика карьерного наставничества. В рамках каждой траектории сотрудник может выполнить задания повышенного уровня ответственности и получать надбавку к базовой заработной плате по результатам их выполнения [8].

Другие европейские университеты (Венский экономический университет (Австрия) и Университет Рединга (Великобритания)) расширяют указанный выше перечень к своим преподавателям, добавляя в него:

1) научные исследования на международном уровне, в т.ч. публикации в лучших научных изданиях;

2) мировую известность в кругу коллег;

3) применение в учебной деятельности актуальных педагогических технологий, а также проектирование учебных программ с учетом результатов собственных научных достижений;

4) взаимодействие с бизнесом через совместные исследовательские проекты [2, С.51].

В университетах Объединенных Арабских Эмиратов в количественном эквиваленте определены критерии профессиональной деятельности преподавателей. Так, удельный вес научных исследований в общей структуре показателей его профессиональной деятельности должен составлять 40%, остальные 40% и 20% – для преподавания и общественной работы соответственно) [10].

Следовательно, проведенный анализ позволил нам обозначить базовые составляющие мониторинга профессиональной деятельности преподавателей вуза, которые включают показатели по трем видам деятельности: преподаванию, исследовательской работе и общественно-полезной деятельности.

В российских вузах в последнее десятилетие ведутся активные дискуссии о сбалансированной системе оценки эффективной деятельности научно-педагогических работников. При этом не существует единых критериев мониторинга результативности труда преподавателя высшей школы. Каждый вуз самостоятельно разрабатывает критерии и показатели такой оценки, отражая их в локальных актах (положениях об эффективном контракте), что делает их прозрачными и доступными [7]. Анализ практики внедрения концепции эффективного контракта в российских вузах позволил выделить два контура мониторинга труда научно-педагогического работника – количественный и качественный. Общая модель мониторинга включает декомпозицию критериев и показателей, отражающих определённый

объем работы научно-педагогического работника за отчетный период. Причем, отчетный период варьирует в разных учебных заведениях и может включать календарный год, учебный год, семестр, квартал. Показатели мониторинга устанавливаются в отношении каждой занимаемой должности: ассистента, преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора, а также в соответствии с должностями заведующих кафедрами, деканов факультетов, директоров институтов и др. Некоторые вузы устанавливают минимальные пороги показателей в зависимости от доли занимаемой ставки. Единицей измерения являются баллы, которые индексируются в стимулирующие выплаты. Практикуется как электронная версия заполнения мониторинга (электронный модуль в личном кабинете преподавателя «Эффективный контракт», ИАС «Рейтинг преподавателя» и др.), так и бумажная. По данным индивидуального мониторинга достижений каждого преподавателя формируется индивидуальный рейтинг ППС в соответствии занимаемой должности за отчетный период в виде общего количества баллов.

Изучение практики вузов технического профиля (ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова», ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» [3; 4; 5]) позволило обозначить основные направления мониторинга достижений научно-педагогического работника в технических вузах (рис. 3).

По результатам мониторинга формируется фонд оплаты труда ППС, представленный двумя частями: гарантированной частью оплаты труда в виде должностного оклада и стимулирующей части оплаты труда по результатам индивидуального мониторинга.

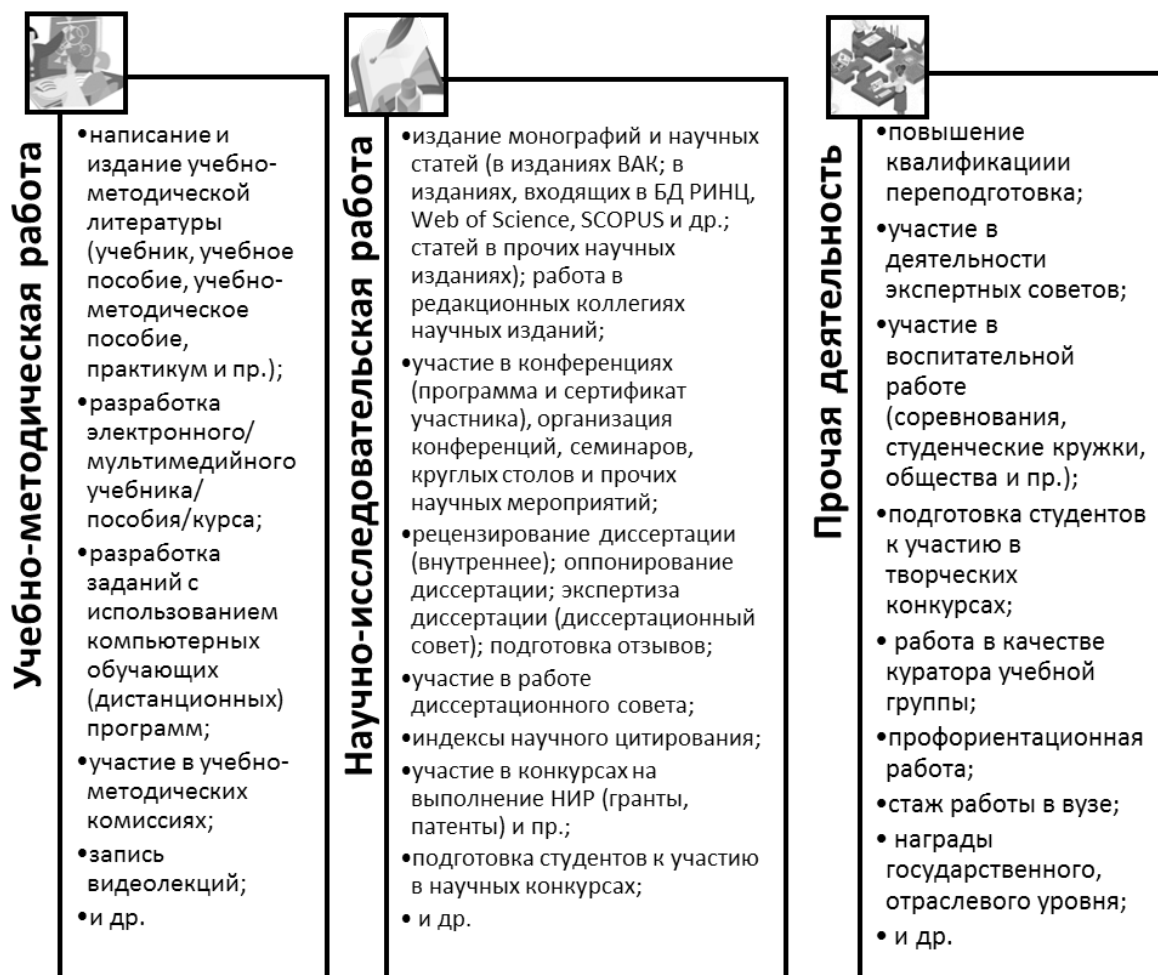

Рис. 3. Основные направления мониторинга достижений научно-педагогического работника в технических вузах

Формирование индивидуального рейтинга ППС влияет на карьерный рост, т.к. связано для руководства вуза с выявлением талантливых ученых и управленцев [6]. А также с направлением деятельности ППС (с помощью изменения величины баллов) в важное для вуза русло в системе стратегического планирования [1].

Заключение. В целом, по результатам исследования зарубежного и отечественного опыта можно обозначить следующие тенденции мониторинга профессиональной деятельности преподавателя вуза в современных условиях:

– мониторинг представляет собой сбалансированную декомпозицию критериев

и показателей реального вклада каждого научно-педагогического работника в развитие образовательной организации;

– целями мониторинга является объективная оценка эффективности деятельности преподавателя при выполнении им должностных обязанностей;

– мониторинг по своей сути предполагает стимулирование научно-педагогических работников в зависимости от достигнутых ими результатов в контексте общей системы стимулирования работников вуза и материальной мотивации труда преподавателя;

– система мониторинга носит мотивирующий характер и направлена на повышение эффективности индивидуального

труда научно-педагогического работника посредством объективной и регулярной оценки его результатов с последующим вознаграждением, закрепленным трудовым договором.

В целом, разработанные системы мониторинга профессионального труда пре-

подавателя высшей школы постоянно совершенствуются в рамках политики эффективных контрактов, содействуя продвижению конкурентной среды в вузах, что имеет место в определении индивидуальной траектории будущего карьерного роста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ларионова М.А. Стратегическое планирование как фактор развития системы высшего образования // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 1. – С. 192–208.
2. Оценка эффективности преподавателя в современном образовательном учреждении: монография / Ж.Б. Мусатова [и др.]. – М.: Центр развития научного сотрудничества, 2015. – 114 с.
3. Положение об эффективном контракте, критериях и показателях эффективности деятельности работников из числа профессорско-преподавательского состава ЮРГПУ (НПИ) [Электронный ресурс]. URL <https://www.npi-tu.ru> (дата обращения 22.03.2023).
4. Положение об эффективном контракте (категория работников – профессорско-преподавательский состав) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»: [Электронный документ]. URL <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1679819982&tld=ru&lang> (дата обращения 26.03.2023).
5. Положение об эффективном контракте профессорско-преподавательского состава, научных работников высшего образования, педагогических работников среднего профессионального образования, а также учебно-вспомогательного персонала ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова» [Электронный документ]. URL https://gstou.ru/files/effective_contract/pologenie_ob_effect_kontrakte_2022.pdf (дата обращения 26.03.2023).
6. Пугач В.Ф. Ещё раз о возрасте преподавателей в российских вузах: старые проблемы и новые тенденции [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. 2023. № 3. – С. 118–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/escho-raz-o-vozhraze-prepodavateley-v-rossiyskih-vuzah-starye-problemy-i-novye-tendentsii> (дата обращения: 26.03.2023) DOI: 0.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133.
7. Эффективный контракт как средство мониторинга профессиональных достижений научно-педагогического работника / В.Г. Минченко [и др.] // Стандарты и мониторинг в образовании. 2022. Т. 10, № 2. – С. 3–8.
8. An effective contract as an innovative contour for evaluating the results of a teacher's professional activity in higher school / T. Poddubnaya [et al.] // Laplage em Revista. 2021. Vol. 7, No. 3D. P. 324–335.
9. Carlier G., Gaumont D. Fixed-wages, wage differentials and worker heterogeneities // Australian Economic Papers. 2008. Vol. 47, iss. 4. P. 320–333.
10. Waldman M. Up-or-Out Contracts: A Signaling Perspective // Journal of Labor Economics. 1990. Vol. 8, No. 2. P. 230–250.

REFERENCES:

1. Larionova M.A. Strategic planning as a factor in the development of the higher education system // Bulletin of PNIPU. Socio-economic sciences. 2023. 1: 192–208.
2. Assessing the effectiveness of a teacher in a modern educational institution: monograph / Zh. B. Musatova [et al.]. M.: Center for the Development of Scientific Cooperation, 2015. 114 p.

3. Regulations on an effective contract, criteria and performance indicators for employees from among the teaching staff of SRSPU (NPI) [Electronic resource]. URL <https://www.npi-tu.ru> (date of access: 22.03.2023).

4. Regulations on an effective contract (category of employees - teaching staff) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Don State Technical University”: [Electronic document]. URL <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1679819982&tld=ru&lang> (access date 26.03.2023).

5. Regulations on the effective contract of teaching staff, higher education researchers, secondary vocational education teaching staff, as well as educational and support staff of FSBEI HE “Grozny State Petroleum Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov” [Electronic document]. URL https://gstou.ru/files/effective_contract/pologenie_ob_effect_kontrakte_2022.pdf (accessed March 26, 2023).

6. Pugach V.F. Once again about the age of teachers in Russian universities: old problems and new trends [Electronic resource] // Higher education in Russia. 2023. 3: 118-133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eschy-o-raz-o-vozhrazh-prepodavateley-v-rossiyskih-vuzah-starye-problemy-i-novye-tendentsii> (date of access: 26.03.2023) DOI: 0.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133.

7. Effective contract as a means of monitoring the professional achievements of scientific and pedagogical workers / V.G. Minchenko [et al.] // Standards and monitoring in education. 2022. 10 (2): P. 3–8.

8. An effective contract as an innovative competition for evaluating the results of a teacher’s professional activity in a higher school / T. Poddubnaya [et al.] // Laplace em Revista. 2021. 7 (3D): 324–335.

9. Carlier G., Gaumont D. Fixed-wages, wage differentials and worker heterogeneities // Australian Economic Papers. 2008. 47 (4): 320–333.

10. Waldman M. Up-or-Out Contracts: A Signaling Perspective // Journal of Labor Economics. 1990. 8 (2): 230–250.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interests

Информация об авторах

Виталий Геннадьевич Свечкарёв, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физического воспитания

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация

e-mail.: vital89286686941@mail.ru

тел. +7(961)8278341

Мурат Магомедович Эбзеев, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры спортивных дисциплин

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет» им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика

e-mail.: faizura66@mail.ru

тел. +7(928)3957770

Information about the authors

Vitaly G. Svechkarev, Dr. Sci. (Pedag.), Professor, Head of the Department of Physical Education

FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop Russian Federation

e-mail.: vital89286686941@mail.ru

tel.: +7(961)8278341

Murat M. Ebzeev, Dr. Sci. (Pedag.), Professor, Department of Sports Disciplines,

FSAEI HE “Karachay-Cherkess State University” named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, the Karachay-Cherkess Republic

e-mail.: faizura66@mail.ru

tel.: +7(928)3957770

Энвер Энгельсович Кочкаров, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой спортивных дисциплин

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет» им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика

e-mail.: kchgy@mail.ru

тел. +7(928)6563513

Enver E. Kochkarov, PhD (Pedag.), Associate professor, head of the department of sports disciplines

FSAEI HE "Karachay-Cherkess State University" named after U.D. Aliyev, Karachaevsk, the Karachay-Cherkess Republic

e-mail.: kchgy@mail.ru

tel.: +7(928)6563513

Поступила в редакцию 15.06.2023

Поступила после доработки 16.07.2023

Принята к публикации 17.07.2023

Received 15.06.2023

Revised 16.07.2023

Accepted 17.07.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-93-98>
УДК 378(470)

М.А. Тлевцежева

Система высшего образования в России: проблемы и перспективы

*ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*

Аннотация

Перестройка высшего образования должна рассматриваться как одна из неотложных, важнейших задач ускорения социально-экономического развития страны, современной кадровой политики. Университеты призваны оказывать долговременное, все возрастающее воздействие на ускоренное движение общества вперед, динамичное преобразование экономики, совершенствование общественных отношений, коренную перестройку всех сторон его жизни. Особая роль университетов заключена в развитии гуманизации общества, духовной культуры народа, для этого необходимо обеспечить переход к подготовке специалистов широкого профиля на основе сочетания фундаментальных, общенаучных, общепрофессиональных знаний и направлений практической подготовки, индивидуально дифференцируя содержание и сроки обучения специалистов с высшим образованием в зависимости от характера их будущей профессиональной деятельности, – проектной, технологической, технической, конструкторской, управленческой, исследовательской и другой возможной. Необходимо усилить междисциплинарные связи изучаемых дисциплин, адаптируя выпускника к потребностям рынка, переходя к подготовке специалистов со сроком обучения пять-шесть лет. Таких кардинальных изменений за столь короткий период ни одна отрасль экономики не претерпевала. В данной статье автор сделал попытку провести ретроспективный анализ системы высшего образования в Российской Федерации, выветив существующие проблемы и обозначив возможные перспективы развития.

Ключевые слова: университет, перестройка высшего образования, бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации, Болонская система

Для цитирования: Тлевцежева М.А. Система высшего образования в России: проблемы и перспективы // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 93–98. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-93-98>.

M.A. Tlevtsezheva**New trends in modern education***FSBEI HE «Maikop State Technological University»,
Maikop, the Russian Federation***Abstract**

The restructuring of higher education should be considered as one of the urgent, most important tasks of accelerating the social and economic development of the state and modern personnel policy. Universities are called upon to have a long-term, ever-increasing impact on the accelerated movement of society, dynamic transformation of the economy, improvement of social relations, and radical restructuring of all aspects of life. Universities have a special role in the development of the humanization of the society and the spiritual culture of the people; for this it is necessary to ensure a transition to the training of general specialists based on a combination of fundamental, general scientific, general professional knowledge and areas of practical training, individually differentiating the content and terms of training for specialists with higher education depending on the nature of their future professional activities – design, technological, technical, engineering, management, research and other possible ones. It is necessary to strengthen the interdisciplinary connections of the disciplines studied, adapting the graduate to the needs of the market, moving on to training specialists with a training period of five to six years. No other sector of the economy has undergone such dramatic changes in such a short period. In this article the author made an attempt to conduct a retrospective analysis of the higher education system in the Russian Federation, highlighting existing problems and outlining possible development prospects.

Keywords: university, restructuring of higher education, Bachelor's programme, specialist programme, Master's programme, training of highly qualified personnel, the Bologna system

For citation: Tlevtsezheva M.A. New trends in modern education // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 3. P. 93–98. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-93-98>.

Введение. Термины «бакалавриат», «специалитет» и «магистратура» сегодня являются достаточно привычными даже далеким от системы образования людям. В 2012 году Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» провозгласил, что в Российской Федерации устанавливаются следующие уровни профессионального образования:

- 1) среднее профессиональное образование;
- 2) высшее образование – бакалавриат;
- 3) высшее образование – специалитет, магистратура;
- 4) высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации [1]. В начале 2000-х вышеуказанные термины отно-

сились больше к словам – заимствованиям, хотя, как гласит Википедия, для нас слово «бакалавр» далеко не ново: в дореволюционной России применялась ученая степень бакалавр, но она имела другие значения по сравнению с современной степенью высшего образования. Академическая степень бакалавр в Российской империи была первой ученой степенью. Ученая степень бакалавр присваивалась в Московском университете в XVIII веке по аналогии с европейскими университетами вне уставных законоположений. Звание бакалавра философии Московского университета впервые в 1764 году было дано младшему преподавателю университетской гимназии Ивану Федоровичу Яковлеву. В 1779 году была открыта Учи-

тельская семинария для подготовки учителей университетской гимназии. Семинария содержалась на средства благотворителей. Переходившим на ее содержание студентам университета присваивалось звание бакалавров [2,6]. В ходе реформ начала XIX века этот опыт был упразднен.

Если мы снова обратимся к Википедии, то увидим, что в современный период бакалавр трактуется, как первая, начальная академическая степень или квалификация, присуждаемая лицам, освоившим соответствующие образовательные программы высшего образования, завершённое высшее образование первого уровня в странах, которые участвуют в Болонском процессе»[2]. Уже к завершению 2012 года заимствованные термины перешли в категорию заимствованных уровней профессионального образования, хотя как в начале 2000-х, так и в современный период понятие «высшее образование первого уровня» далеко не всем было понятно и очень долго новые уровни образования не воспринимались ни только абитуриентами и их родителями, но и работодателями. Можно ли считать бакалавриат полноценным высшим образованием? Легитимно ли выпускника бакалавриата ставить на ту же должность, что и выпускника специалитета? Эти вопросы далеко не праздны и имеют под собой достаточные основания.

Основная часть. Объем знаний «высшего образования первого уровня» не является четко стандартизированным, федеральные государственные образовательные стандарты, определяя рамочные требования, прописывают к обязательному исполнению всего пять дисциплин. «Программа бакалавриата должна обеспечивать реализацию дисциплин (модулей) по философии, истории (истории России, всеобщей истории), иностранному языку, безопасности жизнедеятельности в рамках Блока 1 «Дисциплины (модули)», а так же должна обеспечивать реализацию дисциплин (модулей) по физической куль-

туре и спорту» [3,5], оставшийся набор дисциплин (модулей) организация определяет самостоятельно. Что это значит? Только пять дисциплин во всей образовательной программе являются обязательными и одинаковыми, все остальные дисциплины учебного плана будут варьироваться в каждом вузе индивидуально. Переход системы образования к двухступенчатой подготовке специалистов происходил в авральном порядке, не проводился даже поверхностный анализ необходимости перевода тех или иных групп специальностей на бакалавриат, достаточно часто в специалитетовском учебном плане просто убирались дисциплины специализации, в надежде, что в магистратуре студент эти знания получит. Не во всех вузах в этот период были открыты магистерские программы, которые в свою очередь выполняли требования ФГОС только в части структуры образовательной программы, содержательная часть формировалась участниками образовательных отношений. В результате магистерская программа была очень мало связана с предыдущей ступенью, недоученный специалист «получал» знания совершенно другого назначения.

Переход на двухступенчатую систему образования – бакалавриат и магистратуру – это только часть реформ. Болонские соглашения подразумевали унификацию системы оценивания, создания единого механизма признания дипломов. Фактически все это делалось для того, чтобы образовательные программы в университетах становились более мобильными, хотя в России из-за «вольности» образовательных стандартов мобильность была относительной [4].

Далеко в прошлом остались времена, когда примерные учебные планы вузовских специальностей разрабатывались УМО (учебно-методическими объединениями), а вузам оставалось только включить в эти проекты дисциплины регионального компонента. В те времена и

студентам перейти из вуза в вуз не составляло большого труда – достаточно было сдать несколько дисциплин разницы в учебных планах.

Теперь все по-иному, каждый вуз разрабатывает учебный план самостоятельно. Поэтому иногда, сравнивая учебные планы двух вузов, сложно предположить, что они относятся к одной и той же специальности. Формирование учебного плана стало внутривузовским искусством, и только человек несведущий искренне считает, что строчки и столбцы с дисциплинами, кредитами и часами заполняются исключительно в интересах студентов и их работодателей.

На самом деле у этого процесса очень много стейкхолдеров. Во-первых, разумеется, требования ФГОС. К ним добавляются требования вузовского менеджмента, отвечающего за организацию учебного процесса в части оптимизации объема учебной работы, загрузки аудиторного фонда.

Если вуз перешел на систему «2+2», то в учебном плане направления нужно учесть, что первая «двойка» будет реализовываться в составе укрупненной группы.

Далее вступают в игру внутривузовские коллективные и индивидуальные интересы. Учебный план обычно учитывает интересы ведущих профессоров и доцентов выпускающей кафедры, которая чаще всего этот план и разрабатывает. Кроме того, зачастую существуют межкафедральные и межкафедральные соглашения по паритетному обмену учебной нагрузкой.

В результате получаем учебный план, по которому студентам предстоит учиться. И еще хорошо, если этот документ, учитывающий различные, часто противоречивые друг другу интересы многих заинтересованных сторон, делали люди квалифицированные, что бывает далеко не всегда.

В унисон нашему исследованию, в мае нынешнего года министр науки и об-

разования Российской Федерации Валерий Фальков назвал Болонскую систему «прожитым этапом» и заявил, что Россия отказывается от нее и будет развивать собственную – «уникальную» модель высшего образования. Какая она будет? На этот вопрос дали ответ на заседании общественно-профессионального сообщества 120 вузов, входящих в консорциум «Недра» в Санкт-Петербургском горном университете. Были определены некоторые принципиальные позиции, призывающие избегать ситуационного подхода в формировании концепции и стратегического видения коренного улучшения подготовки кадров, при этом был сделан акцент на том, что сама методология проектно-инженерного мышления предполагает наличие творческого, организационного и эмоционально-психологического начала, требует не только освоения технических знаний, но и понимания закономерностей общественного развития[5].

Предложенная стратегия вплотную касается перестройки только высшего инженерного образования и рассматривается, как пилотный проект нескольких федеральных вузов. Основными моментами данной новации являются:

- переход к подготовке специалистов с высшим образованием (пять-шесть лет) с защитой дипломного проекта и присвоение квалификации «Инженер». По желанию, в конце четвертого года обучения (на основе общеобразовательных и общетехнических дисциплин), после защиты квалификационной работы может присваиваться международная квалификация «Бакалавр»;

- фундаментальная подготовка студентов по направлению «магистратура» предусматривает преподавание специальных дисциплин на уровне высших достижений современной науки. «Магистратура» должна оставаться по всем направлениям как специальное научно-образовательное направление с двухлетним обучением с защитой научной выпускной работы – магистерской диссертации и должна

быть рассчитана не более чем на десять процентов обучающихся, как направление, позволяющее принимать иностранных граждан стран, имеющих многоуровневую систему подготовки, с получением квалификации «Магистр».

Уровень подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре кардинальных изменений не претерпел. Главной задачей образовательного процесса является овладение научной и педагогической компетенций на уровне, позволяющем защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук до окончания аспирантуры.

И еще один пункт, на который следует обратить внимание, – положение о том, что молодой специалист после трех лет работы должен проходить специальную аттестацию, по результатам которой ему будет присваиваться квалификация «про-

фессиональный инженер» и выдаваться квалификационный сертификат. По существу, данная процедура не нова, она аналогична независимой оценке медицинских кадров – первичной аккредитации выпускников медицинских вузов.

Все остальные реформистские предложения, закрепленные в Стратегии развития, касались совершенствования самого образовательного процесса.

Заключение. В завершении можно сделать следующий вывод, что очень важно взвешенно подходить к изменениям, которые происходят, сохраняя все то лучшее, что накоплено отечественной системой образования за предыдущие периоды. Пилотные проекты позволяют как раз выявить и апробировать лучшие практики, которые потом будут распространяться в целом на систему высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023)
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бакалавр#>
3. <https://fgosvo.ru/uploadfiles/FG>
4. Абесалашвили М.З., Эртель А.Г., Овсянникова Т.А. Роль интеллектуальных услуг в современном инновационном процессе // Уральский научный вестник. 2018. Т. 3, № 1. – С. 011–014.
5. Овсянникова Т.А., Болокова М.А. Современная массовая культура и общество: особенности взаимодействия // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2018. № 5. – С. 134–137.
6. Цыганков Д.А. Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. – М.: РОССПЭН, 2010. – 46 с.

REFERENCES:

1. On the education in the Russian Federation: the Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012 (as amended on December 29, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2023)
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Bachelor#>
3. <https://fgosvo.ru/uploadfiles/FG>
4. Abesalashvili M.Z., Ertel A.G., Ovsyannikova T.A. The role of intellectual services in the modern innovation process // Ural Scientific Bulletin. 2018. 3 (1): 011–014.
5. Ovsyannikova T.A., Bolokova M.A. Modern mass culture and society: features of interaction // Economic and humanitarian studies of regions. 2018. (5): 134–137.
6. Tsygankov D.A. Imperial Moscow University: 1755–1917: encyclopedic dictionary. M.: ROSSPEN, 2010. 46 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Марият Аслановна Тлевцежева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация

e-mail: tlevcezheva57@mail.ru

тел.: +7(8772)571239

Поступила в редакцию 14.06.2023

Поступила после доработки 26.07.2023

Принята к публикации 27.07.2023

Received 14.06.2023

Revised 26.07.2023

Accepted 27.07.2023

Information about the author

Mariyat A. Tlevtsezheva, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages,

FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop Russian Federation

e-mail: tlevcezheva57@mail.ru

tel.: +7(8772)571239

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-99-107>
УДК 37.01:355.58

Р.М. Чумичева¹, И.Э. Куликовская¹, Т.Н. Поддубная^{2*}

Культура безопасности жизнедеятельности как педагогическая проблема

¹ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^{2*}ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма», г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация

Общеизвестно, что безопасность является необходимым условием перспективного развития человечества, социума, страны и цивилизации в целом, обеспечивая их стабильность и успешность. В настоящее время Российской Федерацией уделяется пристальное внимание вопросам воспитания у подрастающего поколения культуры безопасности жизнедеятельности, что поддерживается государственными инициативами, т.к. обеспечение безопасности граждан страны выступает в числе приоритетных компонентов высокого уровня жизни. Именно культура безопасности жизнедеятельности определяется как компонент общей культуры личности и главный целевой ориентир деятельности образовательных организаций. В связи с этим *проблема исследования* заключается в обосновании культуры безопасности жизнедеятельности как педагогической категории. *Цель статьи*: обосновать содержание понятия «культура безопасности жизнедеятельности» как предмета педагогического дискурса и базового целевого ориентира государственной образовательной политики. *Методологическая база исследования* представлена применением методов анализа, теоретического обобщения, описания.

Результаты исследования: проанализированы различные подходы к содержанию понятия «культура безопасности жизнедеятельности» как педагогической категории; выявлены структурные компоненты культуры безопасности; обоснованы целевые ориентиры воспитания культуры безопасности жизнедеятельности в образовательных учреждениях.

Ключевые выводы: вопросы воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у обучающихся рассматриваются в двух контекстах: как необходимое условие деятельности педагогов по формированию опыта безопасного поведения обучающихся и как создание педагогических условий безопасной образовательной среды всеми участниками образовательной деятельности; целевыми ориентирами воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у обучающихся выступает интегрированная совокупность следующих составляющих: психологической, политической, экономической, экологической и информационной безопасности личности.

Ключевые слова: безопасность, культура безопасности общества, культура безопасности жизнедеятельности, обучающиеся, образовательное учреждение, воспитание культуры безопасности жизнедеятельности, воспитания подрастающего поколения

Для цитирования: Чумичева Р.М., Куликовская И.Э., Поддубная Т.Н. Культура безопасности жизнедеятельности как педагогическая проблема // Вестник Майкоп-

ского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. С. 99-107.
<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-99-107>.

R.M Chumicheva¹, I.E. Kulikovskaya¹,
T.N. Poddubnaya^{2*}

Life safety culture as a pedagogical problem

¹South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^{2*}Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar,
the Russian Federation

Abstract

It is well known that security is a necessary condition for the long-term development of humanity, society, the state and civilization as a whole, ensuring their stability and success. Currently, the Russian Federation pays close attention to the issues of educating the younger generation about a culture of life safety, which is supported by government initiatives, because ensuring the safety of the state citizens is among the priority components of a high standard of living. It is the culture of life safety that is defined as a component of the general culture of an individual and the main target for the activities of educational organizations. In this regard, the problem of the research is to substantiate the culture of life safety as a pedagogical category. The purpose of the research is to substantiate the content of the concept of “life safety culture” as a subject of pedagogical discourse and the basic target of the state educational policy. The methodological basis of the research is represented by the use of methods of analysis, theoretical generalization, and description.

The results of the research are as follows: various approaches to the content of the concept of “life safety culture” as a pedagogical category have been analyzed; the structural components of safety culture have been identified; the target guidelines for instilling a life safety culture in educational institutions have been substantiated.

Key conclusions: the issues of developing a culture of life safety among students have been considered in two contexts, as a necessary condition for the activities of teachers in developing the experience of safe behavior of students and as the creation of pedagogical conditions for a safe educational environment by all participants in educational activities. The target guidelines for instilling a culture of life safety among students are an integrated set of the following components: psychological, political, economic, environmental and information security of an individual.

Keywords: safety, culture of social safety, culture of life safety, students, educational institution, education of a culture of life safety, education of the younger generation

For citation: Chumicheva R.M, Kulikovskaya I.E., Poddubnaya T.N. Life safety culture as a pedagogical problem // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No. 3. – P. 99–107. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-99-107>.

Введение. Значимость проблемы безопасности жизнедеятельности человека в настоящее время очень высока, это обусловлено объективными факторами окружающей среды и необходимостью совмещения интересов человеческой жизни и техногенной сферы его существования.

Следовательно, соблюдение требований безопасности будет выступать залогом нормального функционирования личности в повседневной жизни. Особый статус по вопросам безопасности принадлежит образовательным организациям. В них особое внимание уделяется обеспечению

безопасности обучающихся, что закреплено Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с посл. изм. и доп.). Согласно закону, образовательные организации должны «создавать безопасные условия обучения, в том числе при проведении практической подготовки обучающихся, а также безопасные условия воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся» [1]. Этим же нормативным документом установлено требование к педагогическим работникам, согласно которому их деятельность должна быть направлена наряду с формированием у обучающихся гражданской позиции и на формирование способности к жизни в современных условиях, а также формирование культуры безопасного образа жизни [1]. Все это актуализирует изучение научной проблемы, посвященной воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности в образовательном учреждении. Следовательно, воспитание культуры безопасности должно стать приоритетным направлением образовательной деятельности и основополагающей целевой доминантой процесса воспитания подрастающего поколения.

Основная часть. Анализ научной литературы позволил выявить, что дефиниция «культура безопасности жизнедеятельности» вошла в научный тезаурус сравнительно недавно (в начале 21 века) и имеет три аспекта ее интерпретации: философский, социальный и педагогический.

Философский аспект имеет место в работах Л.Н. Гориной, Э.Н. Аюбова, О.Н. Новикова, А.В. Лукьянович, А.А. Пашкова. В 2001 году вышла монография Л.Н. Гориной «Культура безопасности жизнедеятельности: (методологические и технологические аспекты)», в которой ученый под культурой безопасности жизнедеятель-

ности понимает деятельность, в основе которой лежит система социальных нормативов, ценностных ориентаций, убеждений, обеспечивающих сохранение целостности, здоровья, жизни, как в настоящем, так и в будущем времени [2]. В исследовании Н.Л. Головина культура безопасности является составной частью духовно-нравственного воспитания и подготовки населения в области гражданской обороны [3, С. 34]. Э.Н. Аюбовым, О.Н. Новиковым, А.В. Лукьянович и А.А. Пашковым культура безопасности жизнедеятельности определена сквозь призму определенного уровня развития человека и общества, необходимого для обеспечения безопасности жизнедеятельности в контексте личных и социальных норм [4]. Как считают ученые, личность выступает в роли носителя культуры безопасности, которая имплицитно проявляется во всех аспектах ее деятельности (ценностные ориентации, нравственные императивы, знания, поступки, отношение к окружающим и среде).

В рамках социологического аспекта понимание культуры безопасности связано с рядом правил поведения, которые несут ту или иную смысловую нагрузку и функциональную роль в социуме, что проявляется в регламентирующих действиях, которые и определяют степень притязаний личности в контексте обеспечения безопасности жизнедеятельности. Все это тесно связано с потенциальными рисками, выбором определенных ресурсов и возможных сценариев деятельности (Руденко В.А., Василенко Н.П.) [5]. Сторонником социологического подхода В.Н. Мошкиным предложено определение «культура безопасности общества», которое ученый интерпретирует как общественный феномен, включающий элементы культуры, направленные на содействие совершенствования, а также реализацию потенциальных возможностей социума в защите [6]. Аналогичное понимание культуры безопасности содержится в

работе В.Н. Кузнецова «Культура безопасности: Социологическое исследование» (2001), где ученый указывает на главную функцию культуры безопасности – обеспечение устойчивой и конструктивной защищенности людей от неприемлемых рисков, угроз и опасностей [7]. Сторонни-

ками социологического подхода выделены ведущие компоненты культуры безопасности (рис. 1).

Педагогический аспект интерпретации категории «культура безопасности жизнедеятельности» основывается на ее понимании как сложного интегрального

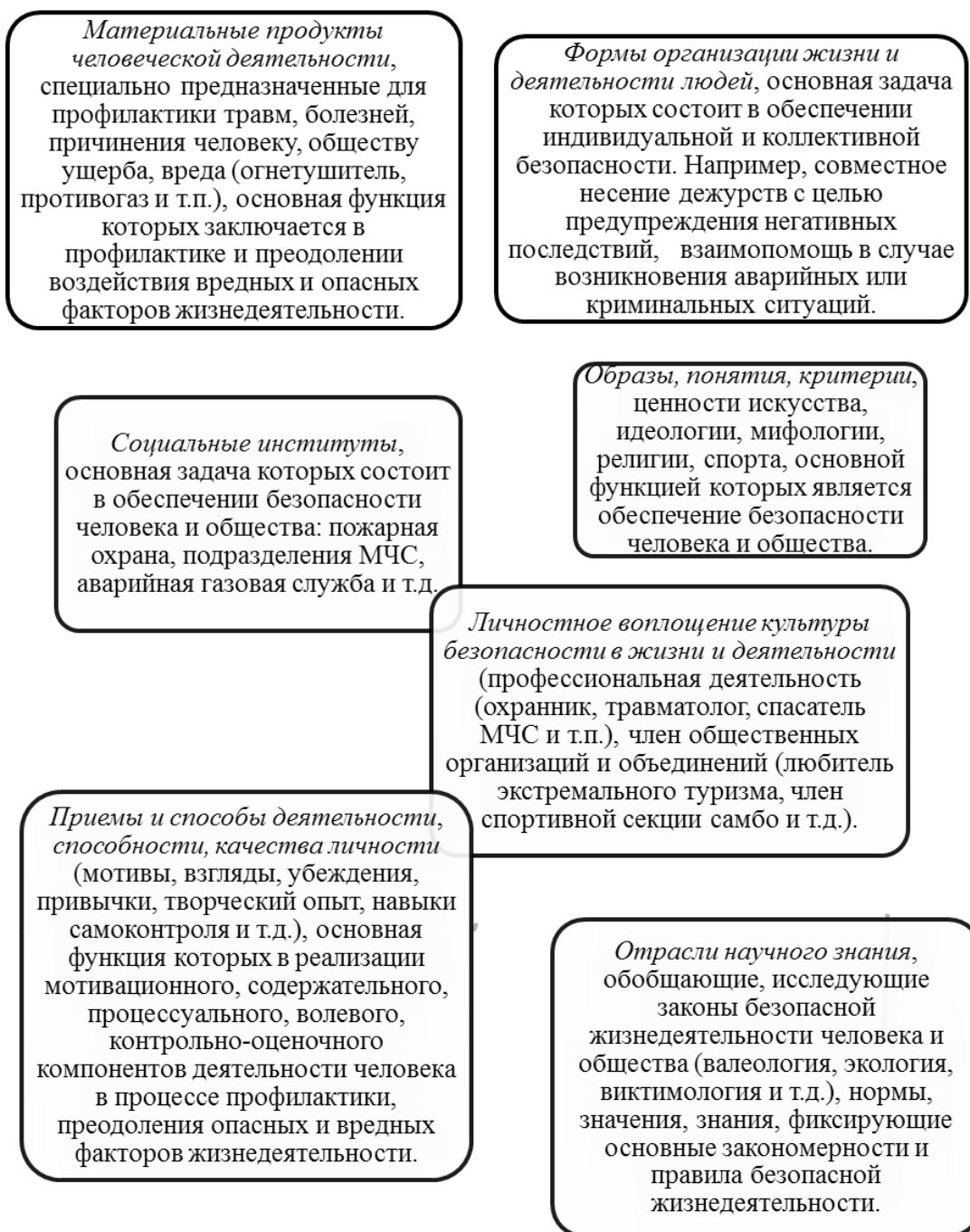

Рис. 1. Компонентная структура культуры безопасности по В.Н. Мошкину [8]

свойства личности, составными элементами которого выступает взаимосвязанная совокупность знаний, умений, навыков по вопросам правил безопасного поведения в окружающей среде, позволяющих распознать, а также предвидеть опасные ситуации, выработать возможные пути их ликвидации, нести ответственность за собственную жизнь и жизнь окружающих [8, С.63]. Компонентами образовательной среды воспитания культуры безопасности жизнедеятельности, по мнению ученого, выступают педагогические условия, направленные на прямое и опосредованное формирование культуры безопасности жизнедеятельности ребенка, его физическое и психическое здоровье, деятельность субъектов образования [8, С.65]. В.В. Бахтина предлагает понятие «мировоззренческая безопасность», обосновывая свою точку зрения аргументом, согласно которому воспитание культуры безопасности жизнедеятельности в современном образовательном учреждении должно базироваться на мировоззренческом подходе. Именно такая безопасность позволяет человеку дифференцировать истинные и ложные ценности, определять личную стратегию жизненных ориентиров на основе имеющихся установок и убеждений, выстраивать безопасную среду жизнедеятельности, противодействовать негативно-му влиянию социума, осуществлять созидательную деятельность в контексте собственного и общественного благополучия [9, С. 126].

В целом, в современной практике образовательных учреждений можно обозначить два пути воспитания культуры безопасности детей.

Первый путь связан с прямым обучением навыкам безопасного поведения в рамках учебного предмета «Основы безопасности жизнедеятельности». Второй путь связан с интегративным обучением основам безопасности в контексте изучения ряда школьных предметов, например, химии, физики, физической культу-

ры, географии и др. [9]. Вполне очевидно, что для безопасной жизнедеятельности в социуме необходимо с детства целенаправленно воспитывать у каждого человека культуру безопасности. Данный процесс должен быть непрерывным на всех уровнях образования. В целом, изучение научных исследований по рассматриваемой проблеме [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16–18] позволило выделить пять видов безопасности жизнедеятельности личности в современном социуме, формирование которых является актуальными целевыми ориентирами воспитания культуры безопасности жизнедеятельности в образовательных учреждениях (рис. 2).

Следовательно, педагогический подход базируется на постулате, согласно которому культура безопасности жизнедеятельности выступает как общественное явление и педагогический феномен, степень сформированности которого напрямую зависит от уровня воспитания человека на основе морально-нравственных ценностей всего человечества. С другой стороны, культура безопасности жизнедеятельности рассматривается как необходимое условие деятельности педагогов по формированию опыта безопасного поведения обучающихся и как создание педагогических условий безопасной образовательной среды всеми участниками образовательной деятельности.

Таким образом, культура безопасности жизнедеятельности рассматривается в трех аспектах – философском, социологическом и педагогическом. Несмотря на разные подходы, в основе понимания феномена «культура безопасности жизнедеятельности» лежит качественный механизм сознания, базирующийся на нормах, ценностях, принципах, убеждениях, позволяющим человеку демонстрировать свое поведение и поступки определенным образом в направлении снижения вероятности возникновения всевозможных угроз и рисков.

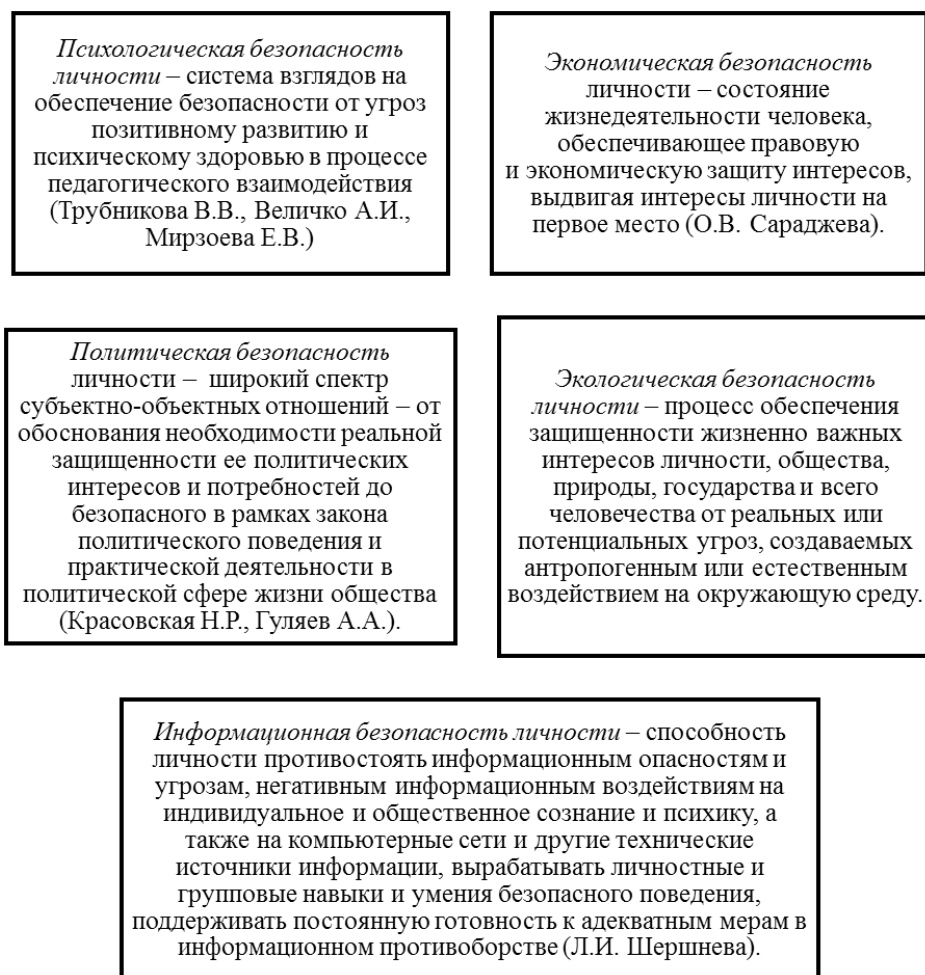

Рис. 2. Целевые ориентиры воспитания культуры безопасности жизнедеятельности в образовательных учреждениях

Заключение. Выявленные сведения демонстрируют важность и востребованность научных поисков в направлении воспитания у обучающихся культуры безопасности жизнедеятельности в современной среде. В ходе исследования выявлено, что ядром культуры безопасности как компонента общей культуры человека являются общечеловеческие ценности (жизнь, здоровье, независимость, свобода, справедливость и др.), которые транслируются в обобщенном виде в безопасной жизнедеятельности личности. Такая ценностная ориентация позволяет человеку занять определенную позицию, регулировать поведение, а также заложить основы будущей профессиональной деятельности.

Целевыми ориентирами воспитания культуры безопасности жизнедеятельности в образовательных учреждениях выступают совокупность следующих компонентов и их показателей:

- психологической безопасности личности (показатели: совокупность педагогических воздействий на основе существующей системы взглядов по обеспечению безопасности, содействующих позитивному развитию психического здоровья; психологическая защищенность; сотрудничество; отсутствие тревожности и негативных психических состояний; отказ от психологического насилия; стабильность позитивных личностных проявлений; референтная значимость каждой личности и др.);

- политической безопасности (показатели: стабильность и эффективность функционирования институтов власти; взаимодействие власти с институтами гражданского общества; отсутствие экстремистских организаций, дестабилизирующих факторов социального развития; безопасность политических убеждений и др.);

- экономической безопасности (показатели: прирост численности населения; уровень заработной платы и доходов населения и их стабильность; ВВП; обеспеченность продовольствием; уровень безработицы; объем выделяемых средств на здравоохранение, образование, социальную политику и др.);

- экологической безопасности (показатели: наличие системы мониторинга окружающей среды и здоровья населения; уровень развития экологического и санитарно-гигиенического образования, воспитания и просвещения населения; профилактика экологически обусловленных

заболеваний; наличие системы гигиенической диагностики, реабилитации здоровья населения с экологически обусловленными заболеваниями и др.);

- информационной безопасности (показатели: обеспечение права граждан на защиту своего здоровья от «вредной» и опасной информации; применение информации в интересах не запрещенной законом деятельности; реализация права каждого гражданина на неприкосновенность частной жизни и защиту информации, обеспечивающей личную безопасность и др.).

Полученные результаты позволили выявить сущность дефиниции «культура безопасности жизнедеятельности», особенности научных подходов к данному феномену в рамках различных областей знания, подтвердить целесообразность организации педагогических воздействий, направленных на воспитание культуры безопасности жизнедеятельности обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 01.07.2023).
2. Горина Л.Н. Культура безопасности жизнедеятельности: (методологические и технологические аспекты): монография. – Тольятти: Тольят. гос. ун-т, 2001. – 223 с.
3. Головин Н.Л. Понятие «культура безопасности» // Педагогический журнал. 2021. Т. 11, № 4А. – С. 32–47.
4. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности населения: основные аспекты и перспективы / Аюбов Э.Н. [и др.] // Технологии гражданской безопасности. 2016. № 4. – С. 26–31.
5. Руденко В.А., Василенко Н.П. Ценностная составляющая культуры безопасности // Глобальная ядерная безопасность. 2013. № 4 (9). – С. 82–86.
6. Мошкин В.Н. Культура безопасности в содержании школьного образования // Ползуновский вестник. 2023. № 3/4. – С. 62–71.
7. Кузнецов В.Н. Культура безопасности: социологическое исследование. – М.: Наука, 2001. – 316 с.
8. Тыхеева А.В. Педагогические условия формирования культуры безопасности жизнедеятельности у старших школьников // Вестник науки. 2019. Т. 3, № 11 (20). – С. 62–67.
9. Бахтина В.В. Сущность воспитания культуры безопасности жизнедеятельности в образовательном учреждении // Физическая культура, спорт и здоровье. 2018. № 32-2. – С. 122–126.
10. Козыренко Ю.С. Формирование культуры безопасности: теоретические и методологические аспекты // Молодой ученый. 2022. № 25 (420). – С. 40–42.

11. Лагаева А.О., Ковриков Г.В. Оценка эффективности концепции обеспечения безопасности образовательного учреждения: состояния, проблемы и перспективы // Наука через призму времени. 2019. № 1 (22). – С. 132–134.
12. Неверов А.П. Создание единой системы обеспечения комплексной безопасности образовательных учреждений // Вестник научных конференций. 2017. № 2–2 (18). – С. 71–72.
13. Новикова Е.В., Никитин В.С., Баранов М.В. Безопасность образовательных учреждений от террористических актов // Актуальные исследования. 2022. № 5 (84). – С. 35–38.
14. Павлов В.Н., Какадий И.И. Угрозы безопасности образовательного учреждения // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6, № 6. – С. 305–311.
15. Трубникова В.В., Величко А.И., Мирзоева Е.В. Особенности психологической безопасности образовательной среды в структуре образовательного учреждения // Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы: сборник статей II Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 27 нояб. 2019 г.). – Петрозаводск: Новая, 2019. – С. 84–87.
16. Changing safety culture / D. Ravi [et al.] // Journal of Perinatology. 2021. Vol. 41, No. 10. P. 2552–2560.
17. Kuzmin A., Rodionova E. Safety Culture: a New Integrated Look at the Traditional Concept // Annual GSOM emerging markets conference 2020: Conference book, St. Petersburg, 11–18 ноября 2020 г. SPb.: SPbU, 2020. P. 118–123.
18. Smirnov V.K., Bulei N.V. Formation and popularization of a healthy lifestyle and safety culture in educational organizations among young people // Новое поколение. 2018. No. 16. P. 101–105.

REFERENCES:

1. On the education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 01.07.2023).
2. Gorina L.N. Life safety culture: (methodological and technological aspects): a monograph. Togliatti: Togliatti state university, 2001. 223 p.
3. Golovin N.L. The concept of “safety culture” // Pedagogical Journal. 2021. 11 (4A): 32–47.
4. Formation of a culture of life safety of the population: main aspects and prospects / Ayubov E.N. [et al.] // Civil security technologies. 2016. (4): 26–31.
5. Rudenko V.A., Vasilenko N.P. The value component of safety culture // Global Nuclear Safety. 2013. 4 (9): 82–86.
6. Moshkin V.N. Safety culture in the content of school education // Polzunovsky Bulletin. 2023. (3/4): 62–71.
7. Kuznetsov V.N. Safety culture: a sociological study. M.: Nauka, 2001. 316 p.
8. Tykheeva A.V. Pedagogical conditions for the formation of a culture of life safety among senior schoolchildren // Bulletin of Science. 2019. 3 (11 (20): 62–67.
9. Bakhtina V.V. The essence of raising a culture of life safety in an educational institution // Physical culture, sport and health. 2018. (32-2): 122–126.
10. Kozyrenko Yu.S. Formation of a safety culture: theoretical and methodological aspects // A Young scientist. 2022. 25 (420): 40–42.
11. Лагаева А.О., Ковриков Г.В. Assessing the effectiveness of the concept of ensuring the safety of an educational institution: conditions, problems and prospects // Science through the prism of time. 2019. No. 1 (22): 132–134.
12. Neverov A.P. Creation of a unified system for ensuring comprehensive safety of educational institutions // Bulletin of scientific conferences. 2017. 2-2 (18): 71–72.
13. Novikova E.V., Nikitin V.S., Baranov M.V. Security of educational institutions from terrorist attacks // Current research. 2022. 5 (84): 35–38.

14. Pavlov V.N., Kakadiy I.I. Threats to the safety of an educational institution // Bulletin of Science and Practice. 2020. 6 (6): 305–311.

15. Trubnikova V.V., Velichko A.I., Mirzoeva E.V. Features of the psychological safety of the educational environment in the structure of an educational institution // Modern socio-economic processes: problems, patterns, prospects: collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference (Petrozavodsk, November 27, 2019). Petrozavodsk: Novaya, 2019. P. 84–87.

16. Changing safety culture / D. Ravi [et al.] // Journal of Perinatology. 2021. 41 (10): 2552–2560.

17. Kuzmin A., Rodionova E. Safety Culture: a New Integrated Look at the Traditional Concept // Annual GSOM emerging markets conference 2020: Conference book, St. Petersburg, November 11-18, 2020. SPb.: SPbU, 2020. P. 118–123.

18. Smirnov V.K., Bulei N.V. Formation and popularization of a healthy lifestyle and safety culture in educational organizations among young people // New generation. 2018. (16):101–105.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interests

Информация об авторах

Раиса Михайловна Чумичева, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного образования

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: rmchumicheva@sfedu.ru

тел.: +7(928)2293017

Ирина Эдуардовна Куликовская, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного образования, заведующий кафедрой дошкольного образования

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: iekulikovskaya@sfedu.ru

тел.: +7(903)4301024

Татьяна Николаевна Поддубная, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар, Российская Федерация

e-mail: tpodd@mail.ru

тел.: +7(928)4684358

Information about the authors

Raisa M. Chumicheva, Dr. Sci. (Pedag.), Professor, South Federal University, Rostov-on-Don, the Russian Federation

e-mail: rmchumicheva@sfedu.ru

tel.: +7(928)2293017

Irina E. Kulikovskaya, Dr. Sci. (Pedag.), Professor, Head of the Department of Pre-school Education, South Federal University, Rostov-on-Don, the Russian Federation

e-mail: iekulikovskaya@sfedu.ru

tel.: +7(903)4301024

Tatyana N. Poddubnaya, Dr. Sci. (Pedag.), Professor, Department of Social and Cultural Service and Tourism, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, the Russian Federation

e-mail: tpodd@mail.ru

tel.: +7 89284684358

Поступила в редакцию 05.08.2023

Поступила после доработки 01.09.2023

Принята к публикации 01.09.2023

Received 05.08.2023

Revised 01.09.2023

Accepted 01.09.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-108-114>
УДК [378.6:61]:51

А.В. Шатравкина^{1*}, Г.И. Анохина¹

Исследование мотивации к изучению математических дисциплин у студентов медицинских направлений подготовки

^{1*}*НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Математические дисциплины в учебных планах образовательных программ медицинских направлений подготовки в настоящее время представлены небольшим объемом часов аудиторной работы. Большинство студентов не уделяют должного внимания изучению данных дисциплин, поскольку не имеют достаточной мотивации для этого. Необходимо тщательное изучение мотивационных установок студентов-медиков в отношении математических дисциплин с целью дальнейшего совершенствования процесса их преподавания.

Проблема исследования: определение ресурсов мотивации студентов медицинских направлений подготовки к изучению математических дисциплин.

Цель исследования: выявить мотивы, побуждающие будущих медиков ответственно изучать содержание математических дисциплин.

Методы исследования: метод анкетирования, метод анализа продуктов деятельности, метод обобщения и систематизации полученных данных.

Результаты исследования: выделены мотивы, побуждающие студентов математических направлений подготовки изучать математические дисциплины; выявлена взаимосвязь мотивационных установок и личных интересов студентов; определены причины, влияющие на формирование мотивации к изучению математических дисциплин у будущих медиков; названы принципы организации математической подготовки студентов медиков в контексте мотивационной составляющей учебного процесса в вузе.

Ключевые выводы: качество успеваемости по математическим дисциплинам у студентов медицинских направлений подготовки зависит от характера их мотивационных установок по отношению к данному виду дисциплин; усиление практико-ориентированной составляющей при отборе учебного материала положительно влияет на динамику мотивации будущих медиков к изучению математических дисциплин.

Ключевые слова: математическая подготовка, высшее медицинское образование, подготовка медицинских кадров, математические дисциплины, мотивация, изучение математических дисциплин, практико-ориентированная математическая подготовка, принципы математической подготовки, компетентностный профиль будущего медика

Для цитирования: Шатравкина А.В., Анохина Г.И. Исследование мотивации к изучению математических дисциплин у студентов медицинских направлений подготовки // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. – С. 108–114. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-108-114>.

A.V. Shatravkina^{1*}, G.I. Anokhina¹**Research of medical students' motivation for studying mathematical disciplines**

^{1*}NSEPI HE «Moscow financial-industrial university «Synergy»,
Moscow, the Russian Federation

Abstract

Mathematical disciplines within the educational programs of medical training are currently represented by a small number of auditory working hours. Most students do not focus on studying these disciplines, because they lack motivation. It is significant to examine motivational attitudes of medical students in relation to mathematical disciplines carefully in order to improve the teaching process.

The problem of the research is to define resources of medical students' motivation while studying mathematical disciplines.

The research objectives are to reveal the incentives encouraging future doctors to study mathematical disciplines thoroughly.

The research methods used are the method of survey, the method of analyzing products of activity, the method of generalization and systematization of the data obtained.

The research results are the following: the incentives motivating medical students to study mathematical disciplines have been highlighted, the interconnection between motivational attitudes and students' personal interests have been identified; the reasons influencing future doctors' motivation to study mathematical disciplines have been defined; the principles of organizing mathematical training for medical students in the context of the motivational component of the university educational process have been named.

Key findings are: the quality of medical students' performance depends on the nature of their motivational attitudes towards the type of the discipline given; enhancing practice-oriented component while selecting educational material has a positive impact on the dynamics of future physicians' motivation to study mathematical disciplines.

Keywords: mathematical training, higher medical education, healthcare specialists training, mathematical disciplines, studying mathematical disciplines, motivation, practice-oriented mathematical training, principles of mathematical training, future doctor competence profile

For citation: Shatravkina A.V., Anokhina G.I. Research of medical students' motivation for studying mathematical disciplines // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 3. P. 108–114. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-108-114>.

Введение. В последние несколько лет в системе подготовки медицинских кадров в России произошел ряд изменений как концептуального, так и организационного характера. Наблюдается сочетание двух систем профессиональной подготовки: классического для российской практики медицинского образования специалитета и двухуровневой системы, включающей бакалавриат и магистратуру. Обновление

федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, в том числе и для медицинских направлений подготовки, актуализировало корректировку содержания учебных планов и оптимизацию количества часов по ряду академических дисциплин. Математические дисциплины, находящиеся в базовой части учебных планов, представлены разными вариантами наименований, самыми

распространенными из которых являются «Математика» и «Физика, математика». Реже встречаются варианты сочетаний математики с информатикой и другими дисциплинами, которые можно отнести к смежным. Количество часов, отводимое на изучение математики в сочетании с другой предметной областью, составляет не более 3 зачетных единиц в учебных планах, при возможности отдельного изучения не более 2 зачетных единиц. При этом нельзя не отметить тот момент, что необходимость опоры на знания и умения, формируемые математическими дисциплинами, присутствует во многих курсах и модулях профессиональной направленности, изучаемых будущими медиками.

Так, по мнению Л.В. и К.Е. Янцер, в современном мире происходит «математизация» здравоохранения, что связано с необходимостью освоения новейших технологий, сложного оборудования, инновационных методов работы, проведением перспективных научных исследований, что, естественно, требует математической подготовки, качественной как в фундаментальном, так и в прикладном контекстах. Биологические, химические, физические процессы, протекающие в организме человека, рассматриваются современными медиками через призму математического моделирования, что позволяет делать более качественным медицинский прогноз и своевременно корректировать ход лечения [1, С. 353]. Обращаются к проблематике отношения к математическим знаниям у студентов, не изучающих математику в качестве профессиональной дисциплины, ряд зарубежных коллег (Л. Дж. Мейтис, Н.Дж. Насбаум, Хобрегейд Ю., Хобрегейд С. и др.) [2, 3, 4], которые отмечают необходимость особого организационного подхода к преподаванию математических дисциплин для студентов, получающих образование по специальностям, далеким от математики. Таким образом, объективно можно сделать вывод о том, что математика как предметная область сквозным

образом включается в содержание подготовки будущих специалистов системы здравоохранения.

Тем не менее, отношение большинства студентов медицинских направлений подготовки к изучению математических дисциплин нельзя назвать удовлетворительным, что обусловило необходимость более тщательного изучения особенностей мотивации будущих медиков в отношении получения знаний и умений, формируемых на занятиях математикой, с целью последующего совершенствования способов преподавания данного вида дисциплин.

Основная часть. Нами было проведено исследование мотивационных установок студентов медицинского факультета Московского финансово-промышленного университета «Синергия» в отношении изучения математических дисциплин. В исследовании приняли участие 187 студентов, обучающихся на разных курсах. В качестве инструментария была использована анкета из 10 вопросов закрытого типа, что позволило выявить текущее отношение к математическим дисциплинам, в том числе его мотивационную составляющую. Раскроем кратко полученные результаты, опираясь на содержание опросника.

Анализ блока общей информации о респондентах показал, что участие в нем приняли 112 девушек и 75 юношей в возрасте от 18 до 23 лет, обучающиеся на 1–5 курсах университета на договорной основе с полным возмещением затрат на обучение. Средний балл ЕГЭ по математике составил 54,7.

На вопрос «Нравится ли Вам математика как предметная область?» более половины студентов (61,5%) ответили «Скорее нет, чем да», 25,1% респондентов ответили, что математику терпеть не могут, 13,4% опрошенных заявили, что математика им скорее нравится, чем наоборот.

Студентам было предложено ответить на вопрос об успеваемости по математическим дисциплинам в период обучения в школе. Немногим более 12% опрошенных

студентов заявили об удовлетворительной успеваемости по математическим дисциплинам, остальные указали, что имели уровень успеваемости хороший и даже отличный. Таким образом, обобщая данные ответов на первые два вопроса анкеты, мы заметили, что условно положительное отношение к математике не связано с наличием высокого балла по итогам обучения в школе, что говорит о личном негативном опыте студентов в отношении изучения математики на предыдущем уровне образования.

Интересно также и то, что успеваемость студентов по математике в университете лишь частично коррелирует с успеваемостью по математическим дисциплинам в школе. Около половины тех, кто указал отличную успеваемость по математическим дисциплинам в школе, в университете показывают средние результаты на уровне хороших, а иногда и удовлетворительных оценок, что свидетельствует, с одной стороны, о недостаточно объективной оценке результатов обучающихся на предыдущем уровне образования, с другой, показывает объективное возрастание сложности учебного материала в университете.

Ответы на вопрос «Используете ли Вы математические знания и умения в процессе изучения профессиональных дисциплин?» распределились вполне ожидаемым образом. Студенты, обучающиеся на старших курсах и, соответственно, освоившие больший объем профессиональных дисциплин и модулей, отвечали, что используют математические знания и умения достаточно часто, в то время как большинство студентов младших курсов (в частности, подавляющее число первокурсников) отметили, что это им не нужно. Данные по следующему вопросу – «Понадобятся ли Вам математические знания и умения в дальнейшей профессиональной деятельности?» в целом коррелируют с ответами на представленный ранее. Студенты старших курсов выбирают в основном два ва-

рианта ответа: «Думаю, что понадобятся. В современном мире без математики никуда» и «Скорее да, чем нет. Ситуации бывают разные». Студенты 1 и 2 курсов настроены более категорично, сомневаясь, что в профессиональной деятельности могут возникнуть ситуации, при которых им понадобятся математические знания и умения, а часть респондентов вообще не видит смысла их использовать.

Мнения студентов относительно того, нужно ли преподавать математику в университете разделились, причем кардинальным образом. Ни один из респондентов не выбрал ответ нейтрального содержания, который звучал как «Не уверен(а)». Более 65% опрошенных считают, что тех знаний и умений по математическим дисциплинам, которые они получили в школе, им достаточно, 34,8% респондентов, наоборот полагают, что математику в университете преподавать необходимо, поскольку это нужно для расширения общего кругозора личности.

Довольно интересным, на наш взгляд, выглядит соотношение ответов на вопросы «Нравилась ли Вам математика в школе?» и «Если бы математика была дисциплиной по выбору, стали бы Вы ее изучать в университете?». Несмотря на то, что более чем у 40% студентов математика была одним из любимых предметов в школе, ряд из них затруднились ответить на вопрос о свободном выборе математики в университете. При этом те, кто ответили, что точно бы не выбрали математику в школе относились к данной предметной области также без особого учебного пиетета, изучая ее только для того, чтобы сдать единый государственный экзамен. Справедливости ради отметим, что часть из тех, у кого математика была любимым предметом, все же положительно высказались в отношении ее выбора, если бы он предлагался университетом в свободной форме.

Последние два вопроса предлагаемой студентам анкеты позволили сделать общий вывод о тех мотивах, которые побу-

ждает или же, напротив, нивелируют желание студентов изучать математику. Так, девятый вопрос «Считаете ли Вы справедливой потерю академической стипендии из-за несданного зачета по математике?» сопровождался тремя вариантами ответа, а именно: а) «Да, это справедливо. Стипендию нужно заработать, одинаково прилежно изучая все дисциплины»; б) «Никогда не задумывался над этим вопросом, поскольку обучаюсь на коммерческой основе»; с) «Нет. Математика – не главная дисциплина. Основанием для назначения стипендии должны быть успехи в изучении профильных дисциплин». Минимальное количество студентов (менее 10%) выбрали первый вариант ответа, подавляющее большинство выбрали ответ «б», чуть более 15% респондентов сделали свой выбор в пользу ответа «с», мотивируя свой выбор тем, что математика не является главной дисциплиной, в связи с чем не должна влиять на возможность получения академической стипендии. Основанием для этого, по мнению студентов, должны быть успехи в изучении дисциплин, соответствующих основному профилю обучения.

Анализ ответов на десятый вопрос анкеты «Если бы Вы обучались на бюджетной основе, что для Вас являлось бы основным мотивом для изучения математики в университете?» также дал возможность сделать интересные заключения. Поскольку это был вопрос со множественным выбором вариантов ответа, нам было интересно посмотреть, что в качестве основного мотива для изучения математики выберут студенты. Были предложены следующие варианты: а) «Содержание занятий»; б) «Интересный преподаватель»; с) «Желание получать стипендию». Ответ «с» из всего числа опрошенных выбрали только 5 человек, более 80% указали в качестве основного мотива содержание занятий и порядка 40% студентов отметили влияние как мотива интересного преподавателя. Таким образом, мы сделали вывод

о том, что для стимулирования мотивации студентов к изучению математических дисциплин необходимо оптимизировать содержание занятий. Каким именно образом это сделать, нам показал анализ продуктов деятельности студентов.

Так, нами совместно с другими преподавателями профильных дисциплин анализировались практические, лабораторные и контрольные работы по биохимии, гематологии, фармакологии, иммунологии и др., требующим непосредственного использования математических знаний и умений при решении профессионально-ориентированных задач. Результаты содержательного анализа этих работ и полученных по ним оценок показали, что прикладной характер заданий усиливает интерес студентов к математическим операциям. Если во время первых практических работ студенты могли демонстрировать неуверенность в записи задач, вычислениях, допускали ошибки в выявлении причинно-следственных связей, то уже к середине курса данные математические умения становились более уверенными, ошибки в вычислениях допускались студентами реже. Следовательно, практико-ориентированный характер заданий по профильным предметам опосредованно повлиял на совершенствование математических умений и навыков студентов. Соответственно преподавание математических дисциплин логично будет вести с опорой на задачи формирования компетентностного профиля будущего медика, максимально обогащая содержание теоретической части примерами из актуальной медицинской практики, а часть материала, направленную на отработку математических умений сделать преимущественно прикладной, давая студентам возможность с первого курса увидеть связь математики с их будущей профессиональной деятельностью.

Ряд коллег также делают аналогичный вывод о необходимости актуализации содержания математического образования студентов медицинских направлений под-

готовки. Например, Ю.А. Болгова [5] говорит об обязательной ценностно-смысловой направленности ядра математического образования. М.А. Родионов и П.Г. Пичугина [6] показывают актуальность опоры на принципы уровневости, дифференцированности и контекстности в математической подготовке будущих медиков. Л.В. Ланина [7] отмечает, что основой качественной организации математической подготовки будущих специалистов системы здравоохранения является интеграция знаний по специальным и математическим дисциплинам. М.Н. Дмитриева и М.А. Шмонова [8] рассматривают в качестве основания для конфигурации содержания математических и смежных дисциплин опору на межпредметные связи и ориентацию на задачи формирования метапредметных компетенций будущих медиков. Не менее важным при обучении студентов медицинских направлений под-

готовки, по мнению П.Г. Пичугиной [9], является реализация принципа преемственности в преподавании математических дисциплин.

Заключение. Таким образом, вышеизложенное позволяет заключить, что мотивы, побуждающие будущих медиков ответственно изучать содержание математических дисциплин, можно разделить личностно-обусловленные и профессионально-обусловленные. Данные мотивы базируются на актуальном опыте освоения студентами дисциплин математической направленности, полученном в предшествующий период обучения; опосредованы ценностно-смысловым контекстом содержания математического знания, осваиваемого студентами в вузе; связаны с прикладной направленностью практических математических кейсов для студентов медицинских направлений и специальностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Янцер Л.В., Янцер К.Е. Вопросы преподавания математического анализа в медицинских вузах // *Kant*. 2021. № 1 (38). – С. 353–356.
2. Khobragade Y., Khobragade S. Basic knowledge, aptitude and application of mathematics in medicine amongst final year MBBS students // *American research thoughts*. 2015. № 2 (2). P. 3290–3299.
3. Matic L.J. Mathematical Knowledge of Non-mathematics Students and Their Beliefs about Mathematics // *Mathematics Education*. 2014. № 9 (1). P. 13–24.
4. Nusbaum N.J. Mathematics Preparation for Medical School: Do All Premedical Students Need Calculus? // *Teaching and Learning in Medicine*. 2006. № 18 (2). P. 165–168.
5. Болгова Ю.А. Роль математического образования студентов медицинского вуза и условия ее повышения // *Современные проблемы науки, общества и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции*. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 213–216.
6. Родионов М.А., Пичугина П.Г. Роль математического образования в формировании инновационной активности будущего врача // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2014. № 2 (30). – С. 219–227.
7. Ланина Л.В. Интеграция математических и медико-биологических знаний студентов медицинских вузов // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 6. – С. 562.
8. Дмитриева М.Н., Шмонова М.А. Метапредметное содержание как фактор развития исследовательской компетентности студентов-медиков при изучении физико-математических дисциплин и информатики // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2019. № 1(82). – С. 234–237.
9. Пичугина П.Г. Проблема преемственности математической подготовки студентов медицинских специальностей // *Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона*. 2011. № 13. – С. 251–256.

REFERENCES:

1. Yantser L.V., Yantser K.E. Issues of teaching mathematical analysis in medical universities // Kant. 2021. No. 1 (38): 353–356.
2. Khobragade Y., Khobragade S. Basic knowledge, aptitude and application of mathematics in medicine among final year MBBS students // American research thoughts. 2015. No. 2 (2): 3290–3299.
3. Matic L.J. Mathematical Knowledge of Non-mathematics Students and Their Beliefs about Mathematics // Mathematics Education. 2014. No. 9 (1). P. 13–24.
4. Nusbaum N.J. Mathematics Preparation for Medical School: Do All Premedical Students Need Calculus? // Teaching and Learning in Medicine. 2006. No. 18 (2). P. 165–168.
5. Bolgova Yu.A. The role of mathematical education of medical university students and the conditions for its improvement // Modern problems of science, society and education: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Penza: Science and Education, 2021. P. 213–216.
6. Rodionov M.A., Pichugina P.G. The role of mathematical education in the formation of innovative activity of a future doctor // News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences. 2014. No. 2 (30): 219–227.
7. Lanina L.V. Integration of mathematical and medical-biological knowledge of medical university students // Modern problems of science and education. 2015. (6): 562.
8. Dmitrieva M.N., Shmonova M.A. Meta-subject content as a factor in the development of research competence of medical students in the study of physical and mathematical disciplines and computer science // Scientific notes of the Oryol State University. 2019. No. 1(82): 234–237.
9. Pichugina P.G. The problem of continuity of mathematical training of students of medical specialties // Mathematical bulletin of pedagogical universities and universities of the Volga-Vyatka region. 2011. (13): 251–256.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interests

Информация об авторах

Анна Валерьевна Шатравкина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики

НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Российская федерация

e-mail: avshatravkina@gmail.com

тел.: +7(988)5531221

Галина Ивановна Анохина, старший преподаватель кафедры математики НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Российская федерация

e-mail: agi_0803@mail.ru

тел.: +7(968)7160288

Information about the authors

Anna V. Shatravkina, Ph. D. (Pedag.), Associate Professor, Department of Mathematics, NSEPI HE «Moscow financial-industrial university «Synergy», Moscow, the Russian Federation
e-mail: avshatravkina@gmail.com
tel.: +7(988)5531221

Galina I. Anokhina, Senior Lecturer, Department of Mathematics, NSEPI HE «Moscow financial-industrial university «Synergy», Moscow, the Russian Federation
e-mail: agi_0803@mail.ru
tel.: +7(968)7160288

Поступила в редакцию 18.07.2023

Поступила после доработки 29.08.2023

Принята к публикации 30.08.2023

Received 18.07.2023

Revised 29.08.2023

Accepted 30.08.2023

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-115-122>
УДК 316.3

Б.Ю. Ашинов¹, А.Р.Кумпилова^{1*}

**К вопросу о социальной ответственности
как характеристике социальных взаимодействий
в различных сферах**

^{11*} *ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловливается тем, что социальная ответственность представляется важным условием стабильности общественного порядка и развития. В кризисные периоды возникает **проблема** нивелирования социальной ответственности у отдельных лиц и общностей. **Цель** настоящего исследования – выявление наиболее значимых сфер социального бытия современного человека в XXI веке, где социальная ответственность рассматривается как значимая категория, требующая особо пристального научного анализа. При работе с эмпирическим материалом были использованы **методы**, применимые в социологии культуры и социологии управления – аксиологический, типологический, структурно-функциональный. **По результатам** исследования выявлено, что наиболее востребованы исследования реализации социальной ответственности в сфере экономических отношений – бизнеса и корпоративных взаимодействий. Также у ученых вызывает интерес вопрос о необходимости проявления социальной ответственности в области биотехнологий и деятельности инженеров, которые должны ориентироваться не только на научно-техническую, но и гуманитарную составляющую производства. В сложившемся информационном обществе особую значимость получает социальная ответственность СМИ. К **ключевым выводам** относятся тезисы о том, что социальная ответственность как способ позитивной реакции на запрос нуждающихся (индивидов, групп, общества) формируется весьма медленно в силу многообразных исторических, социально-экономических, общекультурных и психологических причин; социальной ответственностью сложно управлять, она не может формироваться по принуждению; необходимо находить баланс экономических выгод и этических альтруистских ценностей, которые заложены в религиозных и традиционных системах этнических культур.

Ключевые слова: социальная ответственность, общество потребления, информационное общество, экономическая сфера, корпоративная социальная ответственность, биотехнология, ответственность инженера, СМИ

Для цитирования: Ашинов Б.Ю., Кумпилова А.Р. К вопросу о социальной ответственности как характеристике социальных взаимодействий в различных сферах // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. С. 115–122. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-115-122>.

B.Yu. Ashinov¹, A.R.Kumpilova^{1*}

Revisiting social responsibility as a characteristic feature of social interactions in various fields

^{11*}*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Maikop State Technological University", Maikop, the Russian Federation*

Abstract

The relevance of the research topic is determined by the fact that social responsibility seems to be an important condition for the stability of social order and development. During the periods of crisis, the problem of leveling social responsibility among individuals and communities arises. The purpose of the research is to identify the most significant areas of social life of a modern man in the 21st century, where social responsibility is considered as a significant category that requires particularly close scientific analysis. When working with empirical material, methods applied in Sociology of culture and Sociology of management have been used - axiological, typological, structural-functional ones. Based on the results of the research, it has been revealed that research into the implementation of social responsibility in the sphere of economic relations - business and corporate interactions - is most in demand. Scientists are also interested in the need to demonstrate social responsibility in the field of Biotechnology and activities of engineers, who should focus not only on the scientific and technical, but also on the humanitarian component of production. In the current information society, the social responsibility of the media is of particular importance. The key conclusions include theses that social responsibility as a way of positively responding to the requests of those in need (individuals, groups, society) is being formed very slowly due to various historical, socio-economic, general cultural and psychological reasons; social responsibility is difficult to manage, it cannot be formed under compulsion; it is necessary to find a balance of economic benefits and ethical altruistic values that are embedded in the religious and traditional systems of ethnic cultures.

Keywords: social responsibility, consumer society, information society, economic sphere, corporate social responsibility, Biotechnology, engineer's responsibility, media

For citation: Ashinov B.Yu., Kumpilova A.R. Revisiting social responsibility as a characteristic feature of social interactions in various fields / Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 3. P. 115–122. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-115-122>.

Введение. Формирование социальных общностей, начиная с первобытных времен, обусловило необходимость такого качества социальных взаимодействий, как ответственность. В спокойные периоды исторического развития социальная ответственность в форме отношения личности к обществу как пространству жиз-

ни, требующему от человека осознанной деятельности для поддержания порядка и процветания в нем, реализуется устойчиво на основе этических кодексов, сложившихся в мифологических, религиозных, философских и политико-идеологических системах. В кризисные времена, которые наступают периодически, возникают про-

блемы с нивелированием социальной ответственности в системе ценностей у отдельных личностей и групп, что ведет к еще большей дестабилизации общественных отношений. Современный этап для России и Европы стоит в ряду кризисных (последствия пандемии COVID-19, украинский конфликт), вследствие чего тему социальной ответственности различных субъектов социальных взаимодействий можно отнести к весьма актуальным.

Социальная ответственность начинает осмысливаться уже в древних философских системах Китая и Греции. Конфуций в его трактатах обосновывал мысль о необходимости соответствия общественных взаимодействий патриархальным семейным отношениям в форме строгих этикетных правил, устанавливающих приоритет общества над личностью [1]. Таким образом постулируется мысль об ответственности как высшей форме личностного сознания [2]. Платон, исходя из идеалистического взгляда на общество и государство, в оценке поступков индивида опирается на идею, что представитель идеального общества и государства при совершении неблагоприятного безответственного поступка обрекает свою душу на вечное смятение [3]. В отличие от экзистенциального подхода Платона, Аристотель рассматривает проблему ответственности с позиции свободы волеизъявления личности. Человек обладает свободой выбора в своих действиях, при этом несет ответственность за свои поступки, в чем проявляется социальный характер этого явления [4, с. 85–86]. Такой подход к категории «ответственность» еще более проявился в воззрениях философов эпохи Возрождения, для которых главным критерием ответственного поступка становится понимание индивидом отличия добра от зла, т.е. на первый план выступает нравственный аспект категории «ответственность» [2]. Во все последующие этапы осмысления категории «социальная ответственность» – в эпоху Нового времени

в философии Просвещения и немецкой классической философии – так или иначе варьировались найденные предшественниками основания в соотношении разума и инстинктов, свободы и воли, нравственности и долга.

В XX веке в связи с интенсивным развитием науки и технологий существенно изменились условия жизни большей части населения планеты, в связи с чем появились новые, ранее не изучаемые области реализации социальной ответственности. Возникли труды по обоснованию необходимости проявления ответственности в таких областях, как техника, наука, экология. В данных направлениях работали такие исследователи, как Х. Ленк, Г. Йонас и др. [5, 6]. Целью настоящего исследования становится выявление наиболее значимых сфер социального бытия современного человека в XXI веке, где социальная ответственность рассматривается как комплексная проблема, требующая особо пристального научного анализа. Для достижения цели нами рассмотрены научные публикации за последние два десятилетия, по содержанию которых и были определены наиболее важные сферы жизни, где социальная ответственность осмысливается как имманентно необходимая составляющая устойчивости отдельных социальных общностей и всего общества в целом. Методология основывается на принятии тезиса о том, что социальная ответственность личности и общества друг перед другом является необходимым условием стабильности общественного порядка и развития. При работе с эмпирическим материалом были использованы теоретические подходы, применимые в социологии культуры и социологии управления (аксиологический, типологический, структурно-функциональный).

Основная часть. Определение понятия «социальная ответственность» предполагает выявление структуры и содержания данного явления. В структуре соци-

альной ответственности принято выделять следующие элементы: субъект ответственности – личность, группа, либо сообщество, чьи действия осознанно подчиняются интересам других; объект ответственности – это те социальные субстанции, которые зависят от субъектов ответственности. В группу объектов социальной ответственности могут входить отдельные личности, категории индивидов (дети, престарелые, работники предприятий и пр.), а также большие социальные образования (страна, государство, все общество в целом) [7]. Функционально социальная ответственность реализуется как устойчивый принцип добровольных действий субъектов, направленных на постоянную, либо ситуативную поддержку объектов, при этом законодательно необязательных.

Количественный показатель обращения ученых в настоящее время к теме социальной ответственности показывает, что наиболее востребованной в научных изысканиях стала тема социальной ответственности в отношении различных сторон экономической жизни социума. Исследователь Н.О. Хваловская, рассматривая идеологему «социальная ответственность», указывает, что как системное понятие оно возникло в 1990-е гг. в Рио-де-Жанейро в документах Всемирного делового совета по устойчивому развитию. Участники Совета (транснациональные корпорации) пришли к выводу о необходимости проявления частной инициативы со стороны коммерческих организаций для достижения устойчивого развития общества [8]. Принятие такого решения было подготовлено исследованиями ученых-экономистов США первой половины XX в. (Ф. Берли и Г. Минз, Г. Боуэн и др.), которые теоретически обосновали наличие факта одновременной зависимости и влияния компаний по отношению к разным уровням социальной структуры. Автор, опираясь на выводы Р.Э. Фримана, замечает, что ко 2-й половине XX в. сложилось два подхода к оценке социальной

ответственности в экономике – формальный (инструментальный) и субстантивный (концептуальный). Представители первого подхода (М. Фридман и П. Хейне) рассматривают социальную ответственность с прагматических позиций, считая, что разные формы деятельности в рамках социального патронажа в конечном счете станут средством повышения прибыли компаний в перспективе. Исследователи в рамках второго подхода (Ф. Найт, А. Рих) считают, что социальная ответственность бизнеса не должна сводиться к голому экономическому интересу, т.к. она имеет весьма сложный характер, обусловленный множеством факторов (социальных, культурных, психологических и пр.).

В системе современного знания по проблеме социальной ответственности бизнеса достаточное внимание уделяется корпоративной социальной ответственности (КСО). КСО – это деятельность управленческого аппарата компаний, основанная на законных актах по социальному обеспечению своих работников, помимо этого готового нести затраты на поддержку своих сотрудников, исходя не столько из правовых норм, сколько из нравственно-этических суждений [9]. Примерами такой деятельности могут служить помощь в повышении квалификации, создание новых рабочих мест, организация баз отдыха и медицинских пунктов для восстановления здоровья сотрудников, эстетическое обустройство интерьеров рабочих помещений и окружающего ландшафта и пр. При соблюдении принципов КСО предприятия через позитивно-деятельностное отношение администрации к работникам косвенно реализуется содействие общей положительной динамике социального развития.

Исследователи отмечают, что культура социальной ответственности российского бизнеса находится в начальной стадии своего развития [8]. Одной из главных причин, очевидно, является наследие советского прошлого в организации социально-эконо-

мического строительства общественных процессов. В условиях государственной собственности на средства производства и планового хозяйства руководители промышленных предприятий действовали по указанию вышестоящих властных органов (партийных и советских), не имели возможности распоряжаться собственной прибылью, вследствие чего их личная инициатива по социальному патронажу работников и территориальных сообществ не могла сформироваться на высоком уровне. Должно пройти немало времени, прежде чем появятся бизнесмены нового формата, для которых прибыль станет хоть и главным, но не единственным приоритетом их деятельности.

Помимо экономического направления исследований в тематике социальной ответственности, сегодня продолжает быть актуальной проблема ответственности перед обществом разработчиков биотехнологий. Исследователь Н. Лазаревич замечает, что несмотря на то, что развитие биотехнологий идет стремительными темпами, оценка данного процесса у разных категорий общества не однозначна, по большей мере отрицательна. Причины этого она видит в том, что в новой области знания, какой является биотехнология, еще не накопилось достаточно опыта для обеспечения «собственной безопасности». Вторая причина – консервативное по своей сути общество массово не овладело хотя бы элементарными знаниями в этой сфере, поэтому пока у большинства сохраняется страх перед неизведанным, в общественном сознании мифологизируются возможные ужасающие последствия внедрения чужеродных элементов в геном растений и животных, что, по мнению обывателей, приведет впоследствии к неконтролируемому изменению генома самого человека, потребляющего генно-модифицированные продукты. Справедливым является высказывание Н. Лазаревич об этических аспектах дорогостоящих биотехнологических исследований в об-

ласти фармакологии, применение результатов которых может быть осуществлено лишь небольшой частью материально обеспеченных пациентов. При этом только 10% биотехнологических исследований направляется на поиск бюджетных средств для поиска методов борьбы с заболеваниями, которым подвержены 90% населения планеты. Таким образом подпитывается имманентное расслоение общества на бедных и богатых [10].

Общество потребления, пик развития которого пришелся в западных странах на вторую половину XX века, возникло в результате интенсивного развития промышленности по производству товаров массового потребления. Высокий статус в организации профессионального сопровождения производственно-технологического процесса принадлежит инженерному корпусу, в связи с чем проблема социальной ответственности инженера приобретает значимость как в системе самого производства, так и в сфере научного анализа. Современные исследователи видят разноуровневые подходы к обозначенной теме. Инженерное сообщество главным пунктом социальной ответственности инженера видит неукоснительное соблюдение техники безопасности при проектировании, производстве и эксплуатации предметов потребления [11]. Для примера, – желаемое удешевление производства не должно приводить к повышению рисков аварий, либо преждевременного выхода из строя произведенного предмета. На практике мы часто видим, что первоначальные серии определенных товаров (особенно продуктов массового потребления – телефонов, компьютеров, автомобилей, бытовой техники и пр.) значительно превосходят по качеству последующие серии выпуска этой же продукции. Это свидетельствует о приоритете экономического над этическим фактором социальной ответственности.

Исследователи в системе гуманитарного знания проблему социальной ответ-

ственности инженера видят, как правило, необозримо широко на уровне глобального и общебытийного осмысления. Несоблюдение принципов социальной ответственности в инженерно-технической сфере, по их мнению, может привести к катастрофам вселенского масштаба [11]. В таком разбросе подходов с подменой понятий «социальная ответственность инженера» понятием ответственности работника ИТР перед фирмой, работодателем, по мнению авторов статьи «Социальная ответственность инженера», настойчиво требуется определение аксиологических ориентиров технического образования, из которых в современной высшей школе часто вымывается ценностно-гуманистический фундамент.

Еще одним объектом рассмотрения на предмет реализации социальной ответственности в начале XXI века с окончательным формированием информационного общества, и особенно сегодня в сложный для страны и Европы период, становятся средства массовой информации (СМИ). В потоке материалов о СМИ как факторе глобализации, способной уничтожить культурные коды локальных этнических и территориальных сообществ, окончательно превратив их в массовые общности, находятся статьи, анализирующие деятельность конкретных региональных информационных организаций с позиций соответствия публикуемой ими информации современным социально-политическим проблемам. Так Э.В. Блинова, в качестве очевидной проблемы регионального телевидения г. Томска видит то, что журналисты стараются обходить острые темы современного кризиса, связанного с СВО и санкциями, а больше внимания уделяют облегченной просветительской тематике [12]. Нам видится здесь некоторая упрощенность подобной оценки, которая должна рассматриваться комплексно – с идеологической, морально-этической и коммерческой сторон, достаточно сложно переплетенных между собой. Так, не секрет, что важным источником финан-

сирования СМИ является реклама товаров и услуг. Рекламировать некоторую категорию товаров и услуг (туристских услуг, средств гигиены, распродаж на маркет-платформах типа ОЗОН или Вайлдберриз и пр.) в перерывах передач о военных действиях с точки зрения общественной морали неприлично. Перед региональными радиостанциями и телекомпаниями стоит выбор – либо сокращать рекламу, либо меньше отводить времени на материалы социально-политического характера. При этом, мы знаем, что во всех регионах временной сегмент местного радио и телевидения намного уже, чем у общероссийских радиотелекомпаний, в вещании которых политико-идеологический компонент весьма значителен. Нет ничего предосудительного, если передачи местных вещательных компаний большую часть контента отдают темам культурно-просветительского плана. Порицанию подлежит полное отсутствие программ идейно-политического содержания, но на практике такие примеры вряд ли существуют. Общий вывод о соответствии деятельности региональных СМИ принципам социальной ответственности может быть сделан по тому влиянию, которое та или иная информационная компания оказывает на местное сообщество: формирует ли в обществе лояльность к политике государства, уверенность в позитивных прогнозах по развитию экономики и социальной сферы, транслирует ли отсутствие угрозы утраты этнокультурной идентичности. При этом становится ясно, что подготовка такого информационного материала может влиять на некоторые финансовые потери от рекламы, которые компенсируются чувством удовлетворения от исполненного долга перед обществом, позитивной ответной реакцией на публикации регионального населения.

В научных публикациях последних двух десятилетий эпизодически встречаются материалы о социальной ответственности в сфере образования, военного дела и других сфер деятельности [7, 13], не менее

важных, чем экономика, биотехнологии, инженеринг и СМИ. Отдельные исследования по теме социальной ответственности в этих сферах не так часты в силу того, что ответственность перед обществом системы образования и армии прописана на законодательном уровне и является обязательной к выполнению. Однако существует и в них ситуация, когда желание экономии на качестве средств деятельности может не учитываться в силу гуманистических и морально-этических соображений.

Заключение. Представленный анализ современных публикаций о социальной ответственности позволяет сделать следующие выводы:

- социальная ответственность может реализовываться в любых сферах общественных взаимодействий и деятельности. Помимо бизнеса, науки, экологии, образования, армии она может и должна проявляться в медицине, искусстве, культуре в целом;

- социальная ответственность как

способ позитивной реакции на запрос нуждающихся (индивидов, групп, общества) формируется весьма медленно в силу многообразных исторических, социально-экономических, общекультурных и психологических причин;

- социальной ответственностью сложно управлять, она не может формироваться по принуждению. В результате принуждения могут происходить единичные акты помощи, но в систему это не складывается;

- необходимо находить баланс экономических выгод и этических альтруистских ценностей, которые заложены в религиозных и традиционных системах этнических культур;

- темпы формирования социальной ответственности в разных сферах могут быть ускорены за счет научных изысканий в постнеклассическом формате, когда, например, вопросы для респондентов в ходе социологических исследований провоцируют у населения размышления по данному поводу, переходящие в идейные убеждения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конфуций. Беседы и суждения. Великие мыслители. – М.: Мир книги, 2006. – 352 с.
2. Попова А.А. Категория социальной ответственности в контексте развития философской мысли // Гуманитарный вестник. 2017. № 8 (58).
3. Платон. Сочинения: в 4-х т. Т. 2. Федон. – М.: Мысль, 1993. – 539 с.
4. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
5. Ленк Х. Размышления о современной технике. – М.: АспектПресс, 1996. – 183 с.
6. Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
7. Привалов Н.И. Механизм формирования социальной ответственности // Вестник военного образования. 2019. № 4. – С. 55–57.
8. Хваловская Н.О. Идеология социальной ответственности // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 5. – С. 56–58
9. Беломестнов В.Г., Зандакова Э.Ш. Корпоративная социальная ответственность // Евразийский научный журнал. 2011. № 12. – С. 130–131.
10. Лазаревич Н. Биотехнологии и социальная ответственность // Наука и инновации. 2012. № 7 (13). – С. 25–27.
11. Артюхович Ю.В., Соловьев А.А. Социальная ответственность инженера // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 3. – С. 190–192.
12. Блинова Э.В. Социальная ответственность регионального ТВ // Журналистский ежегодник. 2014. – С. 11–13.
13. Косицын Е.А. Социальная ответственность дизайнера // Вестник магистратуры. 2018. № 2–2(77). – С. 78–80.

REFERENCES:

1. Confucius. Conversations and judgments. Great thinkers. M.: World of Books, 2006. 352 p.
2. Popova A.A. The category of social responsibility in the context of the development of philosophical thought // Humanitarian Bulletin. 2017. No. 8 (58).
3. Plato. Works: in 4 volumes. V. 2. Phaedo. M.: Mysl, 1993. 539 p.
4. Aristotle. Works: in 4 volumes. V. 1. M.: Mysl, 1976. 550 p.
5. Lenk H. Reflections on modern technology. M.: AspectPress, 1996, 183 p.
6. Jonas G. The principle of responsibility: Experience of ethics for technological civilization. M.: Iris-press, 2004. 480 p.
7. Privalov N.I. Mechanism for the formation of social responsibility // Bulletin of military education. 2019. (4): 55–57.
8. Khvalovskaya N.O. Ideologeme of social responsibility // All-Russian Journal of Scientific Publications. 2011. (5): 56–58
9. Belomestnov V.G., Zandakova E.Sh. Corporate social responsibility // Eurasian scientific journal. 2011. (12): 130–131.
10. Lazarevich N. Biotechnology and social responsibility // Science and Innovation. 2012. No. 7 (13): 25–27.
11. Artyukhovich Yu.V., Solovyov A.A. Social responsibility of an engineer // Bulletin of Kostroma State University. 2013. (3): 190–192.
12. Blinova E.V. Social responsibility of regional TV // Journalistic Yearbook. 2014. P. 11–13.
13. Kositsyn E.A. Social responsibility of the designer // Bulletin of the magistracy. 2018. 2–2 (77): 78–80.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interests

Информация об авторах

Бислан Юнусович Ашинов, аспирант
ФГБОУ ВО «Майкопский государственный
технологический университет», г. Майкоп,
Российская Федерация
e-mail: dislanashinov555@gmail.com
тел.: +7(961)9709399

Анжелика Руслановна Кумпилова, кан-
дидат экономических наук, доцент, заведую-
щая кафедрой маркетинга, сервиса и туризма
ФГБОУ ВО «Майкопский государственный
технологический университет», г. Май-
коп, Российская Федерация
e-mail: andju@mail.ru
тел.: +7(928)6626070

Information about the authors

Bislan Y. Ashinov, postgraduate student
FSBEI HE «Maikop State Technological
University», Maikop, the Russian Federation
e-mail: dislanashinov555@gmail.com
tel.: +7(961)9709399

Anzhelika R. Kumpilova, PhD (Econ.), As-
sociate Professor, Head of the Department of
Marketing, Service and Tourism
FSBEI HE «Maikop State Technological
University», Maikop, the Russian Federation
e-mail: andju@mail.ru
tel.: +7(928)6626070

Поступила в редакцию 17.07.2023

Поступила после доработки 26.08.2023

Принята к публикации 27.08.2023

Received 17.07.2023

Revised 26.08.2023

Accepted 27.08.2023

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Том 15 № 3 2023

Издательство ФГБОУ ВО «МГТУ»

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191.

Подписано в печать 30.10.2023 г.

Бумага Xerox Performer. Печать цифровая.

Гарнитура Times. Усл. п.л. 14,42. Тираж 500 экз. Заказ 060.

Отпечатано с готового оригинал-макета

на участке оперативной полиграфии ИП Кучеренко В.О.

385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, 403/33.

Тел. для справок 8-928-470-36-87.

E-mail: slv01.maykop.ru@gmail.com

Чистая